

ВМЕСТЕ С КНИЖКОЙ

КОНАН И ГОЛОС КРОВИ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТААИСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН БАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКАЛОТЫЙ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАНТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВАЛДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

ЧАСТЬ I

Олаф Бьорн Локнит

КОНАН И ГОЛОС КРОВИ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2002

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
Л73

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Frank Frazetta.

Подписано в печать с готовых диалозитивов 04.12.2001.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Заказ 2488.

Локнит О.Б.

Л73 Конан и голос крови: Роман / О.Б. Локнит. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 410, [6] с. — (Конан).

ISBN 5-17-010527-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-064-5 («Северо-Запад Пресс»)

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет завершающая часть тетралогии Олафа Бьорна Локнига «Трон Дракона».

На первый взгляд кажется, будто киммериец и его друзья потерпели сокрушительное поражение от сил Мрака... Однако отважные герои никогда не теряют надежды. Даже если сами боги отвернулись от них, люди сумеют сами решить свою судьбу.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© ООО «Издательство АСТ», 2002
© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2001

Сопроводительное слово к рукописям

ыне, предлагая благосклонному вниманию читателей четвертую, заключительную часть книги мемуаров, охватывающих события весны и начала лета 1294 года по основанию Аквилонии и посвященных так называемой «Войне Алого Камня», авторы вынуждены принести свои глубочайшие извинения, ибо при составлении этого тома они отступили от обещания следовать исторической правде, какой бы нелюбимой она ни казалась.

К сожалению, завершая свой труд, мы вынуждены опираться только на собственные впечатления, во многом пристрастные и не соответствующие истине, а также полагаться на устные воспоминания очевидцев тех недавних событий. Кроме того, обстоятельства, приведшие к странно быстрой перемене властителей Немедийского Трона Дракона, затрагивают интересы слишком большого числа влия-

тельных особ, не желающих, дабы их нынешняя жизнь была омрачена скорбными либо нелюбимыми напоминаниями о минувших днях.

Примем также во внимание, что среди заинтересованных лиц, выступавших на той или иной стороне, находились маги различных степеней посвящения, чьи цели, устремления и образ действий могут показаться обычным людям весьма непонятными или же предосудительными.

Подымая сведения для составления последнего фолианта мемуаров, авторы вынужденно изменили своим первоначальным убеждениям, прибегнув к намеренному искажению описания ряда поступков, свершенных героями тех загадочных и тревожных времен, умолчанию относительно истинной подоплеку тех или иных происшествий, а также дерзнув прибегнуть к подсказкам собственного воображения, дабы с его помощью отчасти восстановить приблизительное расположение причудливых звеньев цепи, выкованной общими усилиями вольных и невольных участников охоты за Алым Талисманом.

В особенности сии искажения коснулись части истории, посвященной судьбе наследницы Мораддина Эрде и ее спутника, выведенного нами под именем «Мага из Рабиров», ибо до сих пор не существует общепринятого мнения касательно его личности и подлинной сущности. Знающие истину предпочитают молчать, не ведающим же предоставляется огромное поле для построения невероятных предположений...

Совершенно правы окажутся те из наших будущих читателей, которые, завершив изучение четвер-

той книги мемуаров, с недоумением воскликнут: «Какая же это историческая хроника? Скорее, волшебная сказка, куда для правдоподобности вкраплено несколько известных имен да притянутые за уши оправдания необходимостью из-за неких политических обстоятельств скрывать истину за засовами тайны! Мы ожидали иного!»

Авторам не остается другого выхода, кроме признания справедливости брошенных обвинений, оправдываясь лишь одним: кто из живущих сможет с уверенностью отделить в повестях о минувших годах реальность от вымысла и провести границу между истиной и легендой? Любое мало-мальски важное событие с течением времен обрастает небывлицами, как песчинка — слоями перламутра, становясь драгоценной жемчужиной.

Пусть же все остается как есть. Мы утешимся сознанием того, что приложили усилия для воссоздания картин прошлого, раскрыли парочку-другую секретов, предоставили интересующимся возможность познакомиться с незаурядными личностями, современниками и знакомыми коих мы имели честь быть, и отчасти приподняли завесу над происхождением артефакта, ныне справедливо полагаемого величайшей ценностью короны Аквилонии...

Аквилония, Тарантия.
Подписано на Праздник
Осенней луны 1296 года
собственной рукой Халька
Юсаля из Гандерланда,
а с ним и удостоверяется росчерком
Хэлкарса, барона Целлига из Бельверуса.

Апокриф

Приписывается перу
Гая Петрониуса Тарантийского

Окрестности замка
Демсварт, Немедия.
26 день Второй весенней луны.

Конан Канах и Просперо Пуантенский

Конан, проснись! Да вставай же, киммериец, демон тебя задерживает! — Спящего короля настойчиво трепали за плечо. Варвар продрал глаза, уселся и в темноте шатра различил высокую фигуру Просперо.

— Опять что-то стряслось? — Киммериец зевнул и потянулся к слабо мерцающей ночной лампе, чтобы подкрутить фитиль.

Ого! Что такое приключилось с Просперо? Его пуантенская светлость с самого раннего утра облачился в тяжелый вороненый доспех. Только шлем пока не нацепил. По черному нагруднику

кирасы гордо шествовала геральдическая тройка золотых леопардов Полуденного герцогства.

— Не может быть, — Конан внезапно догадался, чем вызвано столь раннее появление вице-канцлера. — Так они решили подражаться, правда?

— Интересно, чего ты ждал после вчерашнего скандала? — с плохо скрываемой укоризной осведомился Просперо. — Что Тараск с Ольтеном и Долианой Эрде обнимутся, расцелуются и станут верными друзьями? Между прочим, в этом виноват никто иной, как ты. Зачем было кидаться с ножом на Ольтена?

— Я не хотел! — возмутился Конан, нахариная валявшиеся под складной походной постелью сапоги. — Ты отлично знаешь, что когда нужно, я всегда держу себя в руках! Будто волна какая-то нашла! Слепое бешенство, словно у берсерка из Нордхейма! Как заколдовали!

Просперо помялся, раздумчиво качнул головой и, наконец, проворчал:

— Заколдовали, говоришь? Не исключаю и такой возможности. Слишком много враждующих магов околачивается вокруг, а волшебники частенько добиваются своих целей не самыми достойными способами.

— Целых шесть, — дополнил Конан. — Ксаль-тотун с прихлебателями, наш стигиец, Райан и вдобавок выставленный за дверь Хасты. Настоящий садок со змеями. Кстати, зачем тебе понадобился доспех? Мы же ни с кем воевать не собираемся.

— Врожденная пуантенская осторожность, — мрачно ответил Просперо. — Давай быстро одевайся... И кольчугу не забудь. Оруженосцев позвать?

— Сам, — поморщился Конан. — У нищих слуг нет. Рассказывай, что хорошего и плохого происходит?

— Хорошее только одно — наступает утро. Остальное плохо. Чабела по-прежнему намерена командовать, но теперь не Тараском и Ольте-ном, а нами.

— Я не против, — ответил киммериец, застегивая петли на кожаном подкольчужнике. — То, что вчера она наделала ошибок, ничего не значит. Ну, и чем ее милость руководит прямо сейчас?

— Нашей обороной, — усмехнулся Просперо. — Причем безуспешно. Очень просила тебя прийти, дабы возложить командование на твои привычные к военным тяготам плечи. Мы находимся между двумя армиями, но полуночное и ближе к реке. Мятежники и Тараск, похоже, намерены воевать всерьез. В обоих лагерях с самого рассвета надываются боевые трубы, однако легионы Тараска пока остаются на месте. Ждут. Если нам не повезет, окажемся между молотом и наковальней. Времени сворачивать лагерь нет. Чабела решила прикрыть холм вооруженными отрядами нашей гвардии. Приказала зингарцам вступать в бой, только если нападут.

— Сколько у нас народу? — поинтересовался Конан. — В общей сложности? Учитывая акви-

лонских Черных Драконов, грандов Чабелы и охрану остальных королей?

— Боеспособных — не более тысячи, — мигом ответил Просперо. — Два мага, Тотлант и Райан. Кстати, о Райане. Очередная плохая новость.

— Что еще? — взвыл киммериец.

— Маэль Монброн умер, — нехотя сказал герцог Пуантена. — Сегодня ночью. Там уже подготовлена погребальная церемония — костер и жрец Митры из часовни в Алгизе. Коли поторопиться, успеешь на сожжение.

— Не понял? — Конан от неожиданности сел обратно на лежанку. — Быть того не может! Как умер?

— Так, что взял да перестал дышать, — развел руками Просперо. — И теперь у палатки Райана сущее царство скорби. Даже Зенобия разрыдалась. Монброн-старший впал в мрачность и клянется, что непременно разыщет некоего мерзавца по имени Эллар и убьет на месте. Такие дела.

— Еще что-нибудь? — совсем обреченно выдохнул король.

— Разумеется. Тараск, как ожидалось, отверг ультиматум Даны и Ольтена. Ольтен, похоже, намеренно подобрал такие требования, что принять их мог только совершенно не уважающий себя человек. Я присутствовал на оглашении.

— Надеюсь, я его не очень сильно поранил? — смущенно пробурчал король. — Спасибо Дженне, успела отвести удар. По-моему, нож скользнул по ребру и груди. Немного больно, много крови, но ничуть не опасно.

Просперо помог варвару закрепить на кольчуге нагрудник с королевским львом и перепоясаться мечом (оборотни привезли из замка и вернули Конану его аметистовый клинок, выкованный гномами на Подземном Огне).

Они выбрались наружу, хлюпая сапогами по жидкой грязи, быстро миновали взбудораженный аквилонский лагерь и направились туда, где в серо-синих сумерках раннего утра возвышался голубой шатер Чабелы. С холма, занятого зингарской королевой, открывался гораздо лучший обзор.

В походной резиденции государыни Моря и Суши вовсю кипел небольшой военный совет, у входа, ожидая приказов, топтались аквилонские, зингарские и хауранские гвардейцы, а Конан отметил, что фургоны и повозки, принадлежащие свите Чабелы, выстроены у подножия холма в полевую крепость — они полностью окружали возвышенность, закрывая собой палатки. Похоже, Чабела всерьез опасалась нападения с той или иной стороны.

— Нечего бояться, — войдя в шатер, Конан сразу услышал твердый голос Эрхарда, возражавшего насупленной зингарке. — И Ольтен, и Тараск отлично знают, что мы — просто наблюдатели.

— Они-то знают, но в бою может всякое случиться, — невыспавшаяся Чабела (на сей раз облаченная в легкий дамский доспех с сине-зеленой эмалью и золотой чеканкой) озабоченно взирала на подробный план окрестностей замка

Демсварт, разложенный на столе. — Да, ничего не скажу, моя самая крупная политическая победа обернулась провальным поражением.

— Да брось ты! — отмахнулся Конан. — Настало время думать не о победах и поражениях, а о нашей общей безопасности. Ну как, глава Совета Семи королей, передашь мне командование?

— А ты в очередной раз не натворишь глупостей? — ехидно осведомилась Чабела, явно припоминая вчерашний досадный инцидент с Ольтемом. — Запомни, наша задача крайне проста. Стоять, смотреть, обороняться, если нападут. Никакой самостоятельности. Конан, пообещай мне, что никуда не двинешься с холма, даже если по вине Даны или ксальтотуна небо упадет на землю!

— А если до ветру понадобится? — усмехнулся Конан. — Здесь же дамы!

— Ничего, мы отвернемся, — поджала губы Чабела.

Некоторое время ушло на обсуждение диспозиции: походную крепость дополнили повозками аквилонского посольства, сразу за ними укрыли несколько десятков лучников, а всех конных разместили тремя большими отрядами по сторонам от вершины холма, так, чтобы прикрывать королевские палатки с Восхода, Заката и Полудня. Если кто-то попытается атаковать Совет Семи королей и его охрану, гвардия вступает в оборонительное сражение, а достойные монархи могут либо отступить (по просьбе Чабелы этой ночью со стороны ближайшего городка к стоян-

ке пригнали десятивесельную торговую галеру), либо действовать по своему усмотрению.

Ясмела, Тарамис, графиня Клелия и те, кто совершенно не желал погибать из-за глупой случайности, предусмотрительно перебрались на корабль, готовый отплыть в любой момент. Альбиорикс Бритунийский, напротив, горел желанием поучаствовать в драке и полностью вооружил пять десятков своих охранников и дворян.

Ветер донес со стороны полей низкий гул, какой появляется при выступлении конницы, и смутный грохот барабанов. Конан, Чабела и все остальные мигом выскочили посмотреть, что происходит.

— Понятно-понятно,— варвара охватило злое боевое нетерпение. Прикрыв ладонью глаза, он жадно всматривался в развернувшуюся перед ним картину.— Кром и Митра, прямо живой трактат по военному искусству, глава «Штурм укрепленного лагеря»! Позиция у Ольтена явно выигрышная, а, Просперо?

— Самая что ни на есть,— подтвердил пуантенец. В прозрачном и стылом весеннем воздухе стоянка мятежников, расположенная на холме к полуденному восходу, различалась с поражающей четкостью. Над кольцом повозок, таким же, как защищавшее лагерь посольства, метался под ветром установленный на самой макушке возвышенности штандарт немедийских цветов с белой восьмиконечной звездой. Дальнозоркий Просперо указал Конану на какие-то суетливые перемещения за повозками:

— Арбалетчики. У Ольтена их в избытке. Шитники, видимо, стоят в глубине лагеря, а тяжелой конницы совсем не заметно. Похоже, принц спрятал кавалерию за стенами Демсварта. Великолепный выбор места: атакующим придется карабкаться вверх по склону под ливнем стрел. Таким образом, превосходство Тараска в рыцарской коннице сведется на нет, а пехота, прежде чем вступить в бой, протокает пол-лиги по распутице и совершенно вымотается. То ли у Ольтена и герцогини Эрде-младшей такие хорошие советники, то ли молодые люди старательно проштудировали десяток трактатов о ведении войн.

— Говорят, у гномов есть похожее построение,— задумчиво добавил Эрхард.— Стена щитов.

— Да, пожалуй,— согласился Просперо, бросив взгляд на разворачивающиеся в долине боевые порядки. Легаты Тараска Эльсдорфа, не мудрствуя лукаво, сбивали тяжеловесных мечников в два широких клина, нацеленных остриями на укрепленный лагерь участников Рокода.— Стрелки с арбалетами на флангах прикрывают пехотинцев. Но даже тогда Тараску все равно придется заплатить жизнями троих своих воинов за одного убитого мятежника. За повозками, не забывай, их встретят в мечи и топоры.

— Тогда конницей ударить! — войдя в азарт, рывкнул король Аквилонии.

— Пока всадники будут скакать через равнину, из Демсварта вылезет резервный отряд, и го-

тово дело,— буркнул Эрхард. Просперо и Чабела согласно покивали.

— Месьоры, даже не будучи столь искушенной в ратном деле, могу сказать, что наверняка вы совершенно правы,— негромко сказала зингарка, теребя крупный аметист на наверху изящной даги.— При такой расстановке сил иного и случится не может. Но не думаете же вы, что военачальники Тараска глупее нас? Полагаю, они давно пришли к таким же умозаключениям.

— И не захотят платить тремя жизнями за одну,— хмыкнул король Пограничья.— Эй, что там такое?

Конан повернулся налево и воззрился на неожиданно вспыхнувший у подножия Посольского холма гигантский костер. Огонь разгорелся мгновенно, что доказывало — его создание явно не обошлось без магии.

— Скорее всего, последний обряд в честь несчастного графа Монброна,— вздохнула Чабела.— Какие мы все-таки бессердечные. Райан передал мне через Тотланта просьбу прийти, а я...

— Ничего, выпьем за Маэля вечером, когда дело решится,— ответил киммериец, наблюдая за поднимающимся к небу столбом оранжевого пламени.— Жалко парня. Зря я втянул его в эту безумную карусель.

Вскоре на холме появились новые личности — те, кто присутствовал на погребении Маэля Монброна, а теперь спешил присоединиться к группе зрителей у шатра зингарской королевы. Маленькую компанию составляли Хальк Юсдаль,

Веллан и Дженна Сольскель, Аластор Кайлиени и державшийся позади всех Тотлант.

— Хорошо стоят и хорошо идут,— заявил замориец, оглядевшись.— Хотя на первый, неопытный взгляд расстановка проста и туновата, подобно варварской мысли...

— Месьор Аластор,— укоризненно сказала Чабела.— Отчего тебе не дает покоя происхождение Его величества? Кстати, где вы потеряли Рейенира и госпожу Меланталь?

— Рейе отправился совершать подвиги,— наобедничал Веллан.— А Меланталь осталась с Райаном. Он стоит у погребального костра и говорит, что никуда не пойдет, пусть даже мир начнет рушиться на части. Так что там с расстановкой сил?

— Ставлю золотой кесарий против рваного башмака, что у обеих сторон припрятано по парочке неприятных сюрпризов,— закончил фразу Аластор.

— Магия,— пробормотал Конан.

— Магия,— эхом откликнулся Тотлант. Это было первое слово, произнесенное магом с самого утра. Аластор мельком взглянул на волшебника из Пограничья, отметив его необычную бледность: стигиец выглядел так, будто готовился вот-вот упасть в обморок и только подыскивал подходящее место.— У меня... У меня сердце не на месте. И дурные предчувствия. И вообще...

— Да говори ты яснее! — бухнул простодушный и не понимавший оличностей Веллан.— Какие такие предчувствия?

— Яснее не могу,— вздохнул Тотлант. Пожал плечами и обреченно махнул рукой — отстань, мол, не до тебя.

— Хотелось бы знать, где сейчас юная герцогиня Эрде,— протянула королева Зингары.— При ее решительном характере она вполне способна сунуться в самое пекло. Может, она и сейчас рядом с Ольтеном, в укреплении.

— Уж поверь, принц не дурак,— возразил Конан.— Он обязан настоять, чтобы его драгоценная Долиана носа не казала из Демсварта. Дана Эрде — надежда мятежников, их сила и единственный резерв. Битва ратников — мелочи (при этих словах киммерийца Тотлант встрепенулся), суцная ерунда по сравнению с колдовской мощью Алого Камня!

— Что правда, то правда,— еле слышно произнес Аластор.— В замке она в относительной безопасности. На поле битвы трудно избежать случайного арбалетного болта... Будь ты кто угодно, даже владелец Каримэнона.

— Я слышал, будто сила колдовства убывает с расстоянием,— вмешался Альбиорикс.

До сих пор бритунийский правитель молча созерцал подготовку к битве, согласно кивая в ответ на мнения опытных воителей, коими, безусловно, являлись Конан, Леопард Пуантена, Эрхард и — с некоторой натяжкой — Чабела Зингарская. Когда он повернулся к Тотланту, по его роскошному серебристо-синему бахтерцу пробежала серебристая волна.

— Разве не так, месьор маг?

— К возможностям Алого Камня это правило вряд ли относится,— покачал головой Тотлант. Он по-прежнему выглядел бледным, только теперь в черных глазах стигийца появился тревожный блеск.— Закон взаимозависимости справедлив для большинства магических талисманов и заклинаний, но здесь мы имеем дело с Силой настолько огромной, что для нее не имеет значения, пять лиг до цели или пятьдесят.

— А ксальтотун? — спросила Чабела.— Если он будет...

— Всенепременно будет,— заверил королеву Побережья Аластор.

—...Будет участвовать в сражении, он может оставаться в тылу? Или ему придется держаться в первых рядах атакующего войска?

Тотлант промолчал.

— Случится чудо и маленькая Эрде не решится пустить в ход свою зловещую игрушку,— с кривой улыбкой предположил Веллан.— Ее ведь столько просили и предупреждали... Говорят, она сама не до конца овладела магией Камня. Вдруг она просто грозит в пустую?

Надежды оборотня не оправдались. Над стеной замка взлетела, изогнувшись огромной дугой, бледно-розовая молния, обрушилась на первые ряды пехотинцев Тараска и с треском рассыпалась тысячами крохотных искр. Значит, Дана Эрде и вправду находилась в крепости, пытаясь оттуда по мере сил и умения помогать своей армии.

Хальк Юсдаль, летописец

Барон Юсдаль не ночевал в своем законном маленьком владении, то есть в шатре на землях аквилонского лагеря. Он приткнулся в углу палатки Райана Монброна, решив сменяться по очереди с Рейе, Меланталь и Цинтией Целлиг, бдевшими возле походной кровати, на которой лежал Маэль Монброн. Маэль и в самом деле здорово смахивал на мертвеца. Требовалось беззвучно просидеть рядом с ним какое-то время, чтобы уловить еле заметное, прерывистое дыхание. Оно становилось все тише и тише, и, наконец, прекратилось. Сорок второй граф Монброн Танасульский, двадцати семи лет от роду, вдохнул последний раз, и на большее у него не хватило сил. Древняя магия забрала его жизнь, оставив только телесную оболочку.

Первой смерть Маэля обнаружила Цинтия. Истерические рыдания немедийки подняли посреди ночи на ноги всех остальных. Когда стало ясно, что графу Монброн не поможет ни лекарская наука, ни магия, Рейенир отправился седлать коня, намереваясь съездить в Алгиз и раздобыть все необходимое для похорон, а заодно договориться с тамошним жрецом Митры о прочтении традиционных прощальных молитв. Райан молча накрыл почившего родственника вытасненным из вьюка новеньким бархатным плащом винно-алого цвета, постоял рядом и ушел из палатки. Хальк высунулся следом, обнаружив, что маг из Танасула миновал с десятков ша-

гов, сел на подвернувшийся валун и теперь бесстрастно созерцает хлопоты по устройству оборон лагеря Семи Королей.

Посмотрев на выражение его лица, Юсдаль решил не торопиться с соболезнованиями. Райан Монброн походил на человека, собравшегося кого-то прикончить и тщательно обдумывающего, каким наиболее мучительным способом это проделать. Даже верная собака не отважилась приближаться к хозяину, и, тихо поскуливая, бродила вокруг палатки.

Цинтия продолжала рыдать, невнятно что-то выкрикивая.

Попытки Меланталь успокоить ее закончились провалом, и девице-гулю пришлось прибегнуть к иному способу.

Она бесцеремонно повернула залитое слезами и перекошенное лицо Цинтии к себе, заглянула в глаза, и спустя миг немедийская баронесса обмякла, погрузившись в глубокий сон. Цинтию осторожно перенесли в дальнюю часть шатра, завернули в плед и оставили в покое, ибо сейчас помочь ей все равно никто не мог. Должно пройти время, чтобы раны затянулись, а дурные воспоминания изгладились из памяти.

— Проспит до конца дня,— изрекла Меланталь.— Главное, не забыть бы о ней, если придется спешно удирать.

Вернувшийся Рейе доставил в лагерь возок с дровами и изрядно напуганного разворачивающимися вокруг событиями служителя Митры, преклонного годами, но вполне ясного разумом.

Поленья вывалили на землю у подножия холма и принялись складывать из них невысокую усеченную пирамиду — основу для погребального костра. Тотланта, пришедшего узнать, не улучшилось ли состояние Маэля, отослали к шатру Чабелы: известить зингарскую королеву о готовящейся печальной церемонии.

Стигиец принес известие, что лагерь Совета Семи королей охвачен военной лихорадкой, но правительница обещала постараться прийти, если ей удастся выкроить свободный миг.

— Не придет, — буркнул Райан, выслушав. — Какое ей дело до какого-то Монброна из Танасула, который не являлся ее подданным и которого она мельком видела пару раз?

— Но Конан-то будет обязательно, — убежденно заявил Хальк, и ошибся. Видать, у аквилонского короля нашлась уйма более важных дел, чем похороны бывшего соратника по временам корсарства и неудачливого конфидента Латераны.

Посему в странствие без возврата Маэля провожал единственный родич, давно считавшийся мертвым, да люди, столкнувшиеся с Монброн-младшим за минувшую луну и успевшие к нему привязаться. Они стояли кругом возле топорщившейся щепками поленицы — Райан Монброн, рабирийские гули, пришедшие отдать последний долг Дженна Сольскель и Веллан, Тотлант и неведомо откуда взявшийся Аластор Кайлиени, которого после неудачного посольства к мятежникам почти никто не видел.

— ...И да упокоится душа его с миром, — благочестиво завершил поминальные чтения митрианец и вопросительно покосился на слушавших его людей, ожидая, кто поднесет к костру факел. Это право обычно представлялось родственнику или близкому другу умершего, но сегодня все произошло иначе. Райан просто дотронулся до верхнего ряда поленьев раскрытой ладонью, и дерево мгновенно занялось. Искристое пламя взлетело на высоту человеческого роста, вынудив собравшихся торопливо отступить назад.

— До свиданья! — выкрикнула Дженна. — Фарит хейтир!

Последние слова, означавшие «Прощай», она сказала на асирском наречии, и поняли их не все. Смысл, впрочем, не требовал перевода.

Почти одновременно с равнины долетел мерный топающий гул, извещавший, что пение легионы выступили из лагеря и начинают долгий переход по болотистой низине. Этот грозный звук напомнил маленькой группке о том, что военные действия уже начались.

— Мне надо бежать, — извиняющимся тоном проговорил Рейенир, и Хальк только сейчас заметил, что гуль раздобыл где-то легкую кольчугу и выглядит, как человек, намерившийся принять участие в сражении.

— Но ты не можешь пойти туда! — всполошилась Меланталь. — Это не наша битва!

— Зато Дана — моя племянница, — напомнил Рейенир. — Я не связан никакими обещаниями и

клятвами, так что моя жизнь принадлежит только мне. Тотлант, можешь выполнить одну просьбу? Скажи Ее величеству Чабеле... А, впрочем, не надо ничего говорить! Встретимся после боя, если уцелеем.

Он исчез прежде, чем кто-то успел выговорить хоть слово и попытаться его остановить. Рабирийка кинулась было вслед, но ее перехватил Райан.

— Вот ты точно останешься здесь,— непреклонно заявил он.— Вполне достаточно и одной безумной девицы, носящейся сейчас среди толпы таких же безумцев.

Меланталь запротестовала, но быстро умолкла, поняв, что возражать бесполезно.

— Пойдемте наверх, к шатру Чабелы,— предложил Веллан.— Отсюда мы ничего не разглядим, а там, кажется, развернулись всерьез.

Они взбежали наверх по холму, оставив лишь Райана скорбеть возле погребального костра. Магу, прожившему на свете более четырехсот лет и старавшемуся казаться бессердечным хлыщом, оказалось слишком больно потерять своего дальнего потомка.

Конечно, Райан пережил многих своих последующих родичей, но, похоже, к Маэлю он особенно привязался, пускай никогда не показывал этого на людях.

Самое главное, Маэль, первенец в семье, не оставил детей и теперь его титул перейдет к младшему брату. Старшая линия рода Монброннов пресеклась.

Костер, возожженный магией Райана, догорал, маг, не обращая внимания на разгоравшуюся битву, замер в траурной позе, преклонив одно колено. Прочая компания, начиная от Халька и заканчивая Велланом, сгрудилась тесной кучкой за спинами Чабелы, Конана и Эрхарда. Напряжение, охватившее лагерь, почти достигло предела.

Все, кто не стоял на посту и не занимался совершенно неотложной работой, всматривались в происходящее на поле сражения, кровавое средоточие которого медленно сползало вниз по отрогу холма. Даже на расстоянии в пол-лиги отчетливо слышались жуткий грохот, лязг железа, победные кличи и вопли умирающих.

Правда, откос возвышенности, занятой мятежниками, частично заслонял происходящее на левом, дальнем фланге, куда только что пришелся сокрушительный удар пяти сотен тяжелой конницы Тараска Эльсдорфа.

— Не хотел бы я сейчас оказаться в этой заварушке,— пробормотал Аластор, непроизвольно сжимая пальцы на рукояти своего эстока.— У повозок, должно быть, творится сущий кошмар. Пехота Тараска выше всяких похвал, но, Митра свидетель, они не продвинулись ни на локоть! Щитники Ольтена стоят насмерть!

— Что у них творится слева? — нетерпеливо спрашивал Веллан, щуря глаза на солнце.— Кто-нибудь видит?

— Там, похоже, у Ольтена находился резерв,— сумрачно отвечивал бритунийский го-

сударь. — Припрятанная часть кавалерии. Тебе доводилось видеть встречную атаку латной конницы? Нет? Ну и скажи спасибо Небесам. Жуткое зрелище.

Над полем в очередной раз пронесся громовой раскат. Столб синего пламени вонзился в землю неподалеку от ставки Тараска — красочный и поражающий воображение, однако не достигший особого успеха.

В ответ на бастионы Демсварта обрушилась ослепительно-белая, ветвистая зарница. Это герцогиня Эрде и ее противник обменялись магическими ударами.

— Сдается мне, волшебства гораздо меньше, чем ожидалось, — заметил Веллан. — Оно конечно, правда, молнии у них получаются красивые, но...

— Магии, мой юный и немного необразованный друг, сегодня использовано в избытке, — тонком искусственного знатока возразил Аластор Кайлиени. — Только далеко не всегда ее проявление доступно глазу. Кроме того, Долиана не может ударить по сражающимся в полную силу, опасаясь задеть своих, а наш общий знакомый в драконьей маске ограничен в возможностях.

— Сколько еще продлится этот кошмар? — вздохнула Чабела Зингарская, обращая свой вопрос ко всем сразу и ни к кому в отдельности. — Я вроде не сентиментальна, однако есть разница, когда ты сам сражаешься за свои интересы, и совсем другое — смотреть, будто на ярмарочном представлении, как двадцать тысяч человек ре-

жут друг другу глотки. Не хватает только мягких кресел и золотого подноса с засахаренными фруктами! Воистину, это невыносимо!

— Мы ничем не можем помочь, — не слишком настойчиво запротестовал Аластор, а Эрхард авторитетно добавил:

— Учитывая ожесточенность битвы, исхода ждать недолго. Крайний срок — к полуденному колоколу. Может быть, раньше. Вот только кто победит? Ладно, коли принц Ольтен и мятежники, а ежели Тараск? Герцогиня Эрде, боюсь, в отчаянье возьмет и единым махом высвободит всю Силу Алого Камня... Конан, Просперо, как полагаете, кто возьмет верх?

— Ольтен, — не раздумывая, бросил киммериец. — Его люди великолепно держатся. Если у Тараска не осталось подвоха, вроде засадного отряда в тысячу клинков...

— У кофийского выкорымыша дело дрянь, — заявил Альбиорикс. — Он топчется на месте. Сейчас атака захлебнется, его легионы отбросят и начнут разметывать по равнине, как гончие — лисицу. А мы отправимся поздравлять нового короля Немедии, Ольтена Первого. Или Нимеда Второго, он вроде собирался взять имя погибшего брата?

Просперо пожал плечами, то ли соглашаясь, то ли в знак того, что битва еще не окончена и преждевременно выносить решения.

И тут громко, нараспев, заговорил Тотлант — про молчаливого, нахохленного стигийца успели благополучно позабыть, так что слова его, зву-

чавшие мрачным пророчеством, заставили собравшихся вздрогнуть:

— Победивших не останется. Не людское оружие предрешит исход сражения, но божественный промысел. Правые и виноватые — всех поглотит огонь иного мира, и призраки будут разрываться плоть сражающихся, и бессильны станут мечи в руках воинов. Еще не наступит полдень, когда...

Конан, Эрхард, Чабела и прочие слушали сие предсказание в полном недоумении.

Веллан поднял было руку, дабы красноречивым жестом постучать себя по лбу и высказать, что он думает по поводу спятивших магов, но его остановил внезапно прокатившийся по Посольскому холму истощный вопль:

— Смотрите! Смотрите! Взгляните на поле!

Шум сражения, ставший за последнее время почти привычным звуком, многократно усилился. Теперь в него вплетались панические вопли.

Невольные наблюдатели из лагеря Семи королей, затаив дыхание, увидели, как на левом, непрерывно атакуемом фланге обороны сторонников Рокода вскипело месиво пыли, железа и человеческих тел. Щитники Ольтена, до сих пор доблестно отражавшие натиск врага, дрогнули и попятились. Нескончаемый дикий рев, в котором слышались ужас и ликование, повис над полем брани.

Сражение под Демсвартом достигло решающего момента, когда перевес в ту или другую сторону мог зависеть от любой мелочи, вовремя

отданного приказа или удачного действия отдельного отряда.

**Тотлант Луксурский,
придворный волшебник
короля Пограничья**

Мои худшие предположения начинали сбываться.

Я мало смыслю в заумных ратных беседах. Вот старые, покрытые шрамами вояки, заслоняющие мне обзор своими широченными железными спинами, знали толк в полководческих хитростях. Они наперебой сыпали звонкими словечками вроде «засадный полк», «атакующая позиция», «обходной маневр», «тактический резерв», а когда мне удавалось выглянуть в щель между стальным оплечьем Конана Киммерийца и сверкающим доспехом бритунийского монарха, я видел лишь...

...как две бронированных черепахи, тяжелая пехота Тараска Эльсдорфа, наглухо прикрытые поднятыми щитами от смертоносного града стрел, взошли на холм и с хрустом врубились в ряды щитников Ольтена.

...как дрогнула земля под чудовищным весом латной конницы некоронованного короля, всадник и конь закованы в железо, наставлены длинные, в четыре локтя копы, и нет силы, способной удержать такую лавину. От необходимости

созерцать жуткое зрелище столкновения двух стальных потоков меня уберегли Небеса и крутой склон холма, за которым происходил бой. До нас только доносились крики умирающих, казавшихся неуязвимыми пять ударов сердца назад воинов и коней.

...и над всем этим, над истерзанной грязной долиной — яростное сплетение двух противоборствующих магий, двух Сил. Магия моего отца, ксальтотуна Менхотепа, похожая на серую стальную паутину, неразличимую обычным зрением, и чуждая, страшная магия Алого Камня. Последнюю, наверное, могли видеть даже те, кто не имел к колдовству никакого отношения, столь велика была ее грубая мощь, управляемая неопытной рукой. Долиана совершенно не умела обращаться с доставшимся ей источником Силы. Только это обстоятельство, по-моему, и спасало Менхотепа. Будь юная Эрде чуть поопытнее, битва закончилась бы, даже не начавшись толком. Ну, а так возможности оказались примерно равными: могущество против знания, гибкая рапира против варварской дубины.

Пока пехота Тараска одолевала расстояние до оборонительного рубежа мятежников (вот и я заговорил, подобно нашим воителям — безумие, должно быть, заразно...), на нее несколько раз обрушился ледяной град, вспыхнула, спалив полсотни латников, гроздь огненных шаров (следующую трудами ксальтотуна унесло напрямиком на позиции Ольтена, и больше Дана такими шутками не баловалась), пару раз в опасной близости

от строя словно гигантская палица ударяла в раскисшую землю — заклятие Тарана, под воздействием коего в щепки разлетелись ворота в Эвербахе. Вещь чрезвычайно мощная, но на больших расстояниях значительно проигрывающая в точности.

Заклятия различных видов Стихийной Магии Долиана сыпала без разбора (в трактатах по волшебству вычитала, что ли? Или в сказках?). Я только поспевал отмечать: вот Ледяная Стрела, вот Дрожь Земли, а вот Дух Костей, отвратительнейшее колдовство, к счастью, не достигшее цели.

Демсварту тоже изрядно доставалось — Менхотеп не терял времени зря и не давал противнице ни мгновения передышки.

А потом я услышал Голос. Он говорил моими устами. Что я там напроорочил? У Киммерийца и прочих вид стал такой, будто я на их глазах вознамерился перекинуться единорогом или драконом. Веллан явно готовился сказать очередную гадость, касающуюся свихнувшихся волшебников, но ему помешал крик: «Смотрите! Смотрите на поле!» — и все разом обернулись. Туда, где двадцать тысяч кололи, рубили и резали друг друга.

Я тоже взглянул. Оборона мятежников рассыпалась на отдельные островки, состоящие из мешанины клинков и голов.

Что ж, у Тараска отыскалась в кармане пакостная неожиданность, о которой упоминал Альбиорикс — три сотни отборных, отлично выучен-

ных воинов, краса и гордость Вертрауэна, так называемые «Летучие мыши». По слухам, их натаскивал лично герцог Мораддин Эрде, светлая ему память... Какая злая насмешка судьбы!

Откуда они взялись — в нужном месте, в нужное время?! Сет их ведает...

Возможно, в густо насыщенном магией эфире совсем незаметно прозвучало простенькое, но умело наложенное заклятие из тех, какими отводят глаза, или, может, они скрывались до поры в укрытии поблизости от Алгиза. Какая разница?

Главное, что они находились там, и каждый стоил пятерых.

Вокруг гомонили, перебивая друг дружку, гудел над ухом Альбиорикс, возбужденная сверх всякой меры Чабела Зингарская, напрочь забыв о правилах хорошего тона, тыкала пальцем, и в этой суматохе только я да Конан заметили, как быстро распахнулись ворота замка Демсварт, выпустив отряд тяжелой конницы. Около трехсот человек верхами, во главе — виденный мною на переговорах Эскен из Клеве, один из верных соратников принца Ольтена. Даже издали невозможно спутать изумрудную эмаль на доспехе, а чуть позади него... Кто-то невысокого роста, порывающийся вырваться вперед... Оруженосец? Вестовой?

Заклинание Орлиного Глаза, и я в панике затеребил Конана за край плаща. Король Аквилонии, впрочем, обошелся собственным хорошим зрением, разглядев то же самое, что и я.

— Сет Змееликий! — рявкнул киммериец. — Вот отчаянная девчонка! Не усидела в крепости, полезла в драку!

— И правильно сделала! — горячо возразил Альбиорикс, яростно рубя воздух кулаком в латной перчатке. — Сейчас ударят в тыл этим серым ублюдкам — и Тараск побежден! Только бы успела!

— «Да, только бы успела», — вслед за бритунийцем подумал я, но что-то мешало. Как соринка в глазу. словно прореха в паутине.

Почему озадаченно хмурится Аластор, глядя на поле?

Почему на лице Эрхарда возникло тягостное недоумение?

Меня сильно ткнули в плечо. Веллан:

— Слушай, Тотлант, — удивленно проорал мне в ухо оборотень, — одного в толк не возьму: откуда эти Мышата выползли? Хоть убей, не могли они незаметно подкрасться, по голому-то полю... Колдовство какое, что ли?

Заклятию Истинного Зрения обучают новичков в магических школах. Я произнес его на одном дыхании.

Понимание обрушилось на меня, подобно горному обвалу в Граскаале.

Схватив Киммерийца за мощные предплечья, я попытался развернуть его лицом к себе. Все равно, что пытаться поднять мельничный жернов. Сам не знаю как, но я сумел это сделать и прокричал прямо в безмерно удивленную физиономию Конана:

— Там ловушка! Мы должны ее остановить!

К счастью, долгих объяснений не понадобилось. Варвар оценивающе глянул на поле боя, на меня, еще раз на равнину, охнул и сам сообразил, что к чему. Дана Эрде со всей самоуверенностью человека, мало понимающего в тактических уловках, летела со своим отрядом в приготовленную им ксальтотуном и «Летучими мышами» западню.

— Хальк! — взревел Конан. Почтеннейший королевский библиотекарь мигом подбежал к своему государю. — Просперо, тоже подойди! Вы двое остаётесь здесь за меня. Просперо — вице-король, Хальк — первый государственный советник при особе его светлости. Просперо, ты мое завещание знаешь. Если мне сегодня не повезет, напяливай аквилонскую корону. Канцлером оставишь Публию, Хальку дашь титул главы королевского Совета... Ясно?

— Чего? — Просперо вздрогнул. — Ты что задумал, медведь киммерийский? Чабела, иди сюда! Конан опять затеял нечто сумасбродное!

— Ты обещал! — взвилась зингарская королева, увидев, как варвар застегивает на шее крючки ворота кольчуги. — Обещал не вмешиваться! Я тебя!.. Я тебя прокляну!

— Чабела, детка, — варвар повернулся к государыне Моря и Суши, и впечатал в ее губы звонкий поцелуй, — я ни во что не вмешиваюсь. Мне надо выручить одного... или двух людей. Да глянь на поле! Их же сейчас угробят за милую душу!

— Я тебя никуда не пущу! — орала Чабела, вцепившись обеими ладонями в мелкие кольца вороненой кольчуги варвара. От царапин ее спасли только кожаные перчатки. — Это политика! Неужели ты не понимаешь?

— Нет, не понимаю, — твердо ответил Конан, попутно отстраняя налетевшего справа Халька, также пытавшегося образумить короля. — Я знаю, что это не наша война. Чабела, я не могу стоять и смотреть, как там гибнет дочь моего лучшего друга на протяжении последних двадцати лет! Если ее убьют, я этого себе никогда не прощу! Пусть хоть Дана останется в память о Мораддине!

— Поступай, как знаешь, безумец! — совершенно не по-женски рывкнула Чабела. — Какой счастье, что я вышла замуж за Оливерро, а не за тебя! Невозможно жить с человеком, вечно напращивающим на самоубийство!

И уже несравненно громче королева выкрикнула:

— Зингарская гвардия короны! — десятники и сотники прислушались, повернув головы. — Исполнять только мои приказы! Стоять на месте, в бой не ввязываться! Его аквилонское величество желает совершить подвиг?! Отлично! Так пусть совершает его в одиночестве!

— Кто со мной? — будто в ответ на слова Чабелы взревел Конан. Альбиорикс Бритунийский немедленно выхватил меч из ножен и поднял его к небу. Похоже, король Бритунии ждал этого мгновения с самого прибытия в Немедию. Эр-

хард медленно покачал головой, отказываясь, но Веллан и Эртель единодушно взялись за клинки, поддерживая акилонского короля.

— Ты мой единственный родич,— хмуро сказал Эрхард племяннику и наследнику.— Если хочешь, иди. Только помни о том, что за твоей спиной целая страна и наш народ. Ступай, геройствуй.

— И я тоже,— слабым голосом заикнулся Хальк.— Не могу упустить такого случая.

Конан посмотрел на библиотекаря грозно, Просперо несказанно удивился, а сам Хальк жестом руки подозвал оруженосца.

— Значит, первым государственным советником придется назначать кого-то другого,— скривившись, заметил пуантенский герцог.— Досадно. Хальк, из тебя бы вышел неплохой канцлер после смерти Публио.

— Не каркай! — отмахнулся король.— Кто еще?

— Надеюсь, Ваше величество не возражает, если я прогуляюсь вместе с вами? — голос принадлежал Аластору, мрачневшему с каждым мгновением.— Помнится, раньше я неплохо обращался с клинком...

— Тогда на-конь! — приказал король Аквилонии.— Ахс, езжай сразу за мной. Тотлант, действуй по своему усмотрению и постарайся защитить нас от магических пакостей. Наша цель: вытащить из этой гнусной переделки Дану Эрде, поняли? Держаться тесным отрядом, не расходиться, в мелкие стычки не вступать. Проры-

ваться как можно быстрее. Альбиорикс! Командуешь вторым платунгом, я — первым.

— Ясно,— запросто кивнул бритунийский монарх.— Сколько у нас людей?

— Твоих сорок, моих тридцать,— Конан ткнул пальцем в небольшой отряд лучших офицеров из гвардии Черных Драконов, уже собравшийся неподалеку.

— Итого почти семьдесят,— согласно наклонил голову Альбиорикс.— Прорвемся. Главное — идти в обход битвенного поля, иначе нас просто сомнут.

Конан взлетел в седло и неожиданно почувствовал, как чья-то рука дернула за стремя.

— Удачи тебе, варвар,— быстро и решительно проговорила Чабела.— Пусть ты безумец, но расчетливый и удачливый. Спаси Дану. И, если получится, Ольтена. С политикой я как-нибудь разберусь сама. Вместе с Просперо.

— Счастливо оставаться, Ваше высочество! — варвар отмахнул приветствие герцогу Пуантена, поименовав его высоким титулом представителя королевской семьи. Просперо уже в который раз (как в отсутствие Конана, так и в его присутствии) становился единовластным правителем Аквилонского королевства. Ничего не поделаешь, у Конана нет законного сына, значит, Трон Льва переходит к первейшему из дворян.

— Подождите! — Хальк обернулся, услышав неожиданный крик.— Куда без меня?

На высокой зингарской кобыле, до прошедшей ночи принадлежавшей Маэлю Монброну,

наш отряд догоняла женщина. Вернее, девица. Дженна успела облачиться в кольчатый доспех и открытый шлем, одной рукой держалась за поводья лошади, вторую же утвердила на рукояти клинка.

— Зенобия? Ты что здесь делаешь? — возмущился Конан, когда Дженна догнала королевского жеребца и поехала вровень. — Не в бабское дело ввязываешься!

— Ты меня еще поучи, — огрызнулась Зенобия. — Как хочешь, а тебя, старого волка, я не брошу. Как раз бабский погляд за тобой и нужен. Согласен?

— Вот сумасшедшая! — прохрипел Конан, а Хальк, ехавший сразу за королем, только плечи вздернул.

Небольшой отряд скатился с Посольского холма, галопом рванув туда, где триста всадников под черно-бело-красным знаменем с восьмиконечной звездой приближались к осажденной возвышенности.

Аластор Кайлиени, протектор Заморы

Да, конечно, клинком я владею недурно. Кое-кто даже именoval меня «лучшим мечом Шадизара» — лстили, мерзавцы, но не так уж далеки были от истины. Еще я немного умею колдовать, хотя тут меня никак не назовешь

лучшим, даже по сравнению с некоторыми из смертных. Например, ксальтотун с его боевой магией уделал бы вашего покорного слугу в два счета. И крохотный магический подвох, решивший впоследствии судьбу сражения у стен Демсварта, заметил первым не я, а умница Тотлант.

Когда Конан Киммериец (который, несмотря на любые его старания, все равно останется для меня Малышом) берется за дело, никто не сравнится с ним по части решительности и напора. Не прошло и десятой доли колокола после отчаянного призыва Тотланта, как мы — Конан, Хальк, Альбиорикс, неразлучная парочка Веллан — Эртель, Дженна и семь десятков лучших мечей личной охраны двух монархов — были в седлах, и кони крупным галопом несли нас через поле вдогонку сумасбродной девице Эрде.

Мы спешили, как могли, и все-таки не успели.

Ксальтотун, ловко подстроивший засаду (как покровитель обманщиков, вынужден сделать поклон в сторону достойного ученика), одним ударом уничтожил две трети отряда Долианы. Обращения к Стихиям Земли на небольшом расстоянии весьма действенны, стигийский маг искусно сплел мощное боевое заклинание, наполнившее воздух осколками раскаленного металла, а залп платунга арбалетчиков довершил разгром. Эскена Клеве вышибло из седла одним из первых, трехцветный штандарт с крылатой звездой рухнул в грязь, и тут же, словно по волшебству, невесть откуда взявшиеся легкие конники

Тараска погнала Дану с двумя или тремя десятками уцелевших по равнине, искусными маневрами пытаясь зажать их в кольцо. Напали и на наш отряд. Над моим ухом противно вжикнул арбалетный болт, я, не раздумывая, рубанул наискось стрелка и вдруг запоздало осознал, что в горячке влетел в самую гущу боя.

Ненавижу подобные новости! И вообще, сражения — не мое призвание. Я мошенник и торговец, а не воитель.

— Прорывайтесь к Дане! — ревел Конан, пластая направо и налево своим аметистовым клинком. — Держаться вместе! Тотлант! Альс! Задайте им жару!

Легко ему командовать — «задайте жару»... Все, что я смог породить в этот миг — убогого вида огненный смерч, заставивший отшатнуться ближайших противников. Но затем ко мне бросились сразу с полдюжины пехотинцев Тараска, и стало не до магических трюков. Пришлось колоть и рубить, распрощавшись с мыслями о спасительном боевом волшебстве. Тотланту пришлось немногим лучше: прикрытый сплоченной группой тяжеловооруженных гвардейцев Альбиорикса, он расшвыривал нападающих короткими трескучими молниями, вызывающими у жертвы кратковременный паралич.

Очередной замах эстока. Грубое бородатое лицо под железным шлемом немедленно заливает темная кровь, срубленный противник валится навзничь. Сбоку мелькает поистине волчий оскал кого-то из оборотней. Альбиорикс глухо ры-

чит сквозь зубы, и его длинный меч выписывает в воздухе гудящие круги. Приближаться к нему враги опасаются, но я вижу, как неверно пущенный арбалетный болт ricoшетит от его бахтерца. Хальк здорово влип: его коня схватили под уздцы, а самого пытаются крюком выдернуть из седла. Он отчаянно кричит — почти неслышно в грохоте битвы — и отмахивается палашом. Где Дана? Мы потеряли ее и, похоже, насовсем.

— Конан! — ору я как можно громче. — Где она? Где Дана?!

Киммериец меня не слышит. Но я замечаю над его плечом белые (зрачок стянулся в точку и почти исчез) от ужаса глаза Тотланта. Стигиец смотрит на что-то за моей спиной.

Оборачиваюсь — с хрустом в позвонках, готовый атаковать, эсток занесен для удара.

И вижу Долиану Эрде.

Она стоит на одном колене, вполоборота ко мне, отчаянно стараясь подняться на ноги. Правая рука висит плетью, лицо испачкано в крови и грязи, темные волосы обгорели и спутались. Почему-то никто не решается к ней подойти. Вокруг нее шагов десять пустого пространства, а меня отделяет от нее два десятка локтей.

И еще я замечаю, что шум битвы постепенно стихает, что с противоположной стороны к Дане сквозь толпу пробиваются всадники, возглавляемые кем-то огромного роста, в нелепой здесь, на поле боя, шелковой красной хламиде, запятнанной и прожженной. Он тоже не успевает, а губы девушки беззвучно и быстро шевелятся, словно

она читает молитву. В левой руке у нее стиснут Алый Камень — огромный, сверкающий, зловещий и прекрасный.

Все это мой взгляд схватил за какую-нибудь долю мгновения. Я даже успел машинально отбить направленное мне под ребра острие копья, хотя понимание того, что должно вот-вот произойти, наполняло меня ужасом. И я заорал, надсаживаясь:

— Назад! Все назад!

Чудовищной силы беззвучный удар сотряс землю. Раздался оглушительный треск, словно лопнуло громадное полотно от земли до неба, и свет померк.

Пали сумерки — непроглядно-темные, осенние. Свирепый мороз враз сковал льдом жидкую грязь под ногами. Воины, только что бившиеся насмерть, бросали оружие и пытались бежать. В одно мгновение долина наполнилась разбегающимися в панике людьми.

Наши кони храпели и пытались сбросить седоков. Я поймал взгляд Конана — удивления больше, чем страха.

— Уходите! — крикнул я, безнадежно пытаюсь перекрыть многоголосый вопль ужаса, дрожащий над равниной. — Это смерть! Скачите за Ольтеном, уводите его отсюда! Да убирайтесь же!

— А... — заикнулся киммериец, но, впрочем, понял и махнул рукой. Они взяли с места в галоп, стремительно направляясь к склону холма, я спешился — напуганный конь тут же унесся

прочь — и попытался вспомнить хоть одно известное мне по-настоящему действенное заклятие. Допустим, в боевой магии я не силен, но я все-таки божество этого мира!

Почему-то мне казалось, что подлинная божественная сущность сейчас мало чем поможет. И вообще разумнее было последовать за Конаном. Право справляться с чудовищами я охотно предоставляю подлинным героям — Эрлику... или Мардуку... или Имиру, в конце концов!

Кстати, куда подевалась причина всеобщих бедствий, Долиана Эрде?

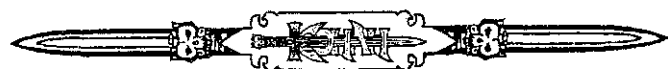
Высоко в небе раздался тонкий, рвущий барабанные перепонки, набирающий силу вой. Там, где чернела отброшенная в сторону изломанная фигурка Даны, к облакам рванул мощный столп яростного фиолетового пламени — теперь я разобрал, что он исходит из громадного, неведомо откуда взявшегося провала в земле. Ослепительное подземное сияние было неоднородным, оно завивалось спиралями, исходило туманными облачками, похожими на болотные испарения. На моих глазах сотни обретающих подобие жизни туманных созданий брызнули во все стороны, настигая бегущих воинов. Я попытался прогнать все мысли, отрешиться от всего — защититься от этих тварей невозможно, можно лишь попытаться не дать им обнаружить себя. И все же, когда клочки призрачного колдовского тумана проносились рядом, заключенная в них жадная, чужая, обжигающая сила заставляла меня вздрагивать.

Духи Бездны, Духи Подземного Пламени, Хемгайни. Лед и огонь, слитые воедино. Сам я никогда не видел ничего подобного, однако слышал пугающие легенды от тех, кто старше меня. Легионы призраков, вырываясь из магического портала, созданного Даной и Камнем, распространялись, подобно кругам на воде.

А я ничего не мог сделать. Представления не имел, как Долиана сумела открыть им дверь в наш мир и как их отсюда изгнать. Растерянный бог — зрелище не для смертных. Еще немного, и я начну вопить: «Помогите!». Только кто мне поможет? Мы, хранители Небес Хайбории, родились — или были сотворены — намного позже вырвавшихся на равнину возле Демсварта жутких существ. Они нам чужды. Мы не знаем, как с ними бороться.

Ближайшие несчастные, застигнутые на бегу, не успели одолеть и сотни шагов. Проходя сквозь железо, ткань, живую плоть, облачко ледяной смерти неярко вспыхивало, и то, что совсем недавно звалось человеком, осыпалось осметками мяса и костей. Воин в куртке из сыромятной кожи, один из гвардейцев Вертрауэна, крича от животного страха, со свистом пластал перед собой воздух длинным клинком. Хемгайни понравилась новая игрушка. Они стремительно закружились вокруг обреченного гвардейца, потом неуловимо быстро нанесли удар. Несчастный обратился в кучку окровавленного тряпья, звякнул о лед упавший меч. Крик оборвался разом, словно обрезанный ножом.

Пожиратели Феа, Ловцы Душ, они убивали молча, быстро и жадно. Там, куда распространялся смертоносный круг, вопли ужаса мгновенно сменялись ледяным безмолвием.

«Надо что-то делать, — в десятитысячный раз повторил я себе. — Немедленно. Думай. Вспоминай. Зови на помощь. Если эта дрянь вырвется за пределы равнины...»

Неожиданно отчетливый и ровный стук копыт прозвучал в расползающихся вокруг тишине и темноте оглушительными ударами. Очень осторожно я повернулся, ища взглядом безумца, рискнувшего направить коня сюда, в долину, где правила свою тризну древняя смерть.

На дороге, ведущей в Алгиз, я увидел летящую низко над землей звезду.

Значит, он все-таки вернулся. Впрочем, другого ожидать было трудно. Только почему так поздно?

Перестук копыт становился звонче... ближе... слышней.

Сквозь сумерки, ставшие почти непроглядной ночью, сквозь сиреневую ледяную погибель рвался крупный жеребец серого цвета, несущий на спине всадника в пепельных, цвета лучшей булатной стали доспехах. В руке, свободно опущенной вдоль бедра, воин сжимал длинный меч с лезвием из полированного обсидиана, с широкой гардой в виде ущербной луны. Серебряный полумесяц слабо искрился.

Всадник приблизился. Спрыгнул на землю, не дожидаясь, пока конь остановится. Подошел к

исторгающейся из бездны страшной колонне, и я, уже не удивляясь, увидел ярчайшую крохотную искру на острие обсидианового меча и черную стальную корону на челе всадника.

Звездный клинок прочертил в ночном воздухе странный знак и на излете коснулся портала.

Заунывный вой, лившийся то ли с неба, то ли с земли, внезапно оборвался. Раздался непонятный звук, словно тысячи скорбных голосов шептали в ночи, и медленно-медленно фиолетовый свет угас. Растаял. Ненасытная смерть остановила свое шествие.

У меня зубы стучали, но я все-таки выговорил:

— З-знаешь, Всадник, что тебя погубит? Пристрастие к к-красивым жестам!..

Он рывком обернулся. Широко расставленные глаза серо-стального цвета, упрямый взгляд, худощавое скуластое лицо, прямые длинные волосы, черные до синевы. Вот таков он на самом деле, Эллар — Астэллар — Темная Звезда, некогда звавшийся Ротой — Всадником Ночи, а ныне принявший облик мага из Рабирийских гор. Мой друг, хотя порой я его побаиваюсь до дрожи. Явился, наконец. Спаситель мира, чтоб его!

Обманщик и Всадник

Двое стоят на заснеженном, покрытом трескающейся ледяной коркой поле отгремевшего боя, у обрывистого края уходящего в неведомые

глубины провала в земле. Над гигантским колодцем курится чуть заметный сизоватый дымок и порой слышится шелест оползающей глины, смерзшейся в бесформенные комья. Чуть поодаль топчется оседланный боевой конь пепельной масти.

На изрытом, грязном снегу между двумя не то собеседниками, не то изготовившимися к бою противниками распластался в медленно расширяющейся луже крови некто, угловато изогнувшийся и неподвижный. Левая рука судорожно вцепилась в странный предмет округлой формы, испускающий мерцающее алое сияние.

Фигура справа, та, что пониже ростом, гибкая и по-кошачьи ловкая, облаченная в золотые и зеленые одежды, стремительно опускается на колени, дотрагивается до лежащего и столь же быстро поднимается на ноги.

— Через колокол она умрет,— золотистый юношеский голос, совершенно неуместный в этой гибельной долине, похож на вкрадчивый звон пересыпающихся монет.— Она тяжело ранена и потеряла много крови. Вдобавок ей просто не хочется жить. Никому не придется лачкать руки убийством столь юного и многообещающего создания. Она заснет и очнется уже во владениях Повелителя Судеб. По-моему, это лучший выход. Если желаешь, я окажу ей честь и лично провожу ее...

— Нет,— роняет второй, воин в тускло сияющих доспехах, вооруженный непроницаемо-черным двуручным мечом. Голос его напоминает

чуть приглушенный рык боевой трубы, слегка облагороженный серебристым отголоском далеких колокольчиков.— Нет, Обманщик. Не трогай ее.

— Оглянись, пожалуйста,— сухо говорит названный Обманщиком.— И скажи, что ты видишь. Впрочем, я могу ответить сам. Семнадцать с небольшим тысяч трупов людей, уничтоженных по прихоти твоей любимицы. Интересно, что она затеет завтра? Может, ей захочется выжечь половину мира, чтобы полюбоваться, как он будет корчиться в огне?

Воин — немногим близким знакомым и знаатокам древних легенд он известен как Ночной Всадник — молчит. Смотрит себе под ноги, на хрупкую девушку-подростка, втоптанную в бурый от пролитой крови снег.

Обманщик прав. Он всегда оказывается прав, когда дело касается забот о сохранении порядка на столь любимой им земле Хайбории.

— Я примчался в Немедию, как только зашестели первые слухи о возвращении Каримэнона,— настойчиво продолжает Обманщик.— Узнал об этой девице все. Слушай, мне действительно очень ее жаль. Поначалу она старалась быть справедливой, но жажда мести превысила все остальное. Я оценил твою попытку остановить ее, однако...

— Это моя ошибка, и я сам расплачусь за нее,— обрывает Всадник. Обманщик какое-то время задумчиво разглядывает его, потом спрашивает, обращаясь к робко светлеющему небу:

— И откуда у него такое стремление взвалить на себя все тяготы мира?

— Так сложилось,— недовольно огрызается Всадник.

— Тебе нужно принять решение. Девушка опасна. Камень — тем более. Миру придется обойтись без них,— Обманщик делает паузу и добавляет: — В крайнем случае, я могу оставить ей жизнь; но Камень придется уничтожить, дабы не вводить прочих охотников за славой во искушение. Вулкан или морские глубины — самое подходящее для него место, не находишь? Ну как, ты согласен?

Не дожидаясь ответа, Обманщик снова наклоняется и пытается вынуть зажатый в ладони девушки огромный алый рубин. Отгибает скрюченные пальцы, дотрагивается до Камня... и отлетает в сторону, ослепленный ярчайшей вспышкой, яростно тряся обожженной рукой.

— Рота, будь ты проклят! Что за шутки?! Знаешь, восемь тысяч лет заключения плохо сказались на твоем чувстве юмора... если оно у тебя вообще имелось!

Всадник коротко и глуховато смеется.

— Извини. Я-то думал, что ты и сам догадаешься.

— О чем? — у Обманщика пострадали не столько зрение и конечность, сколько самолюбие, и теперь он крайне раздражен.

— Цена крови,— произносит Всадник. Его собеседник озадаченно хмурится.— Ее кровь на Камне. Брошенное в последний миг древнее за-

кливание, открывшее дорогу Теням Бездны. Кажется, теперь я догадываюсь, откуда оно ей известно... Отныне она навсегда связала себя с Талисманом. Никто не сможет насильно отобрать, похитить или украсть Каримэнон у его владелицы. Если же ты попытаешься ее убить, может начаться такое, чему даже я не сумею противостоять.

— Да не собираюсь я ее убивать! — с досадой рывкает Обманщик. — Но что нам делать с ней... с ними? Я что, должен постоянно следить, чтобы она опять не натворила бед? Скажи, если ты такой мудрый, каким пытаешься казаться!

— Во-первых, не злись, — Всадник отточенным жестом забрасывает меч в висающие за плечом ножны. — Во-вторых, найдется, кому за ней присмотреть. В-третьих, я твердо уверен, что к завтрашнему утру ты сам поймешь, что делаешь простое сложным. Этой девочке предстоит славный путь, и она будет жить.

— Уж не ты ли собираешься вести ее по этому пути? — язвительно уточняет Обманщик. — Ну-ну. Желаю счастья. Только поверь мне, ничего хорошего из этого не выйдет!

Он разворачивается, делает шаг и исчезает в взметнувшемся над землей легком вихре золотистого цвета. Спустя миг вихрь опадает, засыпав грязный снег тонкими, бархатистыми лепестками цветков шиповника.

Всадник свистом подзывает коня. Мягко вскидывается в седло, но, прежде чем уехать, бросает взгляд на кажущуюся мертвой девушку.

— Дорога только начинается, — бормочет он, изумленно хмыкает и слегка толкает жеребца шпорами. Сгинувшее утро постепенно возвращает свои законные права, и вдалеке, на склоне холма, появляются очертания движущихся фигур — уцелевшие люди выбираются из укрытий.

Всадник на пепельно-сером жеребце скачет по узкому проселку, из-под конских копыт вылетают комья грязи, и узкая стальная корона тает, становясь всего лишь кожаной тесьмой, прошитой серебряной нитью.

Время призраков былого подошло к концу. Наступает новый день.

Глава первая

Взгляд со стороны — I
«Осколки минувшего»

*Бельверус, Немедия.
Весна 1294 года
по основанию Аквилонии.*

В солнечном луче кружатся сверкающие пылинки. Луч косо падает из узкого окна, расположенного на высоте добрых шести локтей. Стрельчатый проем перечеркнут толстой железной решеткой. Через окно проникает не только свет, но и мерный рокошущий шум, производимый находящейся неподалеку огромной толпой. Он становится то громче, то тише, позволяя расслышать отдельные фразы, произносимые уверенным, далеко разносящимся голосом герольда:

—...В согласии с решением дворянского Соборания Немедии, одобренного Его величеством

Тараском Эльсдорфом... Как убежденных врагов короны, злоумышлявших на основы государства и добровольно последовавших за самозванцем... Отчуждение привилегий благородного сословия и лишение прав на владение земельными наделами... К казни через отсечение головы и повешение...

Мельчайшие частицы пыли блестят, подобно граням драгоценных камней, и опускаются все ниже и ниже. Туда, на каменный пол — три шага в длину, четыре в ширину.

В углу, тускло освещенном солнечными квадратами, брошен тюфяк из серой холстины, набитый соломой. Рядом — треснувший с одного края глиняный кувшин и пустая миска. На тюфяке, крепко обхватив колени руками, сидит женщина. Вернее, девушка-подросток. Невысокая, тощенькая, одетая в мешковатое платье убогого вида, с небрежно заплетенными в куды косички темными волосами. Тонкое лицо в разводах желтоватых и лиловых синяков, полученных за минувшие полтора десятка дней. Угол рта разбит, и девушка постоянно слизывает выступающие капли крови. Зеленоватые глаза смотрят чуть отстраненно, словно девица не понимает, где находится.

Так и есть: после сокрушительного поражения армии мятежников возле замка Демсварт их предводительница, герцогиня Долиана Эрде, в какой-то мере потеряла способность к здравому соображению. Ее мысли беспорядочно мечутся, память отказывается сохранять виденное, а ду-

ша похожа на заброшенный пустырь, над которым гуляет холодный ветер.

Дана Эрде знает свою дальнейшую судьбу. Она провела в этой камере пять дней, и сегодня выйдет отсюда в последний раз. Выйдет, чтобы одолеть не больше тысячи шагов и попасть на площадь подле стен замка короны в Бельверусе. Там ее короткий путь закончится. Интересно, придется идти самой или ее провезут согласно традициям — на шаткой повозке, обитой черной тканью?

Девушка прислушивается к звукам в тюремном коридоре. Когда раздастся приближающийся гулкий топот четырех или пяти человек, она встанет на ноги и встретит их, как подобает. Она признала свою вину и готова ответить за совершенное.

Но сейчас она пытается заставить себя заново прожить дни, сломавшие жизнь не только ей, но и тем, кто поверил ее словам. Извлечь из прохудившегося мешка с воспоминаниями каждое слово, каждый поступок, каждый жест.

Вьются, оседая, залетевшие снаружи пылинки. Долиана, герцогиня Эрде-младшая, осужденная и приговоренная к смерти мятежница, участница неудавшегося Рокода, бережно перебирает обрывки своего недавнего прошлого.

Осколок Первый: Переговоры

*Замок Демсварт, Немедия.
25 день Второй весенней луны.*

Отправляясь на встречу в замке Демсварт, Дана не питала никаких радужных надежд. Разумеется, ехала она не одна. Надежная, сплоченная группа единомышленников — Эдмар Крейн, Ньоро Висмарт, Ретта Дюшрек, Герен дие Итери, Эскен Клеве — наследники семейств Полуночной Немедии, ставшие за время мятежа ближайшими и вернейшими соратниками Ольтена Эльсдорфа и Долианы Эрде. Кавалькада держалась маленьким, плотно сбитым отрядом, и Дана краем уха слышала их разговоры. Молодежь, вопреки доводам разума, верила, что сегодня будет неопровержимо доказана истина и вскоре трон Немедии перейдет к Ольтену. Острый на язык Ньоро дразнил приятелей, щедрой рукой распределяя должности в будущем Королевском Совете и предрекая друзьям великие судьбы.

Долиана искала способ сорвать переговоры. Они ей совершенно не требовались.

В последнее время молодая герцогиня Эрде начала замечать странные изменения в своем поведении. Ее обычно гибкий и привыкший находить всевозможные решения ум словно закостенел, не желая прислушиваться к сторонним мнениям. Она стала злой и несговорчивой, часто срываясь на крик. Ее раздражало, что предводителем Рокода считают Ольтена, она нуждалась в

постоянно оказываемом ей восхищении, и молчаливо одобряла сложившийся вокруг нее культ поклонения. Дана твердо знала, что многие из едущих рядом молодых людей не задумывая, отдадут жизнь по ее приказу. Это льстило, но Дана Эрде стремилась к большему. К чему — она пока не слишком хорошо представляла.

Ее самоуверенность дала было тонкую трещину после недавней встречи с жутким рабирийским магом, осмелившимся накричать на нее, словно на нашкодившего ребенка, и требовавшего отдать Талисман. Это окончательно лишило девушку хрупкого самообладания. Каримэнон, Альий Камень, стал ее частью, сердцем и душой, советником и помощником. Расстаться с ним — как добровольно сунуть голову в петлю. Дана помыслить о таком не могла, достаточно резко высказав свое мнение. В ответ колдун попытался напасть. Долиана схватилась за Кристалл, готовясь защищаться, но магический удар достался не ей, а Маэлю Монброну, невовремя сунувшемуся меж госпожой Эрде и Элларом из Рабиров.

Той же ночью Дана твердо решила: никакого мира. Только сражение. Одноглазое чудище наверняка прислал Тараск, напутствовав своего верного приспешника требованием избавиться от вождей мятежников. Довольно попыток решить дело уговорами и расшаркиваниями!

Пусть Совет Семи королев сколько угодно заискивает перед его светлостью Тараском, она, Долиана Эрде, знает, как ей поступать. Нужен только повод.

— Дана, что ты задумала? — нарочито беспечно осведомился ехавший рядом Ольтен. Принц давно усвоил, что за молчанием его сподвижницы частенько кроется внезапный подвох.

— Ничего, кроме хорошего, — отмахнулась герцогиня Эрде-младшая. Ей стоило больших трудов сдерживать себя, дабы не накричать на наследника Эльсдорфов. Он действовал ей на нервы своей поистине собачьей преданностью, несвоевременными заботами и тщательно скрываемым намерением заменить в будущем ею, Долианой Эрде, свою погибшую в Бельверусе супругу Кариолу. Последнего Дана не собиралась допускать ни под каким видом. Стать чьей-то принадлежностью, собственностью! Ни за что, никогда!

Переговоры, как предполагала Дана, вылились в сущий фарс. Только усвоенные с детства правила приличия мешали ей расхохотаться в голос. До чего убоги эти напыщенные короли и королевы, с их мелочными стремлениями и желанием урвать свой кусок добычи! Прославленная Чабела Зингарская — хлопотливая клуша, опасаясь, что ее цыплята разбегутся или, не приведи боги, посмеют иметь собственное мнение. Дана искренне недоумевала, с какой стати ее дядюшка, Рейенир да Кадена, показавшийся вполне разумным человеком, таскается, как привязанный, за зингарской королевой? Как только отец, Мораддин Эрде, хитрейший и расчетливейший из людей, мог полагать своим лучшим другом это тупое говорящее животное, Конана из

Аквилонии? Эрхард, король Пограничья — желчный и вьедливый старикан, его подданные — существующие кобели как снаружи, так и внутри, Тарамис Хауранка — размалеванная шлюшка на троне, Альбиорикс Бритунийский — безмозглый вояка.

В сторону Тараска Эльсдорфа герцогиня Эрде-младшая старалась не поворачиваться, опасаясь невольно обратиться к Камню и насладиться на самозванного правителя Немедии какое-нибудь действительное проклятие или просто испепелить его на месте.

Присутствовавшие волшебники выглядели ничуть не лучше. Стигиец Тотлант чем-то донельзя запуган, Ораст из Кофа — заискивающий подхалим, Аррас — пыжающееся ничтожество, Райан Монброн корчит из себя самоуверенного всезнайку. За равного противника Дана нехотя признала только ксальтотуна, положив в будущем как можно скорее отделаться от него. Это настоящий враг, коварный и могущественный.

Долиана с усмешкой созерцала круговорот страстей в большой зале замка Демсварт, свирепыми взглядами осаживала сторонников, в запальчивости собиравшихся вмешаться в спор, и внутренне усмехалась. Она не совершит ошибок и не допустит оплошностей. Пусть ее противники азартно роют себе могилу. Дана Эрде с удовольствием бросит первую горсть земли на их гробы.

Счастливым случай идет к тому, кто умеет терпеливо ждать. Когда Чабела истерично выкрикнула известие о перерыве, грозя страшны-

ми карами любому, кто нарушит перемирие, и выбежала из зала, Дана отправилась вслед за ней. Ольтену и Крейну приспичило обменяться парой любезностей с Конаном, и она не стала возражать. Пусть болтают. Решение все равно примет она.

Чабела отыскалась на маленькой галерее, тянувшейся почти под самым потолком парадного зала. Королева Побережья пребывала в обществе Рейе и в крайнем душевном расстройстве. Дана позволила себе роскошь слегка посочувствовать зингарке, но смягчать удар не стала. Сказала, что полагала нужным: Немедия обойдется без подсказок со стороны и править страной должен законный король, а не заезжая регентша. Перезрелая красotka из Зингары оскорбленно поджала губы, и, словно в ответ на молчаливую просьбу Эрде-младшей, на балкон ввалилась шумная компания. Ольтен, зверовидный король Аквилонии вкупе с кем-то из придворных лизоблюдов, вертихвостка Тарамис, стигиец Тотлант и Дженна, девица-варварка из Пограничья. Конан совершенно безосновательно вообразил себя наиболее мудрым из собравшихся, немедленно посоветовав Дана срочно избавиться от Камня. Чабела с готовностью поддакнула, сулясь в обмен на гибель Каримэнона помочь Рокоду деньгами.

Долиана не верила ни единому их слову.

Правильно сделала, ибо спустя несколько мгновений аквилонский правитель, в припадке ярости обругав немедийцев последними словами, бросился с кинжалом на Ольтена. Королю поме-

шала угрюмая Дженна, умело выбив из его руки лезвие, взмывшее вверх и глубоко засевшее в потолочной балке. Вспыхнуло краткое побоище, завершившееся тем, что Конана общими усилиями скрутили и оттащили.

На шум примчался Крейн сотоварищи, ни о каком продолжении переговоров не могло быть и речи. С тщательно отмеренной долей ярости влепив оплеуху Его величеству государю Аквилонии, Дана удалилась, чувствуя себя победительницей. В глубине души она сожалела, что Ольтен только ранен. Ударь Конан чуток по сильнее, вынудив душу последнего из династии Эльсдорфов отправиться в края Владыки Судеб, у Долианы Эрде были бы развязаны руки. Ей больше не требовалось бы делить власть и объяснять кому-то свои поступки. Она стала бы единовластной предводительницей Рокода, а затем — чем судьба не шутит? — наверняка добилась бы короны Немедии.

Ольтен остался жив. Что ж, ему тоже найдется подходящее место в далеко идущих замыслах герцогини Эрде-младшей. Потомку Эльсдорфов очень скоро придется расстаться с надеждой, что Дана по доброте душевной и извечной женской слабости уступит ему первенство. Наследница Мораддина безжалостно вытравила из своего характера подобные недостатки. Она — летящая к своей цели стрела, которую ничто не остановит.

Осколок Второй: Военный совет

*Лагерь мятежников около Демсварта.
Поздний вечер 25 дня Второй весенней луны.*

Ранение Ольтена оказалось неопасным. Глубокая царапина, много крови, а в сущности пустяк. Принц, видимо, испытывал чрезвычайную неловкость за проявленную слабость и то плачевное обстоятельство, что он на глазах соратников и чужеземных королей шлепнулся в обморок. Поэтому на протяжении вечера двадцать пятого дня Второй весенней луны он угрюмо помалкивал, внимая, как Дана, граф Эдмар Крейн, месьор Итери, владелец большого торгового города Меноры, и баронесса Ретта Дюшрек по прозвищу Золотая Куница, которой стоило бы родиться мальчишкой, яростно спорят над расстеленными планами окрестностей Демсварта, разрабатывая стратегию завтрашней битвы. По матерчатой крыше огромного шатра заунывно стучал весенний дождь, колыхались свечи в лампах разноцветного стекла, время от времени вбегали нарочные, приносявшие доклады о том, как продвигается строительство укреплений и сооружение ловушек, предназначенных для кавалерии Тараска. Ретта, дослушав сообщение, хватала пузырьки с чернилами и кисточку, быстро нанося на карту соответствующие значки.

— Силы у нас примерно равны, — рассуждал Эдмар, сердито отбрасывая в сторону падавшую ему на глаза прядь русских волос. — По десять с

небольшим тысяч воинов. У нас преобладает пехота и лучники, у Тараска — конные рыцари. Зато мы устроились на холме, а его некоронованная милость торчит внизу. Здесь и здесь, — он провел пальцем вдоль подножия выполненного в коричневых и зеленых красках высокого холма, примыкавшего с полуденного восхода к возвышенности, занятой башнями Демсварта, — сейчас всю копают рвы с кольями. Мы вырубали часть роц на склонах и сложили из бревен с полдюжины засек. За ними расположатся лучники и арбалетчики, следовательно, вот эта часть долины будет у нас как на ладони. Герен, что у тебя?

— Мастерим второе кольцо из повозок, ближе к вершине, — Герен дие Итери, возраст коего слегка перевалил за сорок, оказался в свите принца самым старшим. Он со своей дружиной принимал участие в войне с Бритунией, случившейся три года назад, и в Офирской компании пятилетней давности, и его мнение бывалого воюки высоко ценилось. — Разводим копейщиков по готовым позициям. Пять сотен человек верхами рано утром спустятся с нашего холма и встанут за перелеском, что к Полуночи. Еще пятьсот засядут в долине между нами и Демсвартским холмом. Остальные уйдут к замку.

— Зачем? — скривилась Дана. — К чему распылять силы?

— Затем, что Тараск Эльсдорф не лишен сообразительности и тоже способен предпринять попытку обойти нас, — невозмутимо пояснил

Итери. — И затем, что по правую руку торчит лагерь Семи Королей, в котором насчитывается не меньше десяти сотен воинов. Вдобавок там обретаются такие горячие головы, как Конан Аквилонец, Пуантенский Леопард, Эрхард из Пограничья и Альбиорикс Бритунийский. Я знаю, что они обещали стоять в стороне, однако можно ли сполна доверять чьим-либо клятвам?

— Ты прав, — Долиана Эрде кивнула. Баронесса Дюшрек выслушала очередного посланца, стремительно начертила поперек склона холма прерывистую линию, обозначавшую готовый палисадник для стрелков, и вполголоса проговорила:

— Клеве и его подчиненные заканчивают рыть ямы. Они находятся здесь, здесь и здесь, — кисточка трижды притронулась к пергаменту, оставляя красные пятна. Ретта огляделась, сердито крикнув: — Эй, гонца мне! Лети к Висмарту и предупреди, чтобы его кавалерия гарцевала поосторожнее. Свалются в собственную ловушку, позора не оберешься!

— Теперь о твоём отряде, госпожа, — Крейн вытащил карту с изображением семиугольника крепости Демсварт, засевшей на выступающем в реку утесе, и постучал ногтем по башне, замыкающей стены на полуденном закате. — Шестидесят локтей высоты, отличный вид на всю округу. Ты расположишься там. С Талисманом, охраной, сигнальщиками и конницей под командованием Эскена фон Клеве, прикрывая нас от волшебства ксальтотуна. Действуй по своему усмотрению, но ради всех богов, не высывайся без

необходимости. Помни, в случае неудачи крепость станет нашим оплотом. Не позволяй выманивать тебя наружу, береги всадников и не давай людям Тараска даже приблизиться к стенам!

— Поняла,— Дана не слишком нравилась мысль, что во время сражения она будет отсиживаться в относительной безопасности за бастionsами старого Демсварта. Однако достойных возражений в голову не приходило. Крейн говорит сущую правду: она не воин, ей совершенно незачем носиться по равнине вместе с конными отрядами и опасно оставаться в шатре на вершине холма. Военное счастье переменчиво, высота может быть захвачена. Крепость надежнее. Оттуда она прекрасно увидит любые перипетии битвы и сумеет в нужный момент вмешаться. В том, что противная сторона обязательно прибегнет к магической поддержке, герцогиня Эрде-младшая не сомневалась.

Разошлись глубоко за полночь, убедившись, что из каждый соратников усвоил, какие действия ему надлежит совершить завтра. Дана сняла со стены лампу и вышла проводить участников маленького военного совета. Заодно обогнула шатер и взглянула на тщательно залатанную кривую прореху, память о кратком пребывании в лагере мятежников не в меру раздражительно-го колдуна из Рабиров. Мимолетом Дана подумала, как там поживает Маэль Монброн — аквилонский граф вызывал у нее смутную симпатию — и отправилась спать. Завтра придется встать рано, до наступления рассвета.

Грядет трудный день. Трудный и славный.

Ольтен по-прежнему сидел за столом, подпирая голову руками и рассеянно изучая огромные пергаментные листы чертежей. При виде возвратившейся Долианы он шевельнулся и неожиданно спросил:

— Дана, ты уверена, что мы поступаем правильно? Может, еще не поздно вернуться к переговорам? Если мы обратимся к Чабеле, она наверняка поможет...

— Снова будут произноситься бессмысленные речи и даваться обещания, которые никто не собирается выполнять,— огрызнулась Дана.— Переговоры бесполезны, ибо Тараск не собирается нас выслушивать и меньше всего хочет, чтобы темные дела, совершенные им ради получения Трона Дракона, выплыли на свет. Как и нам, Кофийцу необходимо очевидное, бесспорное доказательство его правоты. Таким доказательством может служить только безусловная победа или поражение. Или — или, мой друг, как на редкость здраво заметил неприятный ме́сьор ксальтотун. Иного не дано. Ступай вздремни. Тебе завтра командовать, вести армию в бой и быть героем. Что же до дражайшей Чабелы, то Ее зингарское величество напрочь запуталась в паутине собственных интриг. Она должна сообразить, что регентшей Немедии ей не бывать и лучше отойти в сторону. Мы справимся сами.

Говоря, Дана поспешно размышляла, стоит подкрепить ободряющие слова действием или нет.

Пожалуй, стоит. Ольтену завтра придется куда труднее, чем ей.

— Ты победишь, я верю и знаю,— девушка встала за табуретом Ольтена и быстрым движением ладони взъерошила густые светлые волосы принца.— Никто не сможет встать у нас на пути. Скоро мы вернемся в Бельверус, вернемся как победители. И вздернем Тараска Эльсдорфа на Золотых Офирских воротах, пусть болтается!

— Мне бы твою уверенность,— вздохнул Ольтен. Иногда он побаивался своей верной соратницы. С тех пор, как она заполучила Алый Камень, ее характер сильно изменился, причем не в лучшую сторону. Принц опасался, что молодая герцогиня Эрде вступила на скользкую дорожку излишней самонадеянности. Ольтен внимательно прислушался к речам странноватого мага из Рабинов и нашел многое в его словах соответствующим истине. Переливчатый блеск Каримэнона ослепил Долиану, сделав наследницу дома Эрде мстительной и жестокой.

Осколок Третий: Битва

*Окрестности замка Демсварта.
Около восьмого послеполуночного колокола
26 дня Второй весенней луны.*

Башни замка, как и положено, завершались большими круглыми площадками, обнесенными изрядно осыпавшимися зубцами. Похоже, у се-

мейства Демсвартов не хватало средств на достойное содержание фамильного укрепления, и оно потихоньку ветшало.

Дана забралась в бойницу между двумя выступами и, придерживая раскачивавшийся на золотой цепочке Талисман, выглянула наружу. Налетевший ветер немедля растрепал ей волосы и принялся назойливо дергать за складки плаща.

Эдмар Крейн не ошибся. Отсюда в самом деле открывался замечательный обзор.

На холме справа и чуть впереди виднеются яркие палатки Совета Семи королей, столпившиеся вокруг пронзительно-голубого шатра под знаменем с Золотой Башней Кордавы. Прищурившись, Долиана рассмотрела кучку людей, стоявших подле входа в маленький передвижной дворец зингарки. Должно быть, Чабела и ее коронованные дружки собрались поглазеть на сражение. Впереди, в направлении Полудня, не более, чем в лиге от крепости, грозно поднимается темная, безлесная возвышенность, окруженная кольцами опрокинутых набок повозок и наскоро сооруженных палисадников. Вдоль укреплений стремительно движется маленький конный отряд: Ольтен, Эдмар Крейн и Герен дие Итери в последний раз проверяют готовность армии Роккода. Принц наверняка сочтет необходимым произнести пару-другую патетичных фраз.

Дана Эрде повернулась к Закату. Пологий склон, подернутый тающими клочьями утреннего тумана, тяжелый топот спускающейся в долину конницы и долетающий даже сюда лязг дос-

пехов. Армия Тараска строится в два огромных клина, готовясь к бою. Тяжелой пехоте нужно пересечь равнину — марш в пол-лиги через кочковатое поле, засыпанное мокрым снегом, перемешанным с чавкающей грязью. Сомнительное удовольствие.

Она уже собиралась вернуться обратно, когда ее внимание привлекла ярко блеснувшая оранжевым точка. Костер. Точно, огромный костер, сложенный у подножия холма, занятого посольским лагерьем. Сигнал? Неосторожность воинов, плеснувших в пламя кувшин масла? Какой-то ритуал? Может, у зингарцев сегодня праздник?

Ничего не решив, Долиана прыгнула вниз, пробежала через площадку и, перевесившись через хлипкое деревянное ограждение, взглянула во внутренний двор крепости, отданный во владение кавалерии мятежников. Триста с небольшим лошадей и столько же людей. Пестрое сборище гомонило, разбивалось на десятки, звенело оружием и всячески выказывало полнейшую готовность к бою. Дана поискала взглядом их командира, Эскена из баронства Клеве на Соленых Озерах, и нашла его на ступеньках высокого парадного крыльца. Эскен в окружении дружинных отдавал распоряжения, водя пальцем в латной перчатке по трепетавшему на ветру чертежу.

Кто-то заметил герцогиню Эрде на вершине башни и заорал «Слава Госпоже!». Его дружно поддержали, и Дана пришлось милостиво помахать рукой своим сторонникам.

Настало время позаботиться о Талисмане, большом темно-алом полупрозрачном рубине в золотой оправе в виде кусающего свой хвост дракона.

Долиана попыталась изгнать из головы любые посторонние мысли. Общение с магическим предметом требовало полной сосредоточенности, а сегодня ей предстояло не только нападать, но и защищать свою армию от атак волшебника, куда более умелого и знающего, чем она сама. Ксальтотун, маг высшего посвящения, выступавший на стороне Тараска Эльсдорфа, стократно превосходил Дану Эрде по опытности, зато на ее стороне имелась Сила, коей не обладал ни один из волшебников Материка. Дана не всегда удавалось придать этому могуществу реальное воплощение, однако она старательно училась и верила в свою удачу.

Стороннему наблюдателю показалось бы, что невысокая темноволосая девица дремлет, привалившись к изъеденной ветром каменной стене. На самом деле Дана на редкость быстро достигла необходимого мысленного слияния с Каримэноном, и решила испытать свои возможности, заодно проверив, хороша ли защита у ксальтотуна.

Высоко над головами защитников крепости возникло серо-лиловое мохнатое облачко, быстро поплывшее вниз по склону. Достигнув пределов равнины, облачко потемнело, свернулось крохотным смерчем и выбросило из себя длинную, ветвистую молнию ярко-розового цвета. Молния,

изогнувшись дугой, с оглушительным треском ударила по первым рядам латников Тараска и рассыпалась на сотни гаснущих алых искр. Клинок тяжелой пехоты на миг сбился с шага, а затем продолжил размеренное движение, оставляя за собой широкий черный след перепаханной сотнями ног земли.

Девушка на башне замка зло прикусила губу. Ее удар не достиг цели, вовремя отклоненный магией ксальтотуна.

— Госпожа! — на площадку опасно сунулся незнакомый Дане молодой воин, носивший цвета Клеве. — Госпожа, прости, там прискакал человек со стороны лагеря Семи королей. Говорит, он твой сородич...

— Позови его сюда, — Дана удивленно подняла бровь. Дядюшка Рейенир? Он-то с какой радости решил вмешаться в людские дела?

Вестник исчез и вскоре вернулся в сопровождении стройного, худощавого мужчины, одетого в легкий кавалерийский доспех и вооруженного зингарским спадом. Незнакомец отсалютовал герцогине Эрде-младшей, блеснул темными глазами с лукавыми золотыми искрами:

— Доброго утра, дражайшая племянница. Воюешь?

— Стараюсь, — она никак не могла привыкнуть, что Рейе Морадо да Кадена, выглядевший старше Даны от силы на десяток годков, действительно приходится ей родным дядей, а его возраст потихоньку подбирается к второй сотне лет. Рейенир, как его младшая сестра Ринга Эр-

де и ее дочь Долиана, происходил из загадочного и древнего народа гулей, обитающих в Рабирийских горах. Старость грозила ему только спустя двести-триста лет. В Демсварт Рейе приехал вместе с приятельницей, красоткой по имени Меланталь Фриерра, умудрившись проникнуть в свиту королевы Чабелы и неплохо там устроившись, благодаря язвительному уму и привлекательной внешности. — Что ты тут делаешь? Надеюсь, не собираешься, подобно своему окривевшему дружку-магу, уговаривать меня прекратить войну и сложить оружие?

— Намереваюсь присмотреть за тобой, и только, — Рейе с опаской покосился на переливавшийся алыми и пурпурными бликами Камень, — Ты колдуешь, я слежу, чтобы никто не напал на тебя со спины, только и всего.

— Как дела у Чабелы? — краем глаза Долиана наблюдала за равниной, а внутренним чутьем — за неуловимыми для простого смертного колебаниями магической Силы. Когда волны магии начнут метаться из стороны в сторону, становясь выше и грознее, нужно ждать выпада ксальтотуна. Обмен ударами происходит почти как в обычном поединке на мечах. И внимание требуется почти такое же, если не большее.

— Она не станет вмешиваться, — Рейенир облюбовал сложенное из блоков песчаника низкое и широкое возвышение с вделанными в камень железными кольцами — некогда на нем устанавливалась катапульта или баллиста. Уселся, положил рядом вытащенный из ножен клинок, и не-

громко спросил: — Видела недавно большой костер у зингарского холма?

— Угу,— кивнула девушка.

— Маэль Монброн умер. Сегодня ночью. Его душу приняло пламя.

Долиана Эрде быстро слотнула и ничего не ответила. Подошла к бойнице, взглянула вниз, убедившись, что пехотные клинья под знаменами Немедии успешно одолели почти половину трудного пути через низину. Кавалерия Тараска выбиралась из лагеря и строилась в ровные каре, собираясь последовать за пешими ратниками.

— Не отвлекай меня больше,— сухо бросила через плечо девушка.— Только если стряется нечто важное. Присматривай заодно за долиной между нашим холмом и тем, где стоит Ольтен.

Она мысленно прокладывала себе дорогу в мерцающие алые глубины кристалла, одновременно пытаясь охватить взглядом поле сражения. Вскоре ей повезло: она наткнулась на ослепительную красную искру. Ксальтотун, не иначе. Держится в тылу продвигающихся тяжелых латников, сопровождение — не меньше пяти десятков хорошо вооруженных всадников. Отчего это месьору колдуну не сидится в безопасном лагере?

Догадавшись, Дана невольно хихикнула. Оказывается, у заклятий ксальтотуна имеется предел! Ему нужно добраться хотя бы до подножия холма, на котором засели мятежники, иначе его магия бессильно развеется в воздухе или обрушится на людей Тараска!

«Вот я тебе устрою веселую жизнь»,— мысленно посулила своему противнику Долиана, поспешно творя с помощью Кристалла гроздь плывущих в небе косматых шаров, сотканных из огня. Шары скатились по воздушной горке в долину, зависли над грузно топающими щитниками и лопнули, просыпавшись ливнем раскаленных градин. Часть из них достигла цели, вынудив острия клиньев остановиться, часть упала на равнину. Вторая попытка оказалась менее удачной. Начиненные смертью посланцы Даны вдруг дружно повернули налево, засыпав своим грузом позиции армии Ольтена. Начинающая колдунья в нешуточном испуге схватила за голову, но времени страдать над допущенной ошибкой не оставалось.

Последующие мгновения стали для нее крайне тяжелыми: ксальтотун, быстро обнаружив местоположение соперницы, наградил Демсварт сначала дождем из острых льдинок, затем собрал над замком рой из всех окрестных жалящих насекомых (находившиеся во дворах лошади замесались и долго не могли успокоиться), и напоследок едва не заставил Дану поверить, что складывающиеся башню камни начали рассыпаться в песок.

— Ах, так? — девушка разъярилась не на шутку. Отвечая ее настроению, обычный ровный цвет Каримэнона сменился на темно-пурпурный. Она успешно превратила почти на десяток ударов сердца жидкую грязь равнины в неглубокое болотце, заставила каждую железную вещь, на-

цепленную на пехотинца, *стать в десять раз тяжелее, отчего многие не устояли на ногах, и учинила быстро перемещающуюся снежную бурю, расшвыривавшую людей направо и налево, за которой ксальтотуну пришлось изрядно погоняться.

Однако большая часть совместных усилий Даны и Алого Камня уходила на то, чтобы мешать придворному волшебнику Тараска наносить удары по армии мятежников. Девушка не всегда успевала предугадать, каков будет следующий ход ксальтотуна, а он, казалось, располагал неисчерпаемым источником новых и новых коварных уловок. Делал вид, будто собирается прибегнуть к знакомому Дане по магическим трактатам «Белому шквалу» и она торопливо готовилась усмирять бушующий ветер. Вместо этого на вершину холма обрушивалась волна испепеляющей жары. Робкие попытки Долианы Эрде атаковать самой быстро и умело пресекались. В скором времени она поняла: лучше уйти в глухую оборону и прикрывать воинов Ольтена, нежели открыто нападать на волшебника.

В горячке боя она не сразу поняла, кто яростно дергает ее за рукав и чуть не отшвырнула помеху к противоположной стороне площадки.

— Дана! — тревожно прокричал почти в самое ухо племянницы Рейе. — Дана, за холмом что-то происходит! Можешь разглядеть, что там творится?

Реальная картина битвы повергла герцогиню Эрде-младшую в состояние краткого оцепенения

и ужаса. Она уже давно не выглядывала в бойницу, занятая только Каримэноном и поединком со стигийским магом.

Тем временем пехота благополучно одолела топкую низину, вскарабкалась по склону, потеряв часть людей в ловушках, и теперь, рассредоточившись, всю штурмовала кольцо повозок и палисадники. Тонкий непрерывный вой, преследовавший Дану, оказался свистом взлетающих в небо стрел, а происхождение хруста, жесткого лязга, криков и истошных воплей определялось без труда.

Легионы Тараска атаковали, мятежники отбивались, сидевший в засаде под Демсвартским холмом конный отряд Ольтена покинул свое место и сцепился с кавалерией, пришедшей из лагеря несостоявшегося короля Немедии. С полуденной стороны возвышенности, там, где тянулась проселочная дорога к деревушке Аллиз, яростно вскипало некое людское месиво, которое по милости ксальтотуна то посыпало огненным градом, то полосовало бледно-синими молниями.

— Госпожа, госпожа! — грохот сапог, взбирающихся по узкой и шаткой лестнице, едкий запах лошадиного пота и крови. Гонец с поля боя, кто ж еще. — Там беда! Оборону прорвали и сотня тяжелой конницы откуда-то вывернулась! Госпожа, они скоро ворвутся в лагерь, а у нас людей позарез недостает! Сделайте что-нибудь!

— Где Ольтен? — быстро спросила Дана, догадываясь, что безопасное сидение в крепости

окончилось. Пора разделить судьбу остальных мятежников.— Кто пока остался в живых и кого уже нет на свете?

— Принц там, у пролома! — задохнулся вестник.— Его милость Итери зарубили! Ньоро из Висмарта и Ретта Куница дерутся вместе с его высочеством, только...

Гонец не договорил и стал медленно сползать вниз по желтоватой стене. Свалился и больше не двигался.

— Ты не обязан идти вместе со мной,— Долиана взяла в ладони висевший на золотой цепочке Камень: тяжелый, холодный, с шелковистыми скользкими гранями.— Возвращайся в лагерь Семи королей. Это не твоя война.

— Конечно, не моя,— с подозрительной готовностью согласился Рейе и поинтересовался: — Что ты намерена делать? Поднять изнывающих от бездействия сорвиголов своего резерва и идти спасать Ольтена?

— Предложи что-нибудь другое,— зло потребовала Дана.— Я не могу очертить голову шарахнуть по схватке! Как мне отделить союзников от противников, и растолковать это различие Камню?

— Останься в замке. Там,— гуль махнул в сторону холмов,— от тебя никакой пользы. Твое дело — магия и оборона крепости. У рыцарей есть свой командующий.

— Кому оборонить Демсварт, найдется без меня,— отрезала девушка.— Прячься за стенами, я ничего не добьюсь!

— Зря ты так говоришь,— Рейенир укоризненно покачал головой.— Я наблюдал за битвой. Если бы не ты, ксальтотун давно превратил бы мятежников в кровавую кашу.

— Хватит споров! — Дана подняла руку.— Я отправляюсь с Эскеном, а ты поступай, как считаешь нужным.

— Треснуть тебя, что ли, по голове да привязать здесь? — задумчиво спросил светло-голубое весеннее небо Рейе.— Ведь непременно отвяжешься и убежишь. Поехали, племянница.

...Эскен, один из многочисленных отпрысков древнего и разветвленного баронского рода Клеве, спокойно выслушал приказ госпожи Долианы оставить крепость и оказать поддержку принцу Ольтену. Не удивился он и настойчивому желанию герцогини Эрде лично принять участие в вылазке, а если удивился, то ничем своих чувств не выказал. Распорядился немедленно добыть для ее светлости доспех поменьше размерами, меч и хорошего коня.

С лошастью никаких трудностей не возникло. Нужный доспех и клинок отыскивали в оружейной замка — их до наступления совершеннолетия носил один из отпрысков барона Демсварта. Хрупкой Данае пузатая железная кираса с чеканкой в виде скачущего коня оказалась слегка великовата и постоянно съезжала направо. Как действовать прямым тяжелым палашиком, она имела довольно смутное представление. Ее учили обращаться с кинжалом, стилетом и легкой шпагой, а подобный клинок угодил к ней в руки

впервые. Эрде-младшая больше уповала на защиту Камня и то, что лично ей ни с кем рубиться не придется.

Снаряженная должным образом, Долиана взобралась в седло, заняв место позади Эскена. Рейе, сам себя возведший в звание телохранителя предводительницы Рокода, пристроился слева. Медлительно распахнулись тяжелые, потемневшие от времени ворота Демсварта, и отряд, выстроившийся в длинную колонну по двое, поспешно двинулся вниз по размокшей от дождей и тающего снега дороге. Для обороны замка пришлось пожертвовать пятью десятками воинов, чрезвычайно недовольных тем, что им не удалось принять участие в сражении.

Скакавший впереди оруженосец Клеве развернул грузно хлопнувший на ветру штандарт, где поверх традиционных немедийских цветов, черного, белого и красного, сияла белая крылатая звезда.

Осколок Четвертый: Ловушка

*Окрестности замка Демсварт.
Около десятого послеполуночного колокола
26 дня Второй весенней луны.*

До подножия Демсвартской скалы отряд добрался благополучно: никто не отстал и не запоздал в бок случайную стрелу. Пересекли хлип-

кого вида деревянный мост над раздувшимся грязным ручьем, впадавшим в Нумалию. Справа поднялся склон осаждаемого холма, на вершине которого укрепились мятежники, но Эскен, внезапно покинув проселок, отвел всадников ближе к Закату, описывая большую дугу и обходя армию Тараска с тыла. Дана бросила взгляд наверх, беззвучно ахнув: вдоль оборонительного круга повозок грохочущими приливами и отливами непрерывно накатывали волны атакующих. Она не могла сообразить, на чьей стороне перевес, и на миг ей показалось, будто пехота Тараска прорвала оборону, ворвавшись внутрь укреплений.

— Мятежники отлично держатся! — Рейе ободряюще махнул племяннице рукой и неожиданно сделал длинный, не лишенный изящества выпад, достав кончиком меча невовремя оказавшегося на его пути вражеского щитника.

«Это хорошо,— подумала Долиана Эрде, больше занятая тем, как удержаться в седле несущегося неровной рысью коня и усилиями не терять мысленной общности с Талисманом.— Это просто замечательно, что Ольтен держится, но куда же несет нас?»

Сильнейший, неизвестно откуда взявшийся порыв холодного ветра хлестнул ее слева. Девушка едва не потеряла стремя и панически завертела головой по сторонам, выискивая источник опасности.

Вокруг расстиралась перекопанная прошедшими по ней легионами равнина с выбоинами,

полными грязной воды. Там и сям виднеются темные холмики — трупы воинов, которым не суждено вернуться из-под Демсварта. Приблизительно в трех перестрелах Дана заметила неведомо откуда выскочивший большой отряд под стягом с драконом Немедии, вроде бы устремляющийся на подмогу осаждающим. Эскен Клеве рассчитывал на суматоху и быстроту отдохнувших лошадей, надеясь проскользнуть незамеченным, но ему не повезло. Как раз сейчас эта часть равнины оказалась пустынной и открытой всем взглядам.

Второй удар со всей неопровержимостью доказал Долиане Эрде, что мастерство частенько берет верх над неразумной силой. Замыкающих цепочку кавалеристов Клеве буквально размазало по мокрой земле, а она ничего не успела предпринять. Только смотрела, холодея и понимая: она опять допустила промах! Забыла о необходимости следить за ксальтотуном! Теперь ей придется расплачиваться, ибо маг со своей охраной оказался непозволительно близко от ее соратников, и вряд ли позволит им безнаказанно проскочить мимо.

— Эскен! Эскен, гони! — Дана обрела голос и завизжала так, что привычный ко всему боевой конь недовольно всхрапнул. — Там ксальтотун! Уходим! Бежим!

Хвала богам, сколько их ни есть, ее услышали. Клеве поднял отряд в галоп, пытаясь как можно быстрее проскочить опасную низину и приблизиться к склону холма, где у всадников

имелся шанс смешаться с другими сражающимися и, может быть, укрыться в лагере Ольтена.

Ксальтотун, разумеется, не собирался упускать драгоценную добычу, которая по неосторожности сама шла ему в руки. Оглянувшись через плечо, Дана заметила, что большая часть сопровождавших мага верховых бросилась в погоню за людьми Эскена. Прочие рассыпались по равнине: кто помчался к лагерю Тараска, наверняка за помощью, кто — к охваченной битвой возвышенности.

Попытка на скаку обратиться к помощи магии Камня оказалась сравнительно успешной. Девушка вовремя перехватила направленный на отряд вихрь, отшвырнув его в сторону и удачно направив в сторону появившейся справа и нацеливавшейся на перехват беглецов конной полусотни. Следующим подарком ксальтотуна стала разжижающаяся грязь, в которой немедленно увязли лошади. С досадным изменением почвы Дана управилась, зато вспыхнувший на высоте десятка локтей огненный шар пропустила, отчего два десятка всадников превратились в живые факелы, выбыв из боя.

Безжалостно нахлестывая коня, Дана поравнялась с Эскеном.

— Нас заметили! — Клеве ткнул в сторону холма. Девушка не поняла, отчего барон Эскен вывел такое умозаключение, просто глянула в указанном направлении. Там по-прежнему царил столпотворение, однако она заметила, что накал сражения переместился ниже по склону, а

число немедийских вымпелов с оскаленной драконьей головой значительно уменьшилось. Неужели Ольтену удалось отбросить тяжелую пехоту Тараска? — Добраться бы до подножия холма, а там мы спасены!

Долиана ничего не ответила, положившись на воинский опыт Клеве. На какое-то время окружающий ее мир превратился в непрерывный обмен колдовскими ударами с магом, от которых у нее звенело в голове, а в крови возникали обжигающе холодные льдинки.

Бдешая часть разума герцогини Эрде-младшей отметила, что изрядно поредевший отряд, численность коего теперь составляла не более полусотни человек, больше не скачет по прямой, а совершает быстрые повороты то вправо, то влево, пытаясь избежать столкновений с нападающими со всех сторон противниками, и вместо того, чтобы приближаться к лагерю мятежников, напротив, отдаляется от него.

— Рейе! — гуль, азартно пластавший длинным спадоном направо и налево, расслышал племянницу и пробился ближе. — Рейе, почему мы петляем?

— Потому что угодили в мешок, — Рейениру, несмотря даже на пресловутую гульскую ловкость, изрядно досталось — вражеское копье удачно ткнуло его в бок, разодрав доспех. — Сдается мне, Дана, поблизости шляется некто, желающий заполучить тебя и твоё сокровище. Держись поблизости и не отставай, рискнем пробиться...

Рейе пнул усталого коня, направив его в сторону быстро сужающегося выхода из окружения. Послушно следовавшая за ним Долиана вытащила меч из ножен, бросила взгляд по сторонам, убедившись, что дядюшка прав. Отряд из Демсварта намертво увяз в стремительно растущей толпе пеших щитников и тяжелых рыцарей, среди которых преобладали воины, носившие на плащах странный герб — летучая мышь серого цвета.

Дане уже приходилось встречать этот символ раньше. Любимое и опасное детище ее отца, «Летучие мыши», гвардия Вертрауэна!

Откуда они здесь? Или... Или они караулили ее? Поджидали, пока она сама примчится к ним в руки?

Что-то звонко щелкнуло в ее голове. Кусочки головоломки встали на свои места. Ловушка. Простая и незамысловатая западня. Кусочек сыра — гонец с известием о якобы сломанной обороне Ольтена. Глухая мышка — она сама. Подлинная добыча — Каримэнон. Кто наживил приманку — догадаться нетрудно.

Она попыталась ударить Огненным Копьем, заклинанием, получавшимся у нее наиболее действенным. Горящие капли брызнули во все стороны, равно поражая сторонников и противников. Через миг ее жалкие усилия захлебнулись, подавленные умелыми действиями ксальтотуна. Оставалось только сражаться обычным оружием, подобно тем, кто последовал за ней на верную смерть.

Всадники Клеве гибли один за другим. Долиана успела увидеть, как никнет подрубленное древко стяга с белой звездой, как вскидывается на дыбы и грузно заваливается набок конь Эскена, увлекая за собой хозяина... Откуда-то высунилось длинное жало копья, девушка наотмашь рубанула по нему клинком, рукоять провернулась и едва не выскочила из ладони. Острие копья задело конскую шею. Темная шерсть скакуна немедленно окрасилась в бурый цвет и стала липкой. Конь заскакал боком, не слушаясь поводов и пошатываясь.

Расстановка сил возле осаждаемого холма в корне изменилась. Воины Тараска отступали, мятежники отбросили их от укрепления и гнали вниз по склону. На мгновение Дана решила, будто различает в людском водовороте движущийся к ней белый плащ Ольтена, но, скорее всего, она пыталась обмануть сама себя.

У принца должно хватить сообразительности не предпринимать вылазку, вязываясь в бой с заведомо превосходящими силами, тем более — с отрядом непобедимых Летучих Мышей, ради призрачной надежды спасти угодившую в ловушку кавалерию и магичку-неудачницу. На ком, спрашивается, лежит вина за гибель засаженного отряда из Демсварта? Верно, на ней, Долиане Эрде! Она могла приказать Эскену не трогаться из крепости, но вместо этого сама поскакала в первых рядах! Зачем? Ради чего?

Сквозь царивший вокруг грохот, скрежет сшибающегося оружия и тоскливое конское ржание

пробудился отчетливо расслышанный Даной приказ, выкрикнутый смутно знакомым голосом — низким и повелительным:

— Девчонку взять живой! Слышите, живой!

«Ксальтогун, — равнодушно подумала Долиана Эрде. — Вот и конец. Если меня схватят, Ольтену не победить. Меня непременно схватят, раньше или позже. Я проиграла. До чего нелепо!»

Прикрывавший ее слева всадник вдруг беззвучно вскрикнул, резко дернувшись назад и мешком свалился с лошади. Дана не успела заметить, что произошло, просто явившийся из неведомых краев сородич, Рейенир Морадо да Кадена, только что был рядом с ней, а теперь его не стало. Спустя миг нечто тяжелое дважды ударило ее саму, насадно лязгнув по чеканному металлу доспеха. Одна из арбалетных стрел соскользнула и прошла мимо, вторая чиркнула по незащищенному правому предплечью, с легкостью прорвав толстую кожаную куртку и выдрав изрядный клоч плоти. Дана уронила меч, зарывшийся в землю, недоумевая, отчего правая рука мгновенно стала тяжелой и горячей.

Окончательно выбившийся из сил конь осел на задние ноги и, хрипя, тяжеломерно рухнул. Дана успела бросить стремяна и покатилась по хлюпающей грязи, не осознавая, что пронзительно кричит. От боли, разочарования, злости, ненависти и неутоленной жажды мести.

Далеко-далеко, за толпой окруживших ее врагов, кто-то насадно и тревожно звал: «Дана! Долиана Эрде! Дана, где ты?!»

Она сумела подняться, утвердившись на одном колене.

Не ведавшие страха Летучие Мыши почему-то опасались приближаться — толкающееся, вонючее, безликое месиво, палившееся на нее тысячей лишенных разума глаз, закованное в железо, держалось шагах в пяти, образовав тесный, колеблющийся круг. Через него, словно корабль по бурному морю, безжалостно прокладывал себе путь конный отряд, возглавляемый высоким человеком в потускневших от пыли, некогда ярко-алых одеждах. Дана без труда узнала его: надменно вскинутая голова, наголо выбритая по обычаю стигийских волшебников, лицо с жесткими чертами и неожиданно ярко блестящие на солнце тяжелые серебряные серьги.

Ксальтотун Менхотеп шел, дабы завладеть своей добычей — драгоценным Талисманом.

Правая рука висела плетью, но левая действовала. Герцогиня Эрде-младшая вцепилась в висевший на шее Камень, рванула из последних отчаянных сил, мимолетно поразившись тому, как ей удалось одолеть толстую золотую цепочку и продетый сквозь нее кожаный шнур. Каримэнон лежал у нее в ладони, холодный, блистающий тысячами граней, совершенный, как мечта безумца.

— Остановите ее! Стреляйте! — ксальтотуна и Дану разделяло не больше десяти локтей, но, чтобы преодолеть это малое расстояние, следовало прорваться сквозь плотный людской строй. Кто-то вскинул арбалет, скрипнул поворотный

рычаг, однако щелчка не последовало. Духу не хватило или побоялся?

— Цена,— невнятно пробормотала Долиана. Осторожно подняла тяжелый Камень, провела им по правому рукаву, ставшему влажным от крови. Талисман, вместо того, чтобы испачкаться и помутнеть, засверкал еще ярче. Маг не получит его. Никто не станет обладателем Каримэнона, никто не уйдет с этой равнины. Такое уже случилось. Она помнила. Нужно только заплатить. Ей известны древние слова, способные разбудить подлинную мощь, дремлющую в Камне. Наплевать, что будет потом. Кровь за кровь, жизнь за жизнь. Неважно, умрет она сегодня или нет.

— Власть над стихиями бури — во мне. Вечная жажда подземного мира, холод и пламя — мой. Придите! Я указываю вам путь!

— Прекрати! — даже не закричал, бешено завыв ксальтотун. Столпившиеся вокруг Даны Эрде воины из «Летучих мышей» вовремя сообразили, что вот-вот стрясется нечто ужасное и начали пятиться, закрывая дорогу волшебнику в алом. — Ты не понимаешь, что творишь!

«Ты не понимаешь, не понимаешь! Ты убиваешь не только себя, но и этот мир! — в уставшем и гаснувшем рассудке Даны тревожно забились чужие, незнакомые голоса. — Остановись, пока еще не поздно!»

— Силою жизни своей и властью Камня призываю Сущих. Кровь, пролившись, станет ценою... Двери открыты...

Ее отшвырнуло в сторону, с размаху припечатало влажно чавкнувшую глину. В плече противно хрустнуло — должно быть, сломалась ключица. Камень Дана не выпустила, вцепившись в него так, что пальцы намертво вдавились в острые грани и смяли золотую оправу. Она лежала на спине, постепенно теряя сознание, не слыша, как над полем битвы прокатывается нарастающий пронзительный вой — торжествующий и ужасающий, не видя, как трескается разбитая ею хрупкая грань между Зримым и Незримым мирами, сквозь которую на свободу рвется Нечто, чему положено навсегда пребывать в заточении, не понимая, что нарушенное ею Равновесие мира колеблется, сопротивляясь наступлению Хаоса.

Призрачные тени стремительно взмыли во внезапно потемневшее небо и рухнули вниз, на беззащитную добычу. Шелестящая корка синеватого инея расползлась по полю, сковывая землю, течение реки, упавших людей, бьющихся в агонии коней и торопливо настигая все живое. Битва затихла сама собой, превращаясь в повальное бегство.

Осколок Пятый: Поражение

27 день Второй весенней луны.

Кто-то бесцеремонно и резко дергал ее за плечо, пробуждая от темного забытья. Рядом

громко разговаривали, топали, лязгали доспехами. Навалившаяся на ноги неподъемная тяжесть вдруг перекаtilась куда-то вбок и пропала. Скрипнул нож, разрезая сначала ремешки на кирасе, затем — пропитавшийся кровью и отвердевший правый рукав.

— Она? Или нет?

— Конечно, она. Других-то девиц на поле боя не околачивалось. И место вроде то самое.

— Дышит? С виду на покойницу смахивает.

— Не, живая. Подраненная, а так — цела.

«Кто я? Почему холодно?»

Чьи-то руки небрежно перетягивают раненое предплечье, заодно проворно обшаривая карманы. Быстрые, настойчивые рывки — кто-то пытается содрать с пальца золотое кольцо, однако перстень сидит слишком плотно, и грабитель отступает, удовлетворившись найденным на поясе кошельком.

«Меня зовут Дана. Я умерла».

Глухие удары приближающихся копыт. Низкий раздраженный голос, привыкший отдавать распоряжения, отрывисто бросает:

— Нашли?

— Извольте видеть, ваша милость! — бодро откликаются незнакомцы.

— Покажите, — требует всадник и спрыгивает с лошади.

Суетливая возня. Вытащенную из-под трупов добычу удаётся с горем пополам поставить на подкашивающиеся ноги. Ее удерживают с двух сторон, пока ксальтотун Менхотеп (а прибыл

именно он) разглядывает проигравшую соперницу. Девчонка шатается взад-вперед, подавая слабые признаки жизни. Маг вытягивает руку, брезгливо поднимает голову девушки за подбородок, смотрит на посиневшее от холода, выцветшее лицо в потеках крови и грязи.

— Где Камень? — тихо спрашивает маг. Как ни странно, девчонка слышит его вопрос и с трудом приоткрывает бессмысленные глаза. — Где Каримэнон? Куда ты его дела?

Бесполезно. Дана Эрде вновь теряет сознание.

— Тащите к повозке, — распоряжается ксальтотун. Оглядывается, жестом подзывает начальника своей охраны, приказывая: — Живую цепь на сотню шагов вокруг. Никого не подпускать. Перекопать все. Она не могла никому передать Камень, значит, он должен быть где-то здесь! Ищите!

Стражник отдает честь на немедийский манер и бежит к ждущему в отдалении конному отряду. Бежит мимо огромной ямы, шагов пятидесяти в поперечнике, уходящей глубоко в недра земли. На краю этой бездны на следующее утро после битвы обнаружили полумертвую Долиану Эрде. Гвардейцу даже думать не хочется о том, что драгоценный Алый Камень, столь необходимый Его величеству Тараску и его придворному магу, мог скатиться на дно жуткого провала. Гвардейцу вообще не хочется ни о чем думать. Битва выиграна, что еще? Он, подобно уцелевшим участникам сражения при Демсварте, постарается как можно скорее забыть и столб

фиолетового огня, пронзавший облака, и сотканных из пламени и льда безжалостных призраков. Об этой битве не сложат легенд, а если сложат, то будут рассказывать их украдкой, оглядываясь через плечо. Людям не годится видеть и знать такие вещи. Лучше прогнать пугающие воспоминания из памяти. Как можно скорее.

Глава вторая

Из дневника Халька Юсдаля — I

«Тени над холмами»

*Окрестности замка Демсварт, Немедия
Около десятого послеполуночного колокола
26 дня Второй весенней луны.*

Бремление лично засвидетельствовать интересные, пусть и опасные события однажды сыграет со мной дурную шутку. Никогда еще на долю летописца при дворе правителя не выпадало столько головокружительных передрят и грозящих смертельным исходом приключений, как на мою за шесть кратких лет правления Конана Канаха.

Все потому, что проклятое любопытство настойчиво толкает под руку, шепча: «В прошлый раз обошлось? Значит, в этот тоже обойдется!». Опять и опять я позволяю внутренним голосам себя убедить и оказываюсь в пекле очередной

заварушки прежде, чем понимаю, во что, собственно, изволили влипнуть Его Величество король Аквилонии вкупе с преданными единомышленниками.

Мнение высшего обществ Тарантии по поводу моей скромной персоны разделилось. Одни считают меня настырным карьеристом, другие полагают человеком, на редкость преданным своему сюзеру и ремеслу хрониста.

Обе партии заблуждаются. Как я уже сказал, я слишком любознателен, чтобы узнавать подробности из вторых рук, и слишком медленно соображаю, чтобы вовремя заявить: «Нет, я в этом не участвую!».

Конечно, такой подход имеет определенные выгоды. Король не забывает поощрять тех, кто делит с ним невзгоды и радости новой авантюры, и, пусть мое жалование не слишком велико, однако ступенька занимаемой мной должностной лестницы становится выше и выше.

Вдобавок, когда и если я доживу до почетной отставки, сохранившихся в дневниках воспоминаний, историй и невероятных случаев хватит для создания нескольких десятков томов мемуарий, позволяющих сохранить имя барона Халька Юсдаля из Гандерланда не только для потомства, но и для истории. Ибо, в чем вынужден признаться, к славе подобного рода я неравнодушен...

Однако в день сражения под Демсвартом я почти поверил, что мирная обеспеченная старость мне не суждена.

Когда Конан во всеуслышание рывкнул, что отправляется на поле боя, спасти Долиану Эрде, и плевать ему на нарушение любых договоров, стало понятно: отговорить короля от его безумного замысла невозможно. То, что вместе с варваром возжелали идти молодые оборотни Пограничья и Альбиорикс Бритунийский, меня ничуть не удивило — этой компании только дай малейшую возможность проявить себя героями! Все ясно и с Дженной Сольскель, наверняка воображающей себя воительницей наподобие легендарной Тархезы из Кофа, а заодно мечтающей произвести неизгладимое впечатление на Конана. Понятно, зачем необходимо присутствие Тотланта: как обойтись без волшебника, если небо и землю над замком полосуют колдовские молнии, а последствия примененных заклинаний видны неискушенным глазом? С горем пополам я мог даже объяснить желание присоединиться к отряду заморийского протектора Аластора Кайлиени, каковой является человеческим воплощением Бела-Обманщика — он имел ко всей этой неразберихе какой-то свой, особенный интерес...

Но я-то зачем встрял?

Вопрос запоздал — мы уже неслись головокружительным галопом вниз по склону холма, и меня волновала только одна забота: не свернуть бы шею, если моему коню подвернется под ноги калдобина.

Конан вел нас в обход кипевшей у подножия холма схватки между маленьким отрядом Долианы Эрде, выскочившим из-за стен Демсварта,

и загонявшими ее в искусно сотканный мешок «Летучими мышами». Добавим к этому сползающую вниз по склону круговерть королевской гвардии, бесславно откатывающуюся от оставшихся неприступными палисадников армии Роккода, и собственно мятежников, гнавших своих противников вниз, в долину. В кипящем смолой котле, наверное, спокойнее и прохладнее, нежели на холмистых возвышенностях у скромного замка Демсварт. Над головами у нас постоянно громыхало, завывало, разлеталось сверкающими огненными брызгами — Дана Эрде и ксальтотун наглядно доказывали друг другу и всему свету, кто из них лучше колдует. Вопли, лязг, ржание лошадей, хлопанье арбалетных тетив и щелчки: звонкие, когда болт попадал в доспех, и смачные, хлопкие, означающие, что очередному бедолаге не суждено вернуться с равнины у реки Нумалии.

Я старался держаться поближе к оборотням, но мои благие намерения скоро пошли прахом: Эртель пропал в сутолоке боя, Веллана вместе с десятком бритунийцев, сопровождавших Альбиорикса, оттеснили вниз по дороге к деревушке Алгиз. Последнее, что я заметил — огромного гнедого жеребца короля Бритунии, встающего на дыбы, и окруживших его легионеров Тараска. Мимо промчался Тотлант, еле удерживавшийся в седле и упрямо пытавшийся сотворить боевое заклинание. Во всяком случае, я видел тонкие синеватые молнии, с сухим треском сыпавшиеся на головы немедийцев. Где-то впереди крушил

черепе оказавшийся в своей стихии Конан: длинное серебристое лезвие его меча поднималось и опускалось с неутомимостью и упорством молотильного цепа в разгар жатвы.

Трехцветное знамя с белой звездой, к которому мы пытались прорваться, качнулось и упало. Я отстраненно подумал, что в этой сумятице невозможно отыскать одного-единственного человека и что, скорее всего, Долиане настал конец. Возможно, она находилась совсем рядом с нами, но как ее найти? Конан упорно выкликал имя наследницы Эрде во всю немалую мощь своего голоса, умудряясь перекрывать шум царившей вокруг схватки, но никто не отзывался. Или отзывался, только мы не слышали.

Тут случилось нечто, заставившее меня напрочь забыть о спасении Даны Эрде.

Копье с трехлапым крюком на конце поймало меня за наплечник доспеха. Второе угрожающе покачивалось у самой морды лошади, грозя вот-вот зацепиться за ремни упряжи. Я заорал так, что, наверное, услышали в находившейся за двадцать лиг Нумалии — не обращаясь за помощью, просто в надежде подбодрить самого себя. Меньше всего хотелось быть вытащенным из седла и приконченным либо же затоптанным взбесившимися лошадьми.

Одно древко я перерубил, заодно отправив его носителя в край, где заканчиваются земные пути. Наплечник, хрустнув и заскрежетав, оторвался, шальная стрела злобно клюнула лошадь в круп, отчего бедное животное немедленно

взвилось и пронзительно завизжало. В гонявшихся за мной пехотинцев с гербами Немедии неожиданно врезалась гнедая кобыла, несшая на себе всадника в кольчатом доспехе. Всадник, бросив поводья, лихо орудовал нордхеймским клинком, выглядевшим из-за плавного скругления лезвия слегка кургузым. Хвост темных волос, бившийся под краем открытого шлема, выдавал девицу Сольскель, и она, по-моему, получила истинное удовольствие от происходящего.

Надо отдать ей должное — Аженна ничуть не преувеличивала, утверждая, будто умеет неплохо обращаться с мечом и не боится опасностей... Она отогнала моих противников, и, прикрывая друг друга, мы сумели выбраться на пятачок относительно свободного пространства, чтобы оглядеться, соображая, каких новых бед опасаться.

— Эт-то еще что такое? — озадаченно процедила Зенобия. Я понял, что она имела в виду: шагах в двадцати от нас образовалось странное людское скопление, вроде огромного, разбухающего круга. Со стороны осаждаемого холма к этой толпе несли конный отряд под знаменем крылатой звезды, возглавляемый рыцарем в белом плаще, теперь более смахивающем на грязную тряпку. Туда же, к людскому кольцу, устремлялись всадники, сопровождавшие человека высокого роста в издали заметной хламиде ярко-красного цвета.

— Ксальтотун, — холодеющим голосом выдавил я и внезапно сообразил: — Там, в кругу — Дана! Ее поймали! Он идет за ней!

Дженна бросила на меня хмурый взгляд, отлично понимая — мы не можем ничего поделать. Разве что атаковать колдуна в алом и героически пасть.

Неподалеку из мешанины яростно сражающихся людей и лошадей выметнулся рыжий конь, скакавший неуклюжим кособоким галопом. Всадник — непокрытая черноволосая голова, узкий клинок, тусклой иглой блестевший на солнце — мчался, выкрикивая что-то, неслышное в шуме битвы.

— Альс?... — моя спутница привстала на стременах.

— Уходите! Уходите быстрее! — донеслось до нас.

— Бежим,— отчетливо произнесла Дженна и пнула кобылу так, что в брюхе несчастного животного отчетливо екнуло.— Потом выясним, трусы мы или разумные люди. Эрде-младшая и ксальтотун сейчас начнут рвать друг другу глотки.

Гнедая лошадь Дженны, отчаянно стараясь идти галопом, скользила в грязи, постепенно разгоняясь.

Мой жеребец пытался следовать за ней, но хромал из-за застрявшей в крупе стрелы. Зенобия опережала меня почти на длину лучного перестрела, когда земля у нас под ногами дрогнула, а небеса разверзлись.

Может, на самом деле они не разверзались, но прозвучавший ужасающий тонкий вой наводил на мысль о том, что некое огромное и злоб-

ное создание прорвало небесную сферу и теперь стремительно падает на землю...

Конь подо мной шатнулся, передние ноги у него подломились. Мимо бежали люди — легионеры Тараска вперемешку с мятежниками. Я понимал, что нужно убираться отсюда, прятаться, но не выдержал искушения и оглянулся.

От земли к небу тянулся стремительно вращающийся столп бледно-сиреневого цвета, похожий на песчаную бурю туранских степей. Он тяжеломерно колыхался, поднимаясь выше, заслоняя утреннее солнце и обращая разгоравшийся день в свинцово-серую полночь. Над равниной кружил холодный ветер, жидкая грязь на глазах замерзала комьями льда, где-то рядом надрывно ржала смертельно раненая лошадь... Боги всемогущие, какое жуткое колдовство рвется на свободу? Что за силы пущены в ход и чем это закончится?

Я бессмысленно таращился на устрашающе-прекрасный лиловый смерч, не замечая, что прямо на меня летит, надсадно бухая копытами по застывшей почве, вороной конь в богатой сбруе с немедийскими драконами.

Из оцепенения меня вывел пронзительный вопль: «Дай руку!»

Никогда не подозревал, что способен с такой ловкостью взобраться на лошадь. Оказавшись на ее спине, я намертво вцепился в высокую луку седла и в подвернувшийся ремень упряжи. Всадник (я даже не успел понять, кто это) заулюлюкал, и мы понеслись через холмы в сторону ре-

ки — вместе с тысячами других несчастных, явившихся к Демсварту и запоздало пытающихся спастись.

Позади нас разрастался звенящий шорох, вроде как от струящейся и играющей сухими снежинками поземки. Равнина и небо над ней приобрели блеклый сиреневый оттенок, и краем глаза я заметил, как нас обогнал... обогнало... В общем, Оно походило на клочок сизоватого болотного тумана, гонимый сильным ветром. Облачко коснулось лихорадочно карабкавшегося по склону пригорка гвардейца в немедийском доспехе, вспыхнуло серебряно-зеленоватым переливом и скользнуло дальше, оставив позади рассыпавшийся дуплом и ржавчиной человеческий костяк.

«Не оборачивайся», — приказал я себе, уже рисуя в воображении сотни и тысячи легких туманных созданий, беспрепятственно разлетающихся из Демсвартской долины на все восемь сторон света.

Вороной конь, с безумным усердием мерявший покрытую ледяной коркой землю, внезапно сбился с такта, дернул шеей и на полном скаку рухнул в какую-то промоину. Я не сумел даже вскрикнуть — от удара весь воздух из отшибленных легких застрял в горле тугим комком. Бело-лиловый, чуть светившийся в неожиданных сумерках обрывок тумана, проплыл надо мной, ласково взъерошив стриженую гриву пытавшегося вскочить на ноги коня. Животное беспомощно захрипело, задергалось, но спустя миг от

него осталась только иссохшая, сморщенная шкура с косо сидящим седлом.

— Не шевелись, — еле слышно произнесли рядом. — Постарайся ни о чем не думать. Если хочешь уцелеть — не двигайся.

Наконец-то я догадался взглянуть на человека, пытавшегося спасти месьора королевского летописца, и наткнулся на холодный взгляд черных глаз с золотыми искрами. Рейенир Морадо да Кадена собственной персоной — в разодранной на боку кольчуге, чье переплетение колец окрашено темными пятнами. Некогда безукоризненная шевелюра растрепалась, тонкие губы задранны, как у рычащей собаки, четыре тонких клыка поблескивают, придавая аристократическому лицу уроженца Рабиров выражение готового вот-вот напасть зверя. Неудивительно, что про гулей складывают жуткие истории...

Переспрашивать, дотошно выясняя, какая магическая дрянь гуляет по Демсвартским холмам, я не стал. Послушно ткнулся в схваченную колдовской изморозью жухлую прошлогоднюю траву, зажмурился, и, следуя данному приказу, постарался ни о чем не думать. Краем уха я слышал, как Рейе непрерывно бормочет что-то на своем наречии. С равным успехом это могли быть как гульские проклятия, так и молитва. Если молитва, то мне безразлично, к кому она обращена. Хоть к Роте-Всаднику. Только пусть небесный покровитель Рейе и его сородичей проявит милость и защитит нас!

Около одиннадцатого
послеполуночного колокола
26 дня Второй весенней луны.

Мне казалось, что я лежу на мерзлой, кочковатой земле целую вечность. Я настолько устал бояться и вздрагивать от шелестящего свиста призрачных порождений колдовского сиреневого огня, что отважился приподнять голову и посмотреть, как обстоят дела.

В глаза ударил показавшийся до рези ярким солнечный свет. Обычный, желтоватый, наполненный мягким весенним теплом.

Неужели все кончилось? Но как? Почему? Кого мы должны благодарить за избавление?

Я попытался сесть, обнаружив, что внезапно сковавший равнину мороз не пощадил сукно моих штанов и плащ, приморозив их к земле.

Гуль не шевелился. Лежал, свернувшись, и глуховато постанывал. Рядом с ним образовалась розовая, подернутая тонким ледком лужица. Вампир, истекающий кровью — неплохая метафора, будь она встречена в каком-нибудь модном сочинении... Но Рейенир-то в самом деле может умереть!

— Рейе,— я добрался до неподвижной фигуры, осторожно потрепал ее за плечо.— Рейе, что с тобой? Ты меня слышишь?

— Бо-ольно... — хрипло донеслось в ответ.— Жжет...

Мои познания в лекарстве не слишком велики, однако в мою пользу можно сказать: обучал-

ся я не по трактатам, а на собственном опыте и наблюдая за действиями моих друзей в схожих переделках.

Опыт подсказывал — на стороннюю помощь можно не рассчитывать, для начала надо стянуть с Рейе порванную кольчугу и перевязать рану все равно чем, лишь бы остановить кровь. Вряд ли мне удастся поймать лошадь, побредем пешком. Будем надеяться, что уцелеть посчастливилось не только нам.

Идти Рейе смог — на собственном упрямстве и при моей поддержке. Острие копья, проехавшись по его ребрам, оставило на них хорошую памятку, нуждавшуюся в помощи целителя поискуснее меня. Глянув, какую награду за стремление поддержать племянницу он заработал, гуль раздраженно оскалился.

Оскальзываясь и спотыкаясь, мы выбрались на припорошенную тающим снегом вершину и огляделись.

Похоже, вороной конь безвестного немедийского легата спас нам жизнь. Он доскакал почти до подножия Посольского холма, вынеся нас за пределы разоренной и погубленной Тенями области.

Можно было без труда проследить их путь — вырвавшись из огромной ямины, над которой посейчас курился легкий дымок, призраки распространились, словно круги от брошенного в воду камня, уничтожая все живое на своем пути, пока некая сила не заставила их вернуться обратно. Равнину усеивало неисчислимое множество

во грязно-багровых пятен, кровавых ошметков, разбросанных повсюду искореженных доспехов и мгновенно заржавевшего оружия. Замок Демсварт как-то странно накренился в сторону реки, лишившись четырех из своих семи башен. Что творится на холме, занятом мятежниками, я разглядеть не сумел, но заметил неуверенно движущиеся по полю черные силуэты оставшихся в живых. Сначала я обрадовался, но спустя миг почувствовал изматывающую душу тяжесть неизвестности. Что с Конаном и его отрядом, что с оставшимися в лагере Чабелой, Просперо и Эрхардом? Что с Даной Эрде и Ольтеном, в конце концов?

— Вот так оживают страшные легенды,— Рейе надсадно закашлялся.— Я читал предания о таких созданиях. Хемгайни, пожиратели душ, обитатели Бездны, порождения Огня и Льда... Маги древних времен, и те боялись прибегать к их помощи — Хемгайни почти никому не подчиняются. У кого хватило ума воззвать к ним?

— Однако их прогнали,— напомнил я.— Как думаешь, Дана уцелела?

— С нее станется... — вымученно хмыкнул гуль. Я понял, что Рейе с трудом верит собственным словам. Невозможно представить, чтобы кто-нибудь пережил разгул магии, призванной Даной и ксальтотуном. Провал в земле, как мне показалось, располагался точнехонько в том месте, где находилась наследница Эрде. Сколь бы могущественна она ни была и какие Силы ее ни хранили, вряд ли ей удалось противостоять бе-

лесым туманным существам... Но и Менхотепу наверняка не удалось бежать с поля боя!

Подумав, я решил, что не стоит торопиться с соболезнованиями. Эрде-младшая, как мы уже убедились, наловчилась водить Нергала за нос и ловко избегать приуготовленного смертным пути к Серым Равнинам.

Отдохнув, мы поковыляли дальше — к Посольскому холму.

Выстроенная из опрокинутых фургонов полевая крепость почти не пострадала, чего нельзя сказать об оборонявших ее гвардейцах Зингары и Хаурана. Рейе, оценив свои силы, заявил, что перебраться через заградительное кольцо не сумеет, и присел на днище валявшейся вверх колесами повозки. Даже не будучи лекарем, я понимал, что с каждым мигом ему становится хуже. Гуль нетвердо держался на ногах и почти не разговаривал. Он безучастно кивнул, когда я сказал, что наведаюсь в лагерь — может, отыщу что-нибудь полезное. Бинты, флягу с вином или хотя бы теплые плащи.

Протиснуться между боками фургонов мне не удалось, пришлось вскарабкаться по осям и спрыгнуть с другой стороны. Посольское владение пустовало: накренившиеся палатки, разметанные останки жертв призрачных Теней да погасшие кострища. Я сунулся в голубой шатер Чабелы и наскоро обшарил пару сундуков, став счастливым обладателем необходимых нам с Рейе вещей. Интересно, куда пропала сама королева Зингары и прочие блистательные особы? Должно

быть, почувств неладное, разумно удалились. Хотел бы я на это надеяться, ведь в противном случае большая часть стран Заката единым махом лишалась своих правителей!

Выбравшись из расшитого серебряными рыбками шатра, я бросил прощальный взгляд по сторонам и поспешил обратно, соображая, где искать помощи. Идти в замок бесполезно, вряд ли там осталась хоть одна живая душа. В Алгиз? Боюсь, Рейе свалится на полпути. Мне его не догащивать. Забраться в повозку, соорудить укрытие из одеял и ждать возвращения кого-нибудь из посольской свиты? Они наверняка вернутся — узнать, чем закончилось сражение при Демсварте.

В самом деле, чем оно закончилось?

— Подождите! Стойте!

Отчаянный вопль едва не вынудил меня уронить собранные трофеи. Я поспешно закрутил головой по сторонам, ища кричавшего, и заметил его шагах в двадцати.

Вернее, ее. Подобрал мешающие юбки, ко мне бежала какая-то женщина. Ветер трепал рыжеватые выющиеся волосы и наброшенную на плечи незнакомки шаль. Впрочем, какая же это незнакомка! Это Цинтия! Цинтия Целлиг! Сегодня утром она так переживала из-за смерти Мазля Монброна, что ее не сумели успокоить и рабрийка Меланталь прибегла к заклятию сна. Мы оставили ее в палатке Монброна-старшего в полной уверенности, что ей ничего не грозит. Не знаю, куда подевался сам Райан и его приятель-

ница Фриерра, но ясно одно — про баронессу Целлиг забыли!

Повезло же ей... Может, призраки сочли ее мертвой и потому не тронули?

Цинтия вцепилась в меня так, будто боялась, что я ей примерещился и сейчас исчезну. Она не плакала, только дрожала, еле слышно всхлипывая. Пришлось бросить занимавшее руки барахло, чтобы обнять ее.

— Где все? — с трудом выговорила она. — Я проснулась, увидела пустой лагерь и кровь повсюду...

— Похоже, в этой битве никто не победил, зато все пострадали, — отозвался я. — Госпожа Цинтия, я очень рад тебя видеть, но под холмом сидит Рейе да Кадена, который вот-вот распрощается со своей вампирской душой. Я должен как-то ему помочь.

Немедийка понятливо кивнула и принялась собирать упавшие вещи. Пока мы спускались по склону холма, я попытался рассказать ей, что произошло на равнине под Демсвартом. Она пережила от ужаса и спросила, не знаю ли я о судьбе Даны.

Я решил, что выдумывать куртуазные отговорки сейчас ни к чему и сказал правду: мы не знаем, но Рейенир склонен полагать, что его племянница погибла в вызванной ею или ксальтотуном магической буре. Цинтия возражала, и в душе я соглашался с ней. Обладательница Каримэнона не могла позволить так запросто расправиться с собой!

Внизу нас поджидали неожиданности — как плохие, так и приятные.

Плохие: душевные и телесные силы гуля иссякли. Он съехался возле днища повозки и даже не поднял головы при звуке наших шагов. Зато рядом с ним сидела, пытаюсь согреть, крупная остроухая собака светлой масти. Увидев нас, она обрадованно взвизгнула и поскакала навстречу, держа правую переднюю лапу на весу.

— Ты почему перекинулся? — удивился я, догадавшись, что перед нами бешено виляет хвостом один из оборотней Пограничья, но не зная, который именно — Веллан или Эртель. Их звериные половинки очень схожи, оба щеголяют густой белой шерстью, однако на морде этого волка блестели ярко-синие глаза. — Магия вынудила? Ты Велл, да? Что у тебя с лапой стряслось?

Зверюга закивала, оттягивая кончики рта к ушам в своеобразной собачьей ухмылке и вывалив розовый язык. Оборотни плохо переносят творимое поблизости колдовство, особенно такое могущественное, как разгулявшееся сегодня над Демсвартской равниной. Оно заставляет их возвращаться к животной сущности, что и произошло с капитаном порубежной стражи Пограничья, Велланом, сыном Арта. Лапу ему перерубил чей-то меч, однако зверь вроде не испытывал особых страданий. У них быстро все заживает. Через седмицу опять будет носиться на четырех. Интересно, ранения сохраняются у обоих

ипостасей оборотня? Если Веллан превратится в человека, у него что, рука будет сломана?

Мы завернули Рейе в принесенные пледы и заставили выпить немного крепкого вина, плескавшегося в утащенной мной фляге. Цинтия ойкнула, углядев вдалеке бредущую лошадь, и оборотень, хромая, бросился ее догонять. Ему удалось поймать волочившиеся за конем поводья и привести животное к нам.

Общими усилиями мы с Цинтией подсадили слегка воспрянувшего духом гуля в седло, решив поехать в Алгиз. Оборотень внезапно заупрямился, зарычал, дергая госпожу Целлиг за подол и настойчиво требуя следовать за ним. Мы переглянулись и согласились.

Веллан направился куда-то на Закат, вдоль русла реки. Мы одолели чуть больше лиги, и я уже начал подумывать, как заставить оборотня объяснить, куда он нас ведет, когда впереди на холме показались всадники, в одном из которых я без колебаний узнал герцога Просперо, Пуантенского Леопарда.

*Деревня Шордер, Немедия.
Поздний вечер 26 дня Второй весенней луны.*

— Ничего мы толком не видели. Почти сразу, как Конан умчался спасать Эрде-младшую, Райан Монброн завопил — кому дорога жизнь, быстро в седла и вон из лагеря. Эрхард заикнулся спросить, чего он перепугался, но Монброн со своей приятельницей уже вскинулись на коней.

Даже не стали ждать, пока растащат повозки, открывая им дорогу: сиганули через фургоны и поскакали прочь от замка. Я посмотрел им вслед и сказал, что магу наверняка виднее, когда настает пора спастись без оглядки. К тому же над полем боя полыхнуло такой молнией, какую и в сильнейшую грозу не увидишь. Чабела только с сожалением глянула на свой шатер и махнула рукой...

— Сплетничаете, месьоры? — королева Зингары, в заляпанном грязью дорожном платье и слегка погнувшейся кирасе, подошла к нам и устало присела на край скамьи. — Налейте даме вина, что ли... Какие есть предложения?

— Ждать до утра, — высказался за нас обоих Просперо. Лежавший под столом белый волк поднял голову, оторвавшись от обглаживания украденной кости, и негромко заскулил. — Битва, насколько я понимаю, прекращена за отсутствием сражающихся.

— Если Тараск жив, его наверняка сочтут победителем, — Чабела осторожно отхлебнула принесенного нам вина и брезгливо скривилась. — Эта сиреневая призрачная мерзость будет завывать в моих кошмарах до конца жизни! Хотела бы я знать, на чьей совести их появление!

— Скажем, выяснится, что в живых остался не Тараск, а Ольтен или Долиана Эрде? — предположил я. — Что тогда?

— Я похлопочу, чтобы ее сделали немедийской королевой, — мрачно посулила зингарка. — У юной девицы незаурядные способности вер-

теть окружающими по своему усмотрению. Чего бы я сейчас не отдала, чтобы разобраться, как обстоят дела и куда, прах его подери, заделался Конан?

— Ночь на дворе, — напомнил я. — Ваше величество, бесполезно начинать поиски. Утром...

— Знаю, знаю, — Чабела уныло покачала головой, коротким взмахом руки поправив развившийся черный локон. — Отправляться посреди ночи на холмы — бесполезная и опасная затея. Вдруг хотя бы десяток призраков уцелел и ищет, кем бы поживиться?

— Слышали, как уже успели прозвать явление этой нечисти? — хмыкнув, осведомился Просперо. — Нисхождение Теней. Интересно, что они такое?

— Рейе называл их... — я зажмурился, припоминая диковинное словцо. — Хемгайни. Он сказал, их вызывают каким-то очень древним колдовством.

При упоминании имени Рейенира да Кадена Чабела словно бы невзначай покосилась в дальний угол полутемной комнаты с низким потолком, задернутый грязной тряпкой. Рейе устроили там, в самом тихом и теплом месте, какое удалось найти в захудалой деревушке Шордер. Заботу о нем взяли на себя Монброн-старший и госпожа Фриерра. Райан, недавно присоединившийся к нам хлебнуть вина и узнать последние новости, утверждал, что гуль наверняка выживет. Чабела обрадовалась этому известию гораздо больше, чем полагалось бы. Нет, с обитателями

Рабиоров нужно срочно что-то предпринимать, иначе в скором будущем мы начнем обнаруживать их при каждом дворе Восхода и Заката, причем отнюдь не на последних местах!

Иштар Несравненная! А если Конан узнает, что давняя знакомая намеревается предпочесть ему какого-то гуля? Подобного скандала свет еще не видывал!

— Раз древнее колдовство, значит, ваших треклятых Хемгайни притащил сюда ксальтотун, — убежденно заявил Пуантенский Леопард. — Вопрос в том, кто и как прогнал их обратно?

— Хотите еще одну загадку без ответа? — присовокупил я. — Где сейчас пресловутый Алый Камень, из-за коего разгорелись страсти? Неужели остался валяться посреди равнины?

Чабела вымученно усмехнулась углом рта и взглянула в затянутое мутным бычьим пузырем маленькое окно. Снаружи шел мелкий дождь, шуршавший по соломенной крыше, кое-где протекавшей.

Шордер — маленькое захолустное поселение лигах в двух от Демсварта — в отличие от Алгиза не мог даже похвалиться наличием постоянного двора или таверны. Столь внезапно нагрянувшим туда королям, королевам и всем их сопровождающим пришлось удовлетвориться весьма скромным ночлегом. Правительница Зингары, к примеру, вкупе с герцогом Пуантена и королем Пограничья, расположилась в доме деревенского старосты. Эрхард, заявив, что ему не привыкать, обосновался на конюшне, а мы сидели в самой

большой комнате, напоминавшей по размерам помещение для хранения хозяйственной утвари в Тарантийском замке, и строили предположения касательно завтрашнего дня и будущего Немедии.

— Мало общего со slashавыми историями про государя в гостях у верноподданных пейза, правда? — грустно заметила Цинтия Целлиг. Я сумел выхлопотать ей местечко под покровительством госпожи Фланы, старшей фрейлины Чабелы, и мог не волноваться — Цинтия сейчас находится в доме по соседству и наверняка спит. Завтра утром подумаем, как ей поскорее вернуться в Бельверус, к родителям.

По единственной улице поселка громко захлапали копыта. Должно быть, еще какие-то счастливицы, вовремя убравшиеся с равнины, искали место, где бы переждать ночь. Кони миновали жилище старосты, затем внезапно остановились и направились обратно. Послышались спорящие голоса.

— Может, Альбиорикс объявился? — встрепетнулся пуантенец. Чабела, задремавшая, положив голову на скрещенные руки, с величайшей неохотой приоткрыла один глаз и спросонья пробормотала:

— Объявите ему, что сегодня приема не будет...

Скрипнула открывающаяся дверь, кто-то зашел внутрь, немедленно споткнувшись в темноте сеней о жестяное ведро и раздраженно выругавшись.

— Это не Альбиорикс,— тоном человека, уверенного в своей правоте, сказал я.— Это Конан.

— Да? — Ее зингарское величество извоили проснуться.— А почему без доклада?

— Военное положение, моя госпожа,— донесся язвительный голос Райана Монброна.— Куртуазные расшаркивания временно отменяются.

Низкий дверной проем загрозила массивная фигура, от которой явственно несло конским потом и вымокшей под дождем тканью. Человек нагнул голову, чтобы не врезаться в покосившуюся притолоку, и вошел, грузно рухнув на скрипнувшую лавку. Король Аквилонии выглядел озлобленным и порядком уставшим. Настолько, что даже стоявшие на столе кувшины и жалкая закуска не удостоились его внимания.

— Отвоевались,— буркнул он.— Пропади оно пропадом...

Мы благоразумно промолчали, решив не искушать судьбу и не терзать киммерийца расспросами, пока он не придет в себя. Это произошло довольно скоро — Конан встряхнулся, отцепил насквозь мокрый и грязный плащ, огладил по загривку выбравшегося из-под стола волка и обвел нас хмурым взглядом:

— По крайней мере, Зингаре осталась ее правительница, а мне — собственный вице-король и библиотекарь...

— Ур-р,— негромко проворчал белый волк.

— Эрхард тоже с вами? — догадался Конан. Чабела молча кивнула и осторожно осведомилась:

— Как... Как твои успехи?

— Скверно,— варвар обеими руками взъерошил мокрую шевелюру, в которой блеснули белые нити первой седины.— Вообще-то, все скверно.

Из-за занавески появился Монброн-старший и привалился к дверному косяку, молча поглядывая на нас колючими зеленоватыми глазами.

— Замка Демсварт больше нет, призрачная дрянь сожрала три четверти явившегося сюда народа, галеру с посольствами Офира, Хаурана и Хорайи сорвало с якоря и унесло вниз по реке. Ее до сих пор не нашли,— перечислил Конан и с плохо скрываемым отчаянием добавил: — Из отряда, что пошел за мной и Альбиориксом, почти никого не осталось. Бритуниец в Алгизе, его здорово потрепали, теперь не скоро встанет на ноги...

Веллан-волк открыл пасть и часто запыхтел, прижав острые уши к голове — таким образом собаки и их дикие сородичи выражают крайнее беспокойство.

— Тотлант и Эртель целы,— Конан догадался, о чем хотел спросить обитатель Пограничья.— Эртеля тоже заставило перекинуться в зверя, а так он в порядке. Дженна приехала со мной, она, должно быть, скоро явится — отправилась разузнать, не уцелел ли кто из ее знакомых... Зато Аластор куда-то сгинул... И Дане Эрде наверняка пришел конец. В том кошмаре, который учинила она на пару с ксальтотуном, никто не выживет... Надеюсь, он подох в муках, оставив

Тараска без верного помощника,— мстительно закончил варвар.

— Так Тараск жив? — напряженно переспросила Чабела.

— Ага. Я его видел издалека. К счастью, он меня не заметил.

— Где он? — вырвалось у меня.

— В лиге к полудню от бывшего Демсварта. Торчит на дороге в Нумалию, при нем — с полтысячи изрядно напуганных гвардейцев, чрезвычайно счастливых тем, что остались живы. Мы тихонько проскочили мимо и отправились искать, куда вы могли подеваться. Заглянули в лагерь на Посольском холме — никого, только ветер свистит. Дженна предложила сунуться сюда, и первый же встречный зингарец отправил нас к дому старосты.

У входа снова что-то загремело и застучало. Хлопнула дверь, вошли, стряхивая воду с плащей и ежась, двое. Первый визитер оказался Дженной Сольскель — осунувшейся и слегка прихрамывающей. За ней...

За девицей из Пограничья следовал высокий беловолосый молодой человек в доспехе, украшенном изображением головы дракона Немедии. Увидев его, Чабела совершенно не по-королевски присвистнула, а Просперо удивленно спросил:

— Ваша милость? Конан... э-э, Ваше величество, почему вы нам ничего не сказали?

— В суматохе забыл,— честно признался Конан, пока гости устраивались на свободных местах.

— Он забыл,— с неподражаемой интонацией протянула зингарка.— Может, Ваше величество забыли сообщить нам еще какие-нибудь важные новости?

— Вроде нет,— откликнулся варвар, но внимание Чабелы уже полностью принадлежало Ольтену:

— Как прикажете теперь поступать, ваша милость? Где ваша приятельница, маленькая Эрде? Только не говори, что с первым солнечным лучом отправишься на ее поиски! Лучше уж сразу поищи веревку потолще и ветку покрепче! Ты понимаешь, что ваш с Долианой Рокод блистательно провалился?

— Еще не все потеряно,— устало и, как мне показалось, равнодушно пробормотал немедийский принц.

— Армии у тебя нет, живого символа, герцогини Эрде, вдохновительницы всех ваших идей и магички... покоя и мира ее душе...— тоже нет, в умах большинства обитателей страны вы отныне считаетесь пораженной стороной,— Чабела наставительно ткнула в Ольтена указательным пальцем.— Растолкуй, пожалуйста, где ты видишь хоть единый проблеск надежды!

— В выигранном времени,— разумная мысль принадлежала не Ольтену, но внимательно слушавшему Райану Монброну.

— Никто ведь не знает, что ваша милость уцелели,— поддержал танасульского мага Просперо.— И это очень хорошо... Просто замечательно.

— Бегство? — Ольтен слегка оживился, но оживление его быстро пропало. — Куда? Кому нужен человек, за которым тянется двусмысленная слава самозванца, без единого золотого в кармане, без единомышленников и...

— Мне, — перебил Конан. Эльсдорф-младший осекся, словно прикусив язык. Дженна вопросительно изогнула бровь и покосилась на киммерийца. — Сейчас мы соберем остатки твоего отряда и аквилонцев, после чего исчезнем. Мы тут никогда не проезжали и вы нас не видели.

— Ваше величество бесследно пропали в неразберихе всеобщего бегства от призраков, — изрекла зингарская королева. — Думаю, пройдет дня два-три, прежде чем Тараск наведет порядок и сообразит, что к чему.

— А ты? — насторожился варвар.

— Я останусь, — Чабела безмятежно махнула рукой. — Кто-то должен проследить, чем завершится наша авантюра. Может, всплывет нечто интересное. В любом случае, я в полной безопасности.

— Но я не могу уехать, не убедившись, что Дана действительно погибла! — резко проговорил Ольтен. — Если Вашему величеству угодно проявить такое снисхождение, заберите в Аквилонию моих уцелевших сторонников, а я тем временем...

— Не говори глупостей! — Зенобия сердито стукнула кулаком по столу. — Ты — вне закона. Тараск землю и небо перероет, дабы вздернуть тебя у Башни Висельников...

— При большом стечении ликующих подданных и приговором «Главарь бунтовщиков», — ядовито завершил фразу Монброн. — Уезжайте, в самом деле. Когда суeta поутихнет, мы тоже отправимся за вами.

— Это еще зачем? — подозрительно насторожился Конан.

— Давненько я наведывался в Тарантию, — с мечтательностью в голосе произнес Райан. — Госпожа Фриерра, опять же, изъявляла желание познакомиться с блистательной Аквилонией. И в Танасул надо съездить, известить семью Маэля об утрате...

— Маг и вампирша, — с этими словами киммериец закатил глаза. — Боги, спасите и сохраните! Кстати, а кто-нибудь видел Рейе, братца Ринги Эрде?

— Он жив, но ранен, — коротко ответила Чабела, взглядом приказывая невольным свидетелям — Просперо, Райану и мне — держать язык за зубами. — Я позабочусь о нем.

— Как знаешь, — Конан сгреб с блюда непрожаренного вида лепешку, откусил половину и встал. — Сожалею, благородные месьоры, но нас с нетерпением ожидают мокрая ночь, долгая дорога и очень жесткие седла. Когда доберемся до Нумалии, найдем тихий постоялый двор и денек передохнем. Чабела, я на тебя надеюсь — всегда и везде. Пришли в Тарантию восточку, ладно?

— Брысь! — фыркнула зингарка. — Чем меньшему числу зевак вы попадетесь на глаза, тем лучше.

Собирались мы с лихорадочной поспешностью, но забежать к Цинтии я успел. Госпожа Флана глянула на меня весьма неодобрительно, однако разбудила молодую баронессу, и мы распрощались на просевшем от старости низком крыльце, под холодными каплями мелкого дождя. Собственно, я только намеревался сказать, что вынужден спешно уехать и весьма сожалею об этом, но на язык подворачивались совершенно неподходящие слова — привычно-галантные, обкатанные, как камешки на морском берегу, и ничего не выражающие.

— Наниши мне, — вдруг попросила Цинтия. — Сейчас не время и не место для долгих разговоров. Просто напиши: Бельверус, квартал Алмель, улица Медведя, усадьба Целлиг. Обещаешь?

— А... Обещаю, — брякнул я.

— Так я буду ждать, — Цинтия, стоявшая на верхней ступеньке, наклонилась, быстрым, каким-то птичьим движением поцеловала меня и скрылась за дверью.

*Тарантия, Аквилония.
5 день Третьей весенней луны.*

Наш поспешный отъезд из Демсварта, вполне заслуживавший романтического названия «бегства под покровом ночи», прошел на редкость удачно. Тогда, сразу после битвы, никого не заинтересовал отряд всадников, удаляющихся проселочными дорогами в сторону Нумалии. Через четыре дня мы достигли крепости Вайзуз на гра-

нице, откуда лежал прямой путь к столице Аквилонии. Конан увез с собой не только принца Ольтена, но и десяток его сподвижников, а также Дженну Сольскель, внезапно решившую отправиться попутешествовать. Посмотрим, к чему приведет эдакое странствие в обществе Его величества короля аквилонского...

Новости из Немедии дошли до нас к началу Третьей весенней луны, и новости были, прямо скажем, ошеломляющие.

Долиана Эрде осталась в живых, но ее могущественный Талисман пропал. Пропал, и все тут! Какой-то мародер незамысловато снял его с предводительницы Рокода, сунул в карман и уволок в неизвестном направлении.

Армия Тараска еще седмицу торчала под Демсвартом: гвардейцы ловили уцелевших мятежников, а ксальтотун, умудрившийся избежать гибели, несомой Тенями, разыскивал сокровище. Колдуну досталась лишь безжалостно исковерканная золотая оправа, подобранная шагах в десяти от тела Даны. Разыскивал он, по слухам, везде: среди мертвых и среди живых, среди взятых в плен мятежников и среди оставшихся в живых легионеров Тараска Эльсдорфа. Искал яростно и жестоко, допрашивая всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение. Искал, утверждая, что ощущает близкое присутствие Камня.

Искал — и не находил. Заставил пятерку Летучих Мышей спуститься по целой паутине веревек в Провал, образовавшийся там, откуда вы-

рвались Призраки. Искатели выяснили, что на дне расщелины находится грязевое озерцо, над которым поднимаются гнилостные испарения. Один из воинов по неосторожности вдохнул слишком глубоко и отравился, сорвавшись вниз и захлебнувшись в размякшей глине. Менхотеп распорядился пригнать к яме жителей Алгиза и вычерпать грязь. Приказ выполнили. Камня не обнаружили.

Разъяренный ксальтотун прибегнул к помощи волшебства, пытаясь выследить Талисман по неуловимому запаху, который оставляет за собой любой могущественный артефакт. Однако, как мы поняли, над Демсвартским полем смешалось столько заклятий, что малейшие приметы, могущие подсказать, куда делся Каримэнон, сгинули, точно слизанные морским прибоем легкие птичьи следы. Ксальтотун не мог заставить себя поверить, что магическим кристаллом завладели силы, стоящие над человеческим миром, следовательно, он угодил в людские руки. В чьи? Кто успел за промежуток времени в суточный оборот клепсидры снять Камень с похожего на труп тела Долианы Эрде и унести его в неизвестном направлении?

Дану увезли в Бельверус и собирались судить вместе с прочими бунтовщиками. Дела Чабелы и всячески поддерживавшего ее Эрхарда, похоже, катились под горку, ибо остальные члены Совета Семи королей разбежались по родным странам. Раненый Альбиорикс на ноги так и не поднялся, ему высочайше разрешили отправиться

домой — для поправления здоровья. Относительно судеб Конана и Ольтена ходило множество противоречивых слухов, но, похоже, Тараск догадывался, что аквилонцы вновь его обставили.

Впрочем, теперь это не имело значения. Коронация Тараска Эльсдорфа, наследного принца крови, потомка Нимеда Первого, должна состояться в восьмой день Третьей весенней луны, и горе тому, кто рискнет помешать! Чабела, думаю, даже не пыталась, зная, что иногда приходится мириться с поражением.

Глава третья

Записки Долианы,
герцогини Эрде-младшей — I

«Бегство сквозь огонь»

*Бельверус, Немедия.
10 день Третьей весенней луны.*

Ва протяжении двух седмиц, с двадцать шестого дня Второй весенней луны по десятый день Третьей весенней луны, я постепенно сходила с ума. Миг начала безумия пришел под Демсвартом, когда меня выволокли из-под тяжелой конской туши и утвердили на ногах, подпирая с обеих сторон. Надо мной возвышался донельзя разъяренный и жаждущий крови ксальтотун, но поначалу я не обратила на него внимания.

Вокруг тянулась Демсвартская равнина — тающий снег, грязь, пятна крови, ошметки разорванных в клочья плоти и железа. Курящийся сизоватым дымком Провал, уходящий в земные

недра. Наполовину обрушившийся и съехавший в реку замок. Тысячи погибших по моей вине людей, сторонников Рокода и легионеров Тараска. Пропавший Талисман.

Постепенно до меня дошло, отчего беснуется ксальтотун. Ставший почти осязаемым Каримэ-нон проскользнул у него сквозь пальцы. Кто-то взял его. Вытащил из моей руки, сочтя валяющуюся на краю пропасти Дану Эрде покойницей. Забрал и унес.

Ксальтотун безжалостно вывернул наизнанку жалкие останки моего разума, пытаюсь отыскать в них след похитителя. Маг надеялся, что я заметила хоть какую-нибудь мелочь, тень, особенность, прежде чем Камень сменил владельца. Бесполезно. Как выяснилось, я не помнила ровным счетом ничего.

Убедившись в моей никчемности, Менхотеп потерял ко мне интерес и целеустремленно занялся розысками сокровища на поле битвы. Я досталась Тараску: редкостный, хотя и сильно потрепанный трофей. Его высочество немедленно обуялся милосердием, распорядившись устроить добычу со всеми возможными удобствами и поставив умелого лекаря. Конечно, ведь я требовалась ему живой и относительно невредимой!

А я хотела умереть. Герцогиня Эрде-младшая подвела всех, кого могла: друзей, сторонников, единомышленников и сородичей. Любой, кто пытался следовать за мной, очень быстро погибал. Почему моя судьба должна быть иной? Раз они умерли, я тоже последую за ними.

Остатки армии Тараска Эльсдорфа снова и снова обшаривали низину возле стен бывшего Демсварта. Каждое утро я надеялась, что наступающий день наконец станет для меня последним.

Я оставалась в этом мире. Потерявшая интерес ко всему сущему, похожая на выходца из могилы, с тихо угасающим под бременем вины рассудком, однако живая.

Где-то поблизости постоянно находился лекарь и караулившие меня стражники, однажды мне показалось, будто мой фургон навестила Чабела Зингарская, но, скорее всего, это мне приснилось. Я дремала, пребывая на грани между сном и явью, и очнулась, как ни странно, благодаря Тараску.

Его светлость заглянул справиться, вынесу ли я путешествие до Бельверуса. Заодно Тараск хотел убедиться, что я не исчезла. В глубине души он наверняка опасался, что я прибегну к какому-нибудь волшебству и испарюсь.

Совершенно напрасные подозрения. Моя магия, если таковая вообще имелась, а не была целиком и полностью заимствована у Камня, иссякла, словно пересохший колодец в пустыне. Тараск довольно долго смотрел на меня, изумленно хмыкая (должно быть, мой вид не отличался большой привлекательностью), потом негромко окликнул по имени. Наверное, я пошевелилась в ответ, и он решил задержаться и поболтать. Или просто желал насладиться плодами дорого доставшейся победы.

Так или иначе, Тараск присел на скамью и поведал мне много прелюбопытных вещей, говоря сочувствующе-бодрым тоном, каким принято обращаться к тяжелобольным. Я услышала имена людей из нашей с Ольтеном свиты, которых ему удалось захватить в плен. Из двадцати тысяч человек, явившихся к стенам Демсварта, выжила едва ли четверть. Мятежники, принявшие на себя первый удар призрачной орды, погибли почти целиком. Совет Семи королей и Ее величество Чабела изрядно струхнули, почти согласившись признать Тараска королем, а Рокод Полуночи — бунтом кучки зарвавшихся юнцов. Конан Аквилонский и король Бритунии исчезли вкупе с частью своих гвардейцев и несколькими подданными Пограничья. Прошел слух, будто их видели спускающимися в долину незадолго до Прихода Теней.

Должно быть, у меня сохранилась капля здравого смысла. Или наоборот, слова подсказывало хихикающее безумие. С трудом открыв рот, я прокаркала, что вина за случившееся целиком и полностью лежит на мне. Я цеплялась за эту мысль изо всех сил. Моя судьба не имеет значения, пусть только оставят жизнь остальным пленным. Пусть сошлют в самое далекое захолустье, пусть лишат права принадлежать к благородному сословию, пусть отберут все, только пусть не будет смертей...

Я столько раз повторяла эти слова, что сама начала в них верить. На самом деле для Тараска и тех, кто участвовал в поспешном суде над

мной, болтовня полусумасшедшей девчонки не имела никакого значения. Они торопились отделаться от нас. Отделаться так, чтобы впредь никому не пришло в голову осмелиться выступить против могущества королевской власти и Его величества Тараска Эльсдорфа. Обычно новый правитель страны перед коронацией объявляет о помиловании содержащихся в тюрьмах преступников, однако нас эта традиция не касалась. Нам предстояло получить все, отмеренное немолимой карающей рукой закона.

Тараск и его судьи, надо отдать им должное, не нарушили ни единого уложения. Разве что со мной решили поступить строже обычного, чего я вполне заслуживала.

Время скользило мимо. Я не боялась, просто терпеливо и устало ждала. Тосковала по Камню. Наверное, так должна себя чувствовать женщина, у которой умер маленький ребенок. Впрочем, у меня нет детей, да и не будет. Род Эрде пресекался, не начавшись толком. В живых осталась только Ринга Эрде, и та безумна.

Сегодня меня разбудил вливающийся в окно многоголосый шум толпы. Ожидание закончилось.

* * *

Повозка смертников ждала в крохотном внутреннем дворе замка, опущенный задник придвинут вплотную к дверям. Обычная двуколка с высокими бортиками, на каких возят ящики с

овощами или дрова, ради торжественного случая обитая дешевым черным сукном. Меня посадили наверх, следом вскарабкались двое стражников и втащили что-то увесистое, отрывисто позвякивающее. Я стояла, чувствуя под ногами занозистые, грубо оструганные доски, и шурилась. Сегодня выдался на редкость ясный и теплый денек, настоящее лето. Ну да, ведь наступила Третья весенняя луна. И, кстати, благополучно миновал мой день рождения, приходящийся на начало этого месяца.

Шаткая повозка раскачивалась под тяжестью забравшихся в нее людей влево-вправо. Приглядевшись, я увидела, что на последнюю прогулку меня повезут два мула — как положено, светлой и темной масти. Гвардеец, державший мулов под уздцы, как-то странно глянул на меня и быстро отвернулся. Пребывание в заключении отнюдь не сделало без того страшненькую Дану Эрде первой красавицей Немедии.

Возня за спиной окончилась, меня довольно вежливо попросили протянуть руки назад. Я подчинилась, заодно посмотрев через плечо. Понятно. Толстый столб со зловещего вида цепями и наручниками.

Стражники завершили свое дело и спрыгнули на землю. Хлопнул поднимаемый борт повозки, скрипнули деревянные задвижки. Мулы деловито зацокали копытцами по булыжникам, проплыла справа глухая стена без окон, сложенная из блоков коричнево-серого гранита, затем мы въехали под низкую арку, освещенную парой

факелов, и остановились. Впереди я разглядела закрытые ворота и яркую золотистую щель, разделяющую створки, а слева — маленькую дверцу, куда поспешно юркнул один из моих сопровождающих. За воротами приглушенно гудела толпа. Внезапно до меня долетел короткий, яростный вскрик, утонувший в общем усилившемся гомоне. Жизнь кого-то из моих сторонников завершилась, подобно задутой ветром свече.

— Кто это был? — я решила, что ничем не рискую, обращаясь к стерегущим меня гвардейцам.

— Не знаю,— сразу же откликнулся тот, что держал мулов. Подумал и уточнил: — Не знаю, госпожа.

— Сегодня всех, кто верховодил над мятежниками, того... В общем, конец им настал, госпожа,— словоохотливо пояснил его напарник, постарше годами, и понизив голос, быстро проговорил: — Эй, может передать кому чего нужно? Ты скажи, мы сделаем.

Я старательно поразмыслила, вспоминая, отыщется ли в этом мире человек или люди, желающие выслушать мою последнюю волю, и отрицательно помотала головой:

— Спасибо. У меня больше нет ни родни, ни друзей.

Конечно, невезучесть Долианы Эрде погубила всех. Даже тех, кто мог бы уцелеть. Невовремя припомнилось, что на моей совести лежит еще и гибель рабирийского дядюшки, Рейе да Кадена. А ведь он ехал сюда, чтобы спасти непутевую

дочь своей младшей сестры... Сколько их, ожидающих на Серых Равнинах, готовых встретить меня справедливым упреком: «Почему? Почему ты допустила, чтобы мы умерли?»

— Ты бы помолилась,— неожиданно посоветовал старший гвардеец.— Легче станет. Ты вообще какой веры будешь? Митрианской?

— Нет, иштарийской,— ответила я, честно прибавив: — А также я имею честь быть невезучей последовательницей Роты-Всадника.

Стражники покосились на меня, как на блаженную дурачку. Нечасто, должно быть, им доводилось сопровождать к месту казни малолетнюю злодейку короны, пытающуюся острить.

Неприметная дверца выплюнула целый отряд в зеленовато-красной форме дворцовой гвардии, в надраенных до ослепительного блеска доспехах и вооруженных длинными копьями. Они окружили повозку плотным кольцом, и мои недавние собеседники затерялись среди них. Стало тесно, шумно и хлопотливо. Кто-то громко распоряжался, и я почувствовала себя в роли беспомощно мечущегося жертвенного тельца, которого никто не спрашивает, хочется ему оказаться на алтаре или он предпочел бы прогуляться на ближайшую лужайку.

Ворота грузно распахнулись. Ворвавшийся поток солнечных лучей затопил арочный проем, заиграл искрами на кирасах гвардейского отряда и упряжи мулов, а я снова заморгала от слишком яркого света. Скрежетнуло и подпрыгнуло наехавшее на камень колесо: мы продолжили

путь, миновав ворота и выбравшись на большое открытое пространство. Сбоку к нам пристроились всадники, замкнувшие по углам квадрат пеших гвардейцев.

Процессия двигалась не слишком быстро, так что я получила отличную возможность оглядеться по сторонам. Мне не доводилось присутствовать на казнях, поэтому я вдруг болезненно заинтересовалась каждой мельчайшей подробностью.

Повозка катилась между двумя рядами гвардейцев, описывая большую дугу и постепенно забирая вправо. Слева нависала одна из башен Бельверусского замка короны. Громоздкая, тяжеловесная, в венце массивных зубцов, украшенная важно развевавшимися на ветру стягами с гербом королевства. Длинная тень башни падала на выстроенные неподалеку от ее подножия полукругом трибуны в пять ярусов. Верхний, украшенный множеством разноцветных полотнищ, черно-бело-алых знамен, длинных вымпелов и ярких лент, навёрняка предназначался для особ, полагающих себя не простыми смертными.

Мгновение спустя я убедилась в собственной правоте, всмотревшись в лица людей, занимающих почетные места на мрачном представлении с моим участием. Совсем недавно они составляли костяк Совета Семи королей, а сегодня...

Посередине, чуть повыше прочих, располагалось вычурное кресло, больше похожее на маленький трон и принадлежащее Тараску Эльсдорфу. Новый король Немедии не выглядел до-

вольным, скорее, он походил на человека, стремящегося поскорее выполнить тягостную, но необходимую обязанность. Темно-красный силуэт в глубине, за спинкой кресла — надо полагать, ксальтотун собственной персоной. Не отказал себе в удовольствии полюбоваться на кончину изрядно попортившей ему кровь соперницы.

По левую руку от Тараска восседала красивая, величественная женщина в ослепительно-голубом с золотом платье. Чабела Зингарская, которую я считала глупой гусыней и которая делала все, дабы удержать некую сумасбродку Дану Эрде от роковых промахов. На лице королевы Побережья сохранялась маска холодной любезности, но завидев меня, она вздрогнула и невольно прижала платочек к губам. Кто-то из свитских, стоявший позади нее, резко наклонился вперед, не то за приказанием, не то шепча правительнице на ухо последние новости. Чабела слушала, но ее взгляд не отрывался от моей тряской колымаги — взгляд беспомощный и сочувствующий. Лучше бы она смотрела в другую сторону...

Компания справа от Тараска высказала свое мнение сразу и определенно. Полноватая и величественная белокурая дама в шелках жемчужного оттенка, седой старик в зеленом и коричневом, и двое молодых людей — оба высокие и светловолосые. Офирская графиня Клелия Кассиана, король Эрхард из Пограничья, Эртель, его племянник-наследник, и верный приятель Эртеля, капитан гвардии Пограничного королев-

ства, Веллан. Где он успел руку сломать? Не при Демсварте ли?

До меня долетел смутный отголосок слуха, будто кто-то из Совета Семи королев нарушил обещание держаться в стороне, заметив уготовленную мне ловушку и вмешавшись в битву на стороне мятежников. Упоминались имена Конана Аквилонского и Альбиорикса, правителя Бритунии... Кстати, ни того, ни другого я на трибунах не заметила. Аквилонцы отсутствовали напрочь — ни короля, ни великолепного пуантенского герцога, ни его свиты, никого. Неужели я должна прибавить к длинному списку своих невольных жертв еще и их? А может, они решили таким образом выказать свое отношение к Тараску и его поступкам?

Принц Пограничья и его друг явно намеревались затеять скандал, и поводом для него служила моя скромная особа. Кажется, они решили убедить Тараска даровать мне жизнь, но вот беда — просить о чем-либо и разливать в куртуазных словах варварская парочка считала ниже своего достоинства. Неудивительно, что их очень скоро попросили освободить ложу от своего присутствия. Эрхард попытался вмешаться и отступился, не желая или опасаясь спорить с Тараском. Я его не осудила: он должен помнить о своем маленьком королевстве, во многом зависящем от могущественной Немедии.

Молодые люди сбежали по боковой лестнице к первому ярусу и остановились там. Судя по их жестам, они всерьез обсуждали возможность на-

броситься на стражу и попытаться добраться до меня.

«Даже не думайте,— мысленно попросила я, когда дребезжащая двуколка поравнялась с левым краем трибун.— Сюда согнали гвардейцев не меньше, чем полегло легионеров на Демсвартской равнине».

Трибуну, отведенную представителям благородного сословия, повозка миновала в полном молчании, нарушаемом ритмичным топотом и лязгом доспехов стражников, фырканием мулов и позвякиванием моих цепей. Многие из тех, что сидели на скамьях, недолюбливали моих родителей, вполне обоснованно считая Мораддина и Рингу Эрде своими врагами. Однако вид торчащей на черном возке смертников ободранной толщей девчонки изрядно поколебал их верноподданнические чувства. Думаю, я мало напоминала закоснелую злоумышленницу.

Одолев с двести шагов расстояния вдоль дворянской трибуны, мулы, повинаясь ведущему их гвардейцу, развернулись головами к стенам Бельверусского замка и остановились. Справа тянулось плотное воинское оцепление в пять или шесть рядов, а за ним мерно колыбалась толпа из обитателей славного города Бельверуса. Человеческое столпотворение заливало немалых размеров площадь перед замком, люди торчали на крышах и в окнах окрестных домов, их непрерывно звучащие голоса сливались в подобие морского рокота. Они толкались, шумели, пробирались вперед, выкрикивали проклятия и не-

что, принятое мной за одобрительные возгласы, хохотали, голосили и улюлюкали. Я едва не оглохла.

Настало время набраться храбрости и взглянуть на ожидающий меня конец пути. С того мига, когда повозка оказалась за воротами замка, я избегала поворачивать голову влево. Теперь иного выбора просто не оставалось.

Выглядело место казни просто и буднично.

Квадратная площадка, примыкающая к стене замка короны, со стороны в полсотни шагов, засыпанная сероватым песком и окруженная двойной цепочкой гвардейцев. Почти под самым бастионом угловато возвышаются три виселицы, середину площадки занимает добротный сколоченный помост с тяжеловесной дубовой колодой, и совсем близко, шагах в двадцати поднимался высокий столб, старательно обложенный вязанками хвороста и поленьями. Макушку столба украшала перекладина, с которой свисало потрепанное и заляпанное грязью знамя.

Стяг Рокода — немедийские цвета и белая крылатая звезда.

Мне бы испугаться. Вместо этого я безучастно подумала, кому мог принадлежать замысел отправить Эрде-младшую в странствие, из которого не возвращаются, под штандартом, порожденным ее самонадеянностью. Должно быть, ксальтотуну. Отомстил напоследок за утраченный Талисман.

Никаких других чувств ожидавший меня костер не вызвал. Просто груда сухого дерева. Мой

взгляд с неодолимой силой притягивала средняя из виселиц. Под массивной перекладной раскидывались два тела, и с недепо вывернутой набок головы того, что находилось справа, свисали длинные ярко-рыжие кудри.

Ретта! Золотая Куница из маленького баронства Дюшрек, затерянного в лесах подле границ с Бритунией! Ретта, бывшая моим оруженосцем, любившая бешеную скачку и презиравшая любые опасности! Они удавили Ретту! Уж не ее ли последний крик я слышала из-за дворцовых ворот?

Рядом с виселицей стояла большая неуклюжая телега, запряженная парой флегматичных тяжеловозов. Над содержимым повозки вился издалека заметный черный гудящий рой. Я тупо подумала, что в скором времени Ретту вынут из петли и бросят туда, к остальным. Моих сторонников лишили прав на достойную смерть и надлежащее погребение — тела вывезут за город и закопают в наскоро вырытой яме. Место перепахнут и засеют, чтобы никто не нашел.

* * *

Я полагала, что моя казнь оставлена напоследок, дабы послужить достойным финалом зрелища расправы над мятежниками и бунтовщиками, и не ошиблась. Однако я доселе украшала своей невзрачной персоной черную двуколку, переминаясь с ноги на ногу под пристальным надзором трех или четырех десятков гвардейцев.

Зато на помосте с колодой развернулась бурная деятельность.

Пронзительно завывали трубы, извещая о появлении вскарабкавшегося на деревянную постройку королевского герольда в традиционном, издавека заметном наряде с черными драконьими головами и золотыми коронами. Вестник развернул пергамент с болтающимися на шнурках печатями, толпа слегка притихла, и началось чтение. К сожалению, я расслышала мало, хотя находилась недалеко. Я смотрела на мертвую Ретту и ее соседа по несчастью. Краем уха я уловила собственное имя и оставившее меня равнодушной известие о том, что представители семьи Эрде отныне объявлены врагами трона, а их владения — земельные и денежные — подвергаются баниции в пользу государства (среди зрителей пробежал азартный шепоток, кто-то наверняка начал подчитывать, на сколько обогатился Его величество Тараск).

После оглашения приговора меня под усиливавшийся гомон отвязали от столба и вытащили из двуколки. Жалкая картина: отборная дворцовая гвардия сопровождает маленькую девчонку в серых отрепьях. Могли бы расщедриться и вырядить казнимую преступницу поярче. Хотя какая разница?

Путь лежал мимо эшафота, и я заметила, что мелкий серый песок под этим зловещим сооружением стал буровато-влажным. Сколько крови, должно быть, пролилось на него с утра... На глаза попались выстроенные рядом подле вихода

на эшафот здоровенные плетеные корзины, совершенно тут неуместные. Я сделала крохотный шаг в сторону и заглянула внутрь, наткнувшись на пустой и бессмысленный взгляд стекленеющих зрачков.

Головы. Там лежали головы. Навалом, как капустные кочаны на ярмарке. Хуже всего, что я, пусть и с трудом, узнала знакомые лица.

Наш герольд, первый советник Ольтена, бывший капитан королевской гвардии в Бельверусе, безупречный и верный красавчик Крейн — Эдмар Крейн, владетель графства на Соленых озерах... Старый Хальдор из Иштата, козлиная бороденка в крови... Фарли, младший сын барона Леттерна, мой ровесник... Они все собрались здесь. Все остались со мной. До конца, как обещали.

У подножия костра произошла маленькая заминка: решали, кто поведет меня наверх, старший палач, распорядившийся на сегодняшней мрачной церемонии, или гвардейцы. Заплечных дел мастер отстоял свое законное право, и меня грубовато подтолкнули к узенькому проходу между топорщащихся вязанок. Оказывается, поленья сложены лесенкой, так что по ним вполне можно подняться. Пару раз я споткнулась, а, добравшись до самого верха, огляделась вокруг. Нет, я очень хорошо сознавала, что жизни мне остается не более четверти колокола, просто это не имело особенного значения. Моя душа и разум умерли на равнине под Демсвартом, и то, что зовется Долианой Эрде — пустая оболочка.

Возможно, она способна испытывать боль и будет кричать, но внутри она давно мертва.

По толпе пробегали волны, образуя причудливые завихрения. Цепь из стражников слегка качнулась, гвардейцы оттесняли горожан назад и угрожающе покрикивали на чрезмерно любопытных, стремящихся пролезть в первые ряды.

На трибуне для высокородных зрителей возникло движение. Мелькнул короткий, ослепительно-яркий блеск, какой вспыхивает на драгоценном камне. Надо полагать, Его величество Тараск не внял убеждениям коронованных соседей и подал знак начинать увеселение. Может, я должна сказать последнее слово? Никто не услышит, даже если заорать во весь голос. Да и что говорить? Мол, сожалею? Это будет неправдой. Я поступила, как мне казалось верным и нужным. Лучше промолчу.

Гвардейцы, стоявшие внизу, зажгли пучок пакли и помахивали им в воздухе, дабы разгорелся посильнее. Над площадью пролетел отчетливо слышимый общий вздох, в котором слились воедино страх, предвкушение грядущего жесткого зрелища, отвращение и любопытство. Стало на удивление тихо, я даже услышала, как трещит занимающийся огнем хворост. Кто-то громко ойкнул, кто-то выругался. Захныкал ребенок, вскрикнула женщина. Просочившиеся сквозь валежник клубы едкого дыма поднялись выше, заставив меня сначала расчихаться, а потом закашляться. На душе стало очень против-

но: торчу, привязанная к столбу, и целый город глазеет, нетерпеливо ожидая самого интересного — когда же я начну превращаться в факел?

— Так отправилась к Нергалу Дана Эрде, предводительница разгромленного мятежа, бездарная волшебница и несостоявшаяся владелица Алого Камня,— пробормотала я сквозь очередной приступ кашля. Знамя над головой слабо хлопнуло.— До чего же... Ай!

Длинный язык пламени вынулся совсем рядом с моей ногой. Вот теперь я начинала трусить. Дернулась, забыв о веревках. Взвизгнула, заставив сотни головы повернуться в мою сторону. Красные пятна в глазах — словно отблески на гранях Талисмана. Раскачивающееся небо. Воздух, мне нужно дышать! Жарко!..

* * *

Дальнейшего я, разумеется, не видела, и знавала подробности стороной, ибо подлинные виновники происшествия на Замковой площади уклонялись от любых ответов.

В возбужденной сверх меры гурьбе обывателей, еле удерживаемой гвардейцами, возникла паника. Поводом стали несколько кувшинов, метко запущенных с крыш окрестных домов и разбившихся. В сосудах находилась знаменитая «туранская смесь» — состряпанная из толченого угля, серы и овечьего сала гадость, которая, если ее поджечь, порождает облачко крайне вонючего и густого дыма. Дюжина таких кувшинов

разлетелась по разным углам площади, и неудивительно, что люди, оказавшиеся поблизости, немедленно отшатнулись, сбивая с ног своих соседей.

Бельверусские горожане — народ в целом спокойный и мирный, но, напуганные звоном бьющихся глиняных горшков, истошными криками и распространяющимся зловонием, они растерялись. Часть толпы шарахнулась в сторону открытого пространства площадки для казней, смяла оцепление и бросилась наутек.

Увлекаемый бегущими, мимо опешивших на краткие мгновения стражников проскочил всадник на долговязой гнедой лошади. Толком его никто не разглядел, потом очевидцы сходились во мнениях, что неизвестный носил темно-зеленый выцветший плащ, а лицо прятал под капюшоном или маской.

Оказавшись за преградой, всадник уверенно повернул кобылу в сторону костра, попутно смахнув пару или тройку замешкавшихся гвардейцев. Оружием ему служил устрашающего вида двуручный меч с широкой гардой в виде серебряного лунного полумесяца. Клинок зевакам запомнился больше его владельца, что неудивительно — поравнявшись с костром, всадник направил гнедую прямо на разгорающиеся поленья, поднялся на стремянах и с оттяжкой рубанул по столбу.

К тому времени я почти задохнулась дымом и бессильно болталась на веревках. Меня не привело в себя даже лихое падение. Столб качнулся и завалился назад, перекинувшись как раз над

не успевшими как следует вспыхнуть связками хвороста. Второй удар с легкостью рассек державшую меня привязь, и я мешком свалилась вниз. Всадник рывком наклонился, стрерб за шиворот слабо трепыхавшиеся останки Даны Эрде и небрежно бросил добычу поперек седла. Острая лука, впившаяся в живот, едва не вышибла из меня последние жалкие крохи воздуха.

Гвардейцы наконец сообразили, что некто имеет дерзость утаскивать у них из-под носа приговоренную к смерти мятежницу.

Наперерез всаднику на гнедой бросился по меньшей мере десяток королевских блюстителей. Должно быть, они здорово пожалели о своей поспешности. Длинный меч, тихо посвистывая, описал дугу, с равным успехом перерубая древки копий, оружейную сталь и железо доспехов, не говоря о хрупкой человеческой плоти.

Бежавшее на подмогу сотоварищам подкрепление замешкалось. Воспользовавшись сумятицей, всадник в зеленом плаще преодолел расстояние до охваченных паникой и негодованием трибун, издевательски отсалютовал клинком вскочившему со своего трона Тараску. Каким-то образом всадник расслышал в общем гаме щелчок спускаемой арбалетной тетивы, и резко пригнулся к лошадиной шее. Болт пролетел мимо, поразив кого-то из гвардейцев.

Неизвестный дернул повод, разворачивая кобылу налево и намереваясь проскочить через довольно тесный проход между дворцовой башней и угловой стенкой трибун. Конечно, стражники

выстроились и там, однако сюда докатились только отголоски всеобщей суматохи.

Вылетевшему из-за угла нарушителю спокойствия и законности не оказали достойного приема, если не считать безнадежной попытки трех конных гвардейцев преградить путь несущейся размашистым галопом гнедой кобыле. Первого вышибло из седла, двое других остались недоуменно пялиться на ровно срезанные возле самых рукоятей клинки.

Стычка, пусть она длилась считанные удары сердца, вынудила лошадь замедлить ход. К тому же всадник заметил, что его трофей вот-вот соскользнет вниз и поспешно водворил падавшую Дану Эрде обратно.

Несколько потерянных мгновений сыграли на руку торопливо бежавшему по верхнему ярусу гомонящих трибун высокому человеку в черных с золотом одеяниях придворного волшебника. Поравнявшись с краем постройки, маг запустил в похитителя зародившейся у него в руке пригоршней зеленовато сияющих коротких стрелок. Всадник отбил большую их часть лезвием клинка, но две или три ударились в круп жалобно заржавшей лошади.

Всадник пронзительно свистнул. Под трибуной бездельно околачивались двое молодых людей, носивших гербы Пограничного королевства и с откровенным любопытством созерцавших разворачивающееся перед ними действие. Услышав свист, они оглянулись, заметив торопливо спускающегося по лестнице волшебника, пере-

глянулись с неизвестным в зеленом плаще и сломя голову устремились вверх, с явным намерением перехватить мага. Молодые люди немного не успели — тот увидел их первым, досадливо скривился и лихо прыгнул через перила, вновь швырнув в всадника зелеными мерцающими стрелами. На этот раз почти все достигли цели, поразив ноги гнедой кобылы.

— Этого мы не учли, — пробормотал всадник, усмиряя заплясавшее животное и озираясь. С площади бежали стражники и конные гвардейцы, со стороны трибун приближался волшебник короля Тараска, вновь торопливо готовивший какое-то заклятие, а проморгавшие его появление оборотни слишком поздно спохватились. Оставался один выход, тот, к которому злоумышленник намеревался прибегнуть в самом крайнем случае.

Арраса Кийяра, родом аквилонца, последние семнадцать лет сравнительно преданно служившего Трону Дракона и рассчитывавшему неплохо устроиться при новом короле, Тараске Эльсдорфе, погубила его самоуверенность. Он счел неизвестного в тускло-зеленом плаще хитрой, но все же уязвимой добычей. Поскольку ксальтотун и Ораст промедлили, Аррас решил сам задержать похитителя мятежницы Эрде. Девчонка умрет сегодня, и никто этому не помешает! Сначала лишить беглецов лошади, потом...

Додумать маг не успел. Что-то стремительное, холодно блестящее перечеркнуло воздух рядом с ним, прорвавшись сквозь сеть охранного

колдовства, и подведя черту под жизнью честолюбивого и надменного волшебника. Аррас даже не успел понять, что стало причиной его смерти, ибо был твердо уверен — меч никогда не сможет двигаться стремительнее заклинания.

Гнедая лошадь сумела преодолеть еще с полутысячу шагов вдоль крепостной стены и добраться до переулка в начале древнего Знаменного Проезда, после чего покачнулась и завалилась набок.

Потеряв скакуна, всадник бросил взгляд через плечо, убедившись, что по его душу послана добрая половина королевской стражи, подхватил на руки казавшуюся мертвой девушку в сильно обгоревшем платье, и поспешно скрылся под аркой ближайшего дома.

Он петлял по запутанным внутренним дворам, проулкам и задворкам Бельверуса, держась полуночного направления, и добился своего — погоня потеряла его след.

Спустя полколокола человек, воспрепятствовавший преждевременной гибели Даны Эрде, вошел во двор уважаемого в городе торгового заведения «Игдир, Мошшель и Компаньоны», принадлежавшего заморийским купцам. Здесь его ждали, и именно здесь я начала приходить в себя, осознавая, что визит на Серые Равнины откладывается на неопределенное время. Меня разбирал кашель, у меня болели ноги, но я, несомненно, пребывала в мире живых.

— Пей,— мне сунули в руки кувшинчик с узким горлышком.— Сумеешь сама или помочь?

В кувшине оказалось разведенное вино, смешанное с кислым лекарственным настоем. Голова слегка прояснилась, я отважилась покоситься вправо-влево. Поглядела — и растерянно захлопала глазами.

Двор с маленьким садом и прудом я узнала почти сразу. Мне довелось побывать тут больше луны назад, в компании принца Ольтена и Мазля Монброна. И беседку с низким туранским диванчиком, на который меня положили, я тоже помнила. Признала даже человека в черном балахоне, озабоченно хлопотавшего над моими бедными ногами, которые лизнуло пламя.

— Тотлант,— попыталась выговорить я. Вместо слов наружу вырвалось сипение и жалобный писк. Я старательно откашлялась и сделала новую попытку: — Тотлант, ты как сюда попал?

— Тихо,— стигиец расслышал в моем хрипении нечто разумное и разборчивое.— Все хорошо. Тебе скоро захочется спать, так и должно быть. Ни о чем не волнуйся... Как ноги, очень жжет?

— Терпимо,— я сделала открытие: если говорить шепотом, получается вполне приемлемо и внятно.— Но почему...

— Потом,— отмахнулся маг.— С ожогами тоже придется повременить. Не бойся, твои ноги останутся при тебе. Ты везучая.

— Я неудачница,— отчетливо выговорила я.— Кто меня увез? Зачем?

— Порой мы все совершаем глупости,— с непонятной ласково-язвительной интонацией отве-

тил Тотлант и встал. Накрыв мои ноги чистой льняной тряпкой, потом тщательно укутал меня в одеяло из овчины. — У тебя много друзей, Дана Эрде, гораздо больше, чем ты думаешь. Поэтому ты просто обязана выжить, дабы мы не прозябали в разочаровании и могли снова вытаскивать тебя из бед. Поняла? — и, обернувшись к кому-то невидимому, маг велел: — Несите ее в фургон.

Кушетку ухватили с двух сторон за выгнутые ножки и потащили в обход двора, слегка покачивая. Тотлант шел сбоку, продолжая говорить:

— Вас ищут повсюду, но ворота города еще не закрыты. Выберетесь из Бельверуса и поедете в безопасное место. Никто вас не найдет. Отлежишься и сообразишь, как быть дальше.

— «Вас» — это кого? — начавшим заплетаться языком спросила я. Перед глазами кружились расплывающиеся цветные пятна. Зелье оказалось слишком крепким и я не дождалась ответа.

*Окрестности хутора Боцен, Немедия.
12 день Третьей весенней луны.*

Разбудил меня плеск воды. Вернее, я просыпалась и раньше, всякий раз обнаруживая рядом кого-то, приносившего мне воды, кормившего и ухаживавшего за гибнувшей в огне своих видений Даной Эрде. Мне снилась Замковая площадь, я сама на костре, только во снах пламя успевало разгореться, охватывая меня и превращая в дергавшийся обугленный силуэт. Я видела

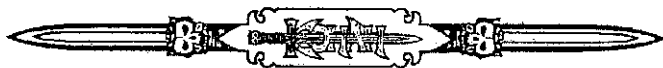
Каримэнон — он покрывался множеством углубляющихся трещин, разламывался на части и становился пылью. Мой пепел и его прах смешивались вместе, чтобы лечь серой легкой горсткой в чью-то ладонь, а с нее перетечь сухой струйкой в землю.

И, словно доказывая неопоримость жизни, из земли проклевывался росток. Когда он вытянулся и раскрылся, оказавшись небольшой алой розой, я вдруг пришла в себя — без пребывания в полусне, просто открыла глаза, увидела над собой темный от старости потолок и услышала бульканье текущей воды.

У меня почти не осталось сил, я представления не имела, где нахожусь и хотела есть, но я верила, что не сошла с ума и намерена жить дальше. Жить с твердым знанием о том, какие проступки и ради чего совершила.

Журчание воды доносилось из распахнутого окна с покосившимися рамами. Близкий ручей или речка? Сама я лежала в углу пустой маленькой комнаты на подстилке из толстых ковров и шкур. Откуда-то тянуло кисловатым запахом овечьей шерсти. Вернее, этим своеобразным ароматом пропахла вся комната.

Я пошевелилась, выбираясь из-под кучи наваленных сверху пледов. Выяснила, что на меня нацепили потрепанную, но чистую рубашку, которая мне изрядно велика. Осмотрела ноги — ожоги почти зажили. Подобрала один из пледов, завернулась в него и побрела к двери, заново знакомиться с миром.

За дверью тянулся темный коридор, выведший меня на подгнившее от старости крыльцо. Мое новое жилище напоминало захолустный деревенский дом не первой молодости, выстроенный на берегу широкого, быстрого ручейка. За ручьем тянулся подернутый зеленоватой дымкой первой листвы буковый лесок, и такие же старые буки окружали хижину.

Осторожно спустившись с крыльца, я, прихрамывая, заковыляла к ручью. Едва не поскользнулась на гладких камнях, дотянулась до воды, плеснула в лицо и вволю напилась. Речка бежала куда-то, я сидела, бездумно глаза на струящиеся водоросли, и не сразу поняла, что меня окликают. Плед давно свалился, наполовину утонув в воде.

— Дана! Дана, ты что там делаешь?

Появившийся на берегу человек укоризненно покачал головой, подошел ко мне, бесперемонно сгреб в охапку и потащил в обход дома. Оказалось, что с другой стороны устроен навес, под ним спрятан выложенный камнями круглый очаг, а над очагом висит закопченный котелок, исходящий таким запахом, что мой желудок громко и требовательно заурчал. Неподалеку паслись ширококостный жеребец пепельной масти и рыжая кобылка офирской породы. Увидев нас, лошади вскинули головы и настороженно задвигали ушами.

— Она сбежала,— объяснил животным человек, усаживая меня на поваленном бревне. Отвернулся, деловито загремел оловянными миска-

ми и вручил мне дымящуюся тарелку.— Ешь, только не торопись. Вопросы и ответы — после еды.

Я послушно заработала деревянной ложкой, украдкой разглядывая присевшего напротив незнакомца. Он точно также вопросительно косился на меня.

Надо полагать, это и есть мой спаситель. Смутное воспоминание утверждало, будто я уже встречалась с этим человеком, но когда, где, при каких обстоятельствах? Может, он — из уцелевших мятежников? Или бывший конфидент моего отца? Или?.. Должна ли я его опасаться? Впрочем, если ему требовалась моя смерть, то зачем спасать меня и выхаживать? А может, он рассчитывает отыскать с моей помощью Талисман?

Так ничего и не решив, я вернулась к еде и изучающим взглядам.

Этому типу, должно быть, около тридцати лет. Высокого роста (мне нужно задрать голову, чтобы докричаться и обратить на себя внимание), хорошего сложения, но выглядит не ходячим скопищем мускулов, а переплетением постоянно настороженных жил — как лучная тетива. Худощавое скуластое лицо, из тех, что зовутся «грубовато-красивыми». По происхождению, должно быть, аквилонец с сильнейшей примесью крови варваров Полуночи. Иначе откуда такая роскошная грива черных до блестящей синевы волос, заслоняющих всю правую часть лица? Ему что, нравится смотреть на мир одним гла-

зом — любопытствующим зрачком галечно-серого цвета?

В целом же неизвестный производил вполне благоприятное впечатление. Трудно не испытывать признательность к человеку, вытащившему тебя в самом буквальном смысле из огня. Отец всегда повторял: «Не забывай благодарить тех, кто помогал тебе — вдруг пригодится?».

Опустошив тарелку, я поставила ее на торчавший из земли плоский камень, откашлялась и церемонно произнесла:

— Спасибо. Полагаю, я обязана вашей неизвестной милости не только сегодняшним обедом, но и жизнью. Также полагаю, что ты знаешь мое имя, происхождение, историю и печальные события, предшествовавшие нынешним мирным посиделкам у костра. На всякий случай уточняю: я — Долиана Эрде, дочь покойного герцога Морадина Эрде и Ринги Эрде, ныне лишенная титула, состояния и фамильных владений, предводительница разгромленного дворянского мятежа против Тараска Эльсдорфа. Думаю, что люди короля ищут меня по всем дорогам, так что я — не самая лучшая компания. Теперь я хотела бы узнать... — я подумала и старательно перечислила: — Как называется место, где мы находимся? Давно ли мы здесь? Кто ты такой и почему решил принять участие в моей судьбе? Ты служишь кому-нибудь из моих знакомых? Что происходило в Немедии после битвы у Демсварта? У тебя есть какие-нибудь планы относительно моей дальнейшей участи? Какое отношение к мо-

ему освобождению имеет Тотлант, маг из Пограничья? И... — я запнулась, но все же решила добавить: — Стало что-нибудь известно о потерявшемся Талисмане, Алом Камне?

— Отвечаю по порядку, — мой собеседник еле слышно хмыкнул и махнул рукой в сторону старого дома: — Это — красильня, принадлежащая почтенному семейству Флах...

Красильня. Теперь понятно, почему комнаты пропахли овечьей шерстью. Весной мастерская пустует — овец будут стричь осенью.

— В полулиге вверх по течению стоит хутор Боцен, довольно уединенное и малолюдное поселение в стороне от больших дорог. Хутор расположен к полудню от Бельверуса, до столицы — около десяти лиг, — обстоятельно и не спеша рассказывал незнакомец. Я снова подумала, что уже слышала похожий голос: низкий, с заметным металлическим отзвуком и легко узнаваемым рокочущим акцентом Полуденного Побережья. — Сегодня двенадцатый день Третьей весенней луны, с твоего шумного исчезновения из Бельверуса прошло почти два дня и ночи. Я ждал, когда ты начнешь поправляться. Кстати, мы отчасти знакомы.

Он быстрым жестом отвел в сторону падающие на лицо смоляные пряди.

Я несколько раз беззвучно открыла и закрыла рот. Попыталась встать, шлепнулась обратно. В горле неприятно пересохло, и я пожалела, что под рукой нет никакого оружия. Хотя сейчас предпочтительна защита не сталью, а магией.

Среди моих знакомых только один мог похвалиться физиономией, смахивающей на ночной кошмар — половина живая, половина мертвая, обожженная прикосновением жадных языков огня. Только в день нашей первой и последней встречи этот человек был на добрых пятнадцать-двадцать лет старше!

— Элар,— выговорила я и совершенно бесвязно залепетала: — Как?.. Откуда?..

Рабирийский маг с откровенной издевкой любовался моими мучениями. Когда я выдохлась и умолкла, он с ядовитой вежливостью осведомился:

— Можно продолжать?

Я уныло кивнула.

— Мне показалось, что тебе проще беседовать с человеком, не слишком отличающимся по возрасту,— чуточку виновато объяснил Элар, дотронувшись кончиками пальцев до левой, нормальной половины лица.— Это иллюзия, личина. Если тебе привычнее...

— Нет,— быстро сказала я.— Так... Так гораздо лучше.

— Ладно,— он, кажется, слегка обрадовался.— Теперь что касается твоего освобождения. Замысел принадлежал Ее величеству Чабеле Зингарской, исполнение — людям, заинтересованным в том, чтобы ты осталась в живых. Мы придумали кое-что, способное отвлечь стражу и народ на площади. Это «кое-что» надлежало обеспечить Тотланту и его молодым приятелям из Пограничья, и они безукоризненно справились. Ваши с

Ольтеном мятеж подавлен. Королем Немедии, как ты наверняка догадалась, стал Тараск, и, разумеется, он крайне недоволен твоей пропажей. Твоя дальнейшая судьба целиком и полностью зависит от твоего решения, но я могу предложить на выбор целых три возможности.

— Каких? — растерялась я. Услышанное изрядно потрясло меня. Чабела пыталась меня спасти? И, кроме Чабелы, в этом заговоре участвовали Тотлант и оборотни из Пограничья, не считая самого Элара... Зачем? Почему эти совершенно незнакомые люди приняли участие в нескладной судьбе наследницы покойного Мораддина Эрде?

— Ты можешь отправиться в Аквилонию. Ее правитель с радостью предоставит тебе, как дочери стародавнего друга, укрытие и защиту, которой уже пользуется твой приятель, Ольтен Эльсдорф.

— Ольтен жив?! — сдавленно пискнула я.

— Вкупе с частью сообщников по Рокоду,— подтвердил Элар.— Конан пытался спасти и тебя, но его отряду не удалось пробиться сквозь устроенный по милости одной вздорной юной особы магический кавардак на поле битвы.

Меня внезапно заинтересовала горевшая в очаге коряга.

— Второй путь — в Лан-Гэллом...

— Куда?! — мой голос во второй раз уподобился вою кошки с прищемленным дверью хвостом. Лан-Гэлломом, как я разузнала, звалось поселение темных альбов подле давно разрушен-

ной и ушедшей под воду крепости Черного Роты-Всадника.

— В Рабиры,— спокойно ответил маг.— Твои сородичи в память о прошлом дали это имя своему городу в холмах над Хоротом. Думаю, отец твоей матери будет доволен, узнав, что внушка возвращается на родину предков. Зато на скорое возвращение сына он может не рассчитывать — Рейе неплохо чувствует себя в обществе великолепной Чабелы.

— Рейе? — обескуражено переспросила я.— Его же убили! Я сама видела!

Эллар не счел нужным отвечать на мои истерические причитания. Сказав что-либо, он не намеревался вдаваться в долгие разъяснения и доказывать истинность своих слов. Значит, Рейенир Морадо да Кадена в самом деле уцелел, чему я могла только порадоваться.

— И, наконец, мы могли бы отправиться в Демсварт.

— Зачем? — удивилась я.

— Искать Каримэнон, разумеется. Ты хоть поняла, что натворила?

— Я плохо помню битву,— призналась я.— Мне сказали, что ксальтотун перевернул всю равнину и не нашел Талисмана. Кто-то украл его, пока я валялась в обмороке.

— Ты заклала Камень ценой собственной крови и навсегда привязала к себе,— строго и внушительно проговорил Рабириец.— Отныне ты и Каримэнон — часть единого целого. Никто, кроме тебя, не сумеет им воспользоваться, а если

попытается, последствия могут быть самыми ужасными. Каримэнон же тоскует по тебе, и его тоска способна обернуться не лучшими временами для людей. Или ты опять мне не веришь?

— Верю,— грустно сказала я чистойшую правду. Я знала, что Эллар меня не обманывает, однако не хотела, боялась возвращаться в Демсварт! — Верю, но хотела бы знать — откуда тебе столько известно?

— Я был на равнине,— дернул плечом маг.— Можешь гордиться, тебе удалось изрядно пошатнуть Равновесие мира. Весы сейчас раскачиваются, и их нужно остановить.

В моей голове громыхали спятившие колокола, мешавшие думать. Я стиснула ладонями виски, это не помогло. Я должна попытаться исправить совершенные ошибки, но представления не имею, с чего начать! Все так перепуталось...

Эллар покосился на меня из-за черных прядей, но особого сочувствия в серо-стальном зрачке не замечалось. Скорее, его взгляд выражал открытое порицание моих необдуманных действий.

Когда он заговорил, голос его прозвучал невозмутимо и чуточку укоризненно:

— У тебя есть прирожденный талант и способности, ты можешь стать хорошей волшебницей, но тебе нужно учиться. Иначе ты превратишься в опаснейшее создание, на которое откроют охоту твои же бывшие друзья и сторонники. Вдобавок ты обладаешь Камнем, делающим тебя почти непобедимой. Ты бы с легко-

стью одолела ксальтотуна, будь твоих познания о законах магии слегка обширнее.

— В наставники, надо полагать, ты предлагаешь себя? — заинтересованно уточнила я.

— Если ты согласна. Бесплезно обучать кого-то против его воли, в этом я уже убедился, — он быстро, почти незаметно для глаза улыбнулся.

— Нам придется заключить какой-нибудь договор? — моя судьба готовилась к очередному неожиданному повороту, и я не видела причин сопротивляться ее решению. — Как мастеру и новому подмастерью?

— Пока нет, — Эллар встал, поднял меня на ноги и подтолкнул в сторону дома. — Иди поспи. У тебя еще есть время хорошенько подумать. Может быть, ты решишь отложить начало обучения на какой-нибудь срок, скажем, на год или два. Я подожду, только помни, что Каримэнон обладает не слишком большим запасом терпения. Его нужно найти, и найти как можно скорее.

— Ты мне расскажешь, откуда он взялся? — попросила я. — И поедешь со мной в Демсварт, даже если я не захочу становиться магичкой?

— Поеду, — коротко кивнул маг. — В Демсварт и дальше, куда поведет след.

— Но почему? — я искренне недоумевала, пытаюсь найти разумное объяснение поступкам Эллара. Неужели ему настолько важно заполучить меня в ученицы? Быть того не может, чтобы в огромном мире не сыскалось более достой-

ной личности, чем Дана Эрде, шестнадцати лет от роду, неудачливая мятежница, по следам которой денно и нощно рыщут лучшие ищейки королевства?

— Почему? — Рабириец отвернулся, пристально разглядывая весенний лес за ручьем, и нехотя, словно преодолевая себя, пробормотал: — Наверное, потому что люблю тебя.

В кои веки я совершила разумный поступок: прикусила язык и промолчала.

Глава четвертая

Записки Долианы,
герцогини Эрде-младшей — II

«Песня серебряных струн»

Окрестности хутора Боцен, Немедия.
15 день Третьей весенней луны.

а старой красильне мы прожили еще три дня. Эллар считал, что я недостаточно окрепла для долгого пути. Вдобавок я училась быть другим человеком. На время путешествия по землям Немедии Долиане Эрде предстояло исчезнуть, заместившись некоей иной личностью.

Мы не знали, куда нам предстоит отправиться и сколько времени займут поиски, однако предположили, что Камень наверняка увезен как можно дальше от Демсварта. Порой мне казалось, будто я начинаю слышать отголосок Зова Каримэнона — тихий, похожий на еле различимый звон. Он долетал откуда-то с полуночного

восхода. Скорее всего, утверждал Эллар, с места побоища под Демсвартом, и вряд ли этот призрачный звук можно считать истинным Зовом. Так звучит магическое эхо заклинаний, брошенных над приречной равниной. Настоящий Зов и подлинный след Талисмана должны отыскаться в окрестностях полуразрушенной крепости, куда мы отправимся, как только я смогу уверенно держаться в седле и перестану смахивать на бриху, сиречь ожившую покойницу.

Минувшие дни заслуживали названия не самых худших. За две последние луны на мою долю выпало испытаний и головокружительных перемен больше, чем за шестнадцать прожитых лет. Настоятельно требовалось посидеть и хорошенько все обдумать.

Меньше всего я предполагала оказаться сначала в роли преследуемого отпрыска опального семейства, побывать предводительницей Рокода и едва не казненной мятежницей, чтобы затем внезапно очнуться в звании ученицы мрачного и нелюдимого волшебника из Рабирийских гор.

Положение безмерно осложнилось тем, что Эллара угораздило в меня влюбиться. В меня!! Иштар Драгоценнейшая и Милосердная!!! Я совершенно не представляла, как быть. При его замкнутости, своеобразной внешности и окружавшем его ореоле загадочности, Рабириец был именно тем героем, что способен безошибочно поразить неискушенное девичье воображение. Имей он желание, ему бы не составило труда

уподобить растерявшуюся Дану Эрде спелому яблочку, которое само падает в руки.

А он словно позабыл о вырвавшихся по неосторожности словах. Я почла за лучшее не напоминать. Нашлось множество иных предметов для обсуждения и споров. Например, мои способности к магии и сомнительные успехи в искусстве владения оружием, будущее Немедии и участь наших знакомых, стоит ли опасаться враждебных действий со стороны ксальтотуна, наткнулся кто-нибудь из людей Тараска на наш след или нет, история народа рабирийских гулей, происхождение Алого Камня и судьба его творца, 'Роты-Всадника... Я вдруг обнаружила, что с Элларом удивительно легко. Легко и интересно. Такого состояния я еще не испытывала. Отец заботился о том, чтобы я никогда и ни в чем не нуждалась, становясь благовоспитанной юной дамой из хорошего семейства, Ольтен и его окружение уважали и немного побаивались, Рабириец относился как к равной себе. Подозреваю, что скоро начну из шкуры вон лезть, лишь бы оправдать подобную высокую оценку.

Еще я ощущала вину перед теми, кто вольно или невольно оказался втянут в кружащийся вокруг меня вихрь заговоров, подозрений и обмана — перед королевой Чабелой, Конаном из Аквилонии, дядюшкой Рейе, Тотлантом и прочими. Я решила, прежде чем кидаться в новую авантюру с поисками Камня, попытаться объяснить свои поступки и рассказать обо том, что мне известно. Дневник, который я вела от случая к слу-

чаю, пропал в Демсварте, так что предстояло создать его краткий пересказ.

Эллар мой замысел одобрил, пожертвовав десяток извлеченных из своих запасов листов пергамента и посоветовав отправить записки какому-нибудь стороннему лицу, которое могло бы переправить их дальше, подлинному адресату. Поколебавшись, я нашла выход: письмо уедет в Тарантию, к давнишним знакомым отца. Внутри послания я вложу еще один конверт, предназначенный для Халька Юсдаля, королевского библиотекаря и летописца. Я видела этого человека на печальной памяти вечере в нашем с Ольте-ном лагере, и на переговорах в Демсварте. Он показался мне разумным и опытным в сложных придворных делах. Через посредство барона Юсдаля мое письмо, несомненно, станет известно королю Аквилонии и тем, кого интересуют подробности, касающиеся нового правителя Трона Дракона...

На составление длинного, подробного послания у меня ушло ровно четыре дня. Каждое утро я доставала пергамент с чернильницей, усаживалась под навесом и принималась за работу. Эллар либо отправлялся в деревню, за припасами для нас, либо исчезал где-то в лесу. Я писала, пока руку не сводило судорогой и стараясь не забыть ни единой подробности.

Завершив тяжкий труд, я сложила листки аккуратной пачкой и нерешительно вручила Рабирийцу. Очень хотелось знать, как он оценит мои старания.

— Твой отец мог бы гордиться — он воспитал достойную преемницу, — уверенно заявил Эллар, покончив с чтением. — В тайной службе твои доклады считались бы образцовыми.

— Мой отец сейчас сказал бы, что я связалась с неподходящей компанией и переоценила свои скромные возможности, — буркнула я, старательно отводя глаза, чтобы не выдать, настолько польщена. Мораддин Эрде в самом деле признавал, что из меня получился бы неплохой конфидент Вертрауэна. Лазутчицей мне стать, видимо, не судьба, однако сопоставлять и делать выводы я, кажется, научилась.

— В чем ты перестаралась, так в количестве обвинений, которые стремишься взвалить на себя, — возразил мой диковинный друг. — Многие происходили помимо твоей воли, из-за желаний Камня...

— Если мне понадобится защитник на суде, обращусь в гильдию законников, — я выхватила письмо и принялась старательно его запечатывать.

Изучение моего послания и воспоминания о битве при Демсварте привели Эллара в состояние легкой грусти. Во всяком случае, он наведаясь в дом и возвратился, принеся с собой вещь, вид которой вызывал у меня жгучую зависть и легкое недоумение.

В моем представлении не укладывалось, как можно быть волшебником, способным одолеть ксальтотуна, мага высшего посвящения, управляться с мечом не хуже опытного наемника, и

при этом возить с собой дорогую виолу старинной работы из вишневого дерева с серебряными струнами? Эллар утверждал, будто некоторые заклинания должны произноситься только в определенном ритме, задаваемом звучанием какого-либо инструмента, но я подозреваю, что ему просто нравилась музыка. Вдобавок он умел сочинять мрачноватые баллады и, если удавалось его уговорить, соглашался спеть.

— Подарок от старого друга, — как-то обмолвился он на мои осторожные расспросы о происхождении виолы. — Случалось, я зарабатывал ею на жизнь.

Недоверчиво хмыкнув, я выразительно покосилась на внушительного вида двуручник с гардой в виде полумесяца, мирно покачивавшийся на ржавом крюке.

— Одно другому не мешает, — без труда понял намек Эллар. — Порой слово оказывается куда сильнее и опаснее меча. Тебе ли этого не знать? В следующий раз, вознамерившись разрушить мир, не забудь предупредить его обитателей.

Я состроила виноватую физиономию и подкинула в огонь костра новое полено. Вечерело, над ручьем плыли сероватые обрывки тумана, окрестный лес становился загадочным хитросплетением стволов и ветвей, напоминающих рисунок, сделанный расплывающейся тушью на мокром листе. Самое подходящее время для страшных историй, трогательных кансон о давних временах или разговоров по душам.

Виолой мы пользовались по очереди, устраивая нечто вроде состязания. Жалкие попытки сослаться на отсутствие голоса успеха не достигли, иначе я бы с величайшим удовольствием оставалась безмолвной слушательницей.

Ветер-погонщик давних видений
Пляшет на древних медных кострах;
Новое эхо прежних сражений
Бродит на хрупких желтых листьях
Словно вино, и закатная память
Пенится песней на жадных губах.
Дальних скитаний гремучая камедь
Слышится в горьких полынных ветрах...

Мне нравился придуманный Элларом образ — ветер, летящий сквозь тысячелетия и эпохи. Ветер-память, ветер-воспоминание...

Мы все рождены на этом ветру,
И каждый его порыв
Звучит на арфе души твоей
На тысячи голосов...
Как слышит волк луну, как сестру,
В туманной тоске ночей —
Выходим на тысячелетний обрыв
Прошлого слушать зов...

Нынешней ночью луна шла на убыль. Желтоватый осколок качался в темном небе, пробираясь среди редких серых облаков и отражаясь в бегущей воде ручья. Станный выдался вечер, наполненный смутными предчувствиями и недоумками, и потому ответная мелодия, пришедшая на ум, казалась весьма подходящей. Я слы-

шала ее давным-давно, в Ианте Офирской, от певицы, жившей при храме Иштар. Услышала и забыла, а сегодня вдруг вспомнила.

Я знаю магию чисел,
Я знаю магию слов.
Я знаю, как вызвать любовь мыслью
И как заговорить кровь.
Я знаю, что было, что будет и что есть,
Но ничего из того не хочу изменить.
Мои ноги в земле, голова в небесах,
А тело — здесь, растянулось в нить.
Поиграй на этой струне,
Узнай что-нибудь обо мне...
Я знаю, о чем говорит гранит,
О чем толкует топот копыт,
Как олово лить, как молоко кипятить,
Я знаю, во мне снова Слово горит.
Я знаю, как выглядит звук,
Что делает с миром движение рук,
Кто кому враг и кто кому друг,
Куда выстрелит согнутый лук.
Поиграй на его струне,
Узнай что-нибудь обо мне...

На последнем аккорде я сбилась, дернув тонко зазвеневшую струну и испугавшись, что порву ее. Эллар смотрел на меня поверх догорающего пламени, и сначала я испугалась его пристального взгляда, не в силах понять, что в нем кроется. Изумление? Оторопь? Узнавание? Или нечто другое, мне пока неизвестное, однако манящее к себе?

Рабириец внезапно поднялся на ноги. Я встрепенулась, думая, что он услышал подозритель-

ные шорохи в лесу, и торопливо отложила виолу. Не хватало еще, чтобы драгоценный инструмент оказался поблизости от костра и покоробился.

Эллару понадобилось два стремительных шага, чтобы обогнуть кострище. Медлительным, угловатым движением он опустился на колени перед бревном, где сидела я. Теперь мы стали одного роста, и он по-прежнему молча глядел на струхнувшую Дану сквозь завесу черных прядей.

Клянусь, я отчетливо расслышала в тишине ироничный короткий смешок, могущий принадлежать только моей матери! Догадываюсь, какой совет многоопытная Ринга Эрде дала бы оробевшей дочурке: «Глупо и недостойно отказывать тому, кто сам идет тебе навстречу. Рано или поздно Дана-девочке придется уступить место Долиане-женщине. Пользуйся удачным случаем...»

Я осторожно протянула руку, коснувшись жестких темных волос Эллара. Провела пальцем по выступающей скуле, ощутив шероховатость обветренной кожи. Он удержал мою ладонь, склонив голову набок, и тогда я поступила неожиданно для самой себя — подалась вперед, обняв Рабирийца. Он почему-то вздрогнул, глубоко и судорожно втянув воздух, и зарылся лицом в мою изрядно растрепавшуюся, пропахшую дымом и нуждавшуюся в мытье шевелюру.

Мысленно прокляв свою неуклюжесть и трусость, я извернулась, ткнувшись губами куда-то в краешек его рта. Поцелуй вышел нескладный

и быстрый, однако я самоуверенно рискнула испытать судьбу. Эллар справился со своим внезапным оцепенением, и новая попытка вышла более удачной, а от следующих даже слегка закружилась голова и качнуло в сторону.

Я попыталась встать, опираясь на плечо моего друга. Ноги решительно отказывались меня поддерживать. Недоуменно хихикнув, я обнаружила, что полулежу на земле, вернее, на расстеленном плаще рабирийского мага. Когда он успел озаботиться? Где мой колет? Почему холодно и одновременно жарко? Чьи-то ладони мягко и уверенно касаются меня, комкают рубашу, пальцы расстегивают пряжку пояса на штанах и стягивают их. Твердая холодная кожа скользит по ногам — вниз, вниз... Кажется, на мне — или на нас обоих? — не осталось больше ничего из одежды. Шершавое сукно плаща под лопатками и узловатая лесная почва. Сухие, горячие губы внимательно изучают мое лицо, и так странно ощущать чужое быстрое дыхание, угадывая в нем собственное имя, произнесенное еле слышным шепотом.

Мечущиеся отблески пламени выхватывают из темноты короткие образы, и, чуть повернув голову, я замечаю две сплетенные воедино руки, мужская поверх тонкой женской. Ах да, это же моя рука. Поблескивает кольцо на пальце, золотое с агатовой печаткой. Может, это сон? Тогда я не хочу просыпаться. Пусть длится бесконечная ночь, пусть горит костер на берегу ручья, возле которого двое принадлежат друг другу, пусть

раздастся множество глупостей, ибо среди грядущих ночей вторая такая не повторится...

Кто-то впервые сыграл на моей струне, узнав обо мне нечто новое.

— Я очень тебя люблю,— неуверенно, словно пробуя на вкус незнакомое вино, выговариваю я. Да, пожалуй, эти слова соответствуют истине. Элар молчит. Я знаю, что он меня слышит, но у него не хватает сил ответить. Я смотрю на запрокинутое лицо — лицо без уродливых шрамов, освещенное догорающими углями костра, на рассыпавшиеся черные волосы и свободно раскинутые руки, только что открывшие мне новый мир. Выходит, когда Рабириец делит ложе с женщиной, целиком занимающей его внимание, жуткий ожог исчезает? Временно? Неужели навсегда?

Сквозь опущенные ресницы блестит серый лед, и, когда я целую эти глаза, они открываются. Пару ударов сердца я вижу Элара молодым, подлинным, а затем все безжалостно возвращается: красно-лиловая паутина стремительно оплетает правую часть лица, ядовитыми змейками расползается по плечу... Элар жмурится и поспешно отворачивается. Впрочем, отныне я способна принимать своего мужчину таким, каков он есть, и мне глубоко наплевать, один у него глаз или два. Я ведь до сих пор не рискнула спросить, кто и почему лишил Элара его облика.

— Именем Богини да правит миром любовь,— повторила я затверженный с детства канон веры

последователей Иштар, добавив к нему свое завершение: — Мы же создаем этот мир. Имей в виду, ты нравишься мне именно со своей собственной половинчатой физиономией. Возможно, у меня дурной вкус. Будь человеком, скажи бедной совращенной девушке что-нибудь приятное!

Мой друг уселся, опарашено потряс головой, огляделся по сторонам, уставился на меня, словно в первый раз увидел, и хрипловато произнес короткую, мелодичную фразу на языке, отчасти напомнившем мне гульское наречие:

— Кэр'шами о айлэ-онни...

— Что?

— Сердце мое на ладонях твоих,— с еле заметным смешком перевел Элар, все также удивленно разглядывая меня, словно веря и не веря тому, что произошло между нами.— Как ты?

— Даны Эрде больше нет,— я поерзала, устраиваясь поудобнее и натягивая на себя край плаща. Внезапный приступ болтливости заставлял меня нести жизнерадостную чепуху: — Выбейте на моем надгробии: «Она умерла счастливой». Если таков ритуал принятия в ученицы к знаменитому магу, то я согласна проходить через него каждый день. Точнее, каждую ночь. Мне нечего больше желать, ты лучше всех — правда, мне пока не с кем сравнивать — и, ежели мы не замерзнем к утру, я отныне и навсегда к твоим услугам...

— Можно перебраться в дом, там теплее,— здраво предложил Рабириец.

— Я не встану!

Вместо ответа меня завернули в плащ, без труда вскинули на руки и понесли к старой красильне, темневшей в отдалении. Не знаю, изменился ли мир, но что-то в моей душе точно изменилось. Наверное, той ночью я выздоровела окончательно, не обрета покоя, но найдя опору.

*Карпашские горы, неподалеку
от границы Заморийского протектората.
Около первого послепопуденного колокола
20 дня Третьей весенней луны.*

Заблудились мы через день по выезде из Дарема, последнего городка с Коринфской стороны Карпашских гор. Заблудились совершенно нелепо. Обычные люди поехали бы по Дороге Королей, с тем, чтобы перевалить горы и благополучно добраться в лежащий на другой стороне невысокой горной цепи Шадизар. Мы же невольно вызвали подозрение порубежной стражи Коринфского протектората, а потом я еще умудрилась потерять След! След, с поразительной точностью проводивший нас от развалин Демсварта через Немедию и Коринфию, покрутившийся по трем с половиной улицам захолустного Дарема и растаявший в паре лиг за городом. Слева торчали горы, справа горы, впереди и позади — тоже, а я пребывала в душевном расстройстве.

Наши замыслы на удивление гладко приводились в исполнение. На равнине Демсварта мы без труда отыскивали злоеший Провал, покружи-

ли рядом и я с удивившей меня легкостью «встала на След» Талисмана. Возможно, уроки Эллара по началам магии не прошли даром. Ощущение — будто я обрела собачье чутье и теперь преследую добычу, пробежавшую в этих краях два-три дня назад. Вдобавок теперь я отчетливо слышала тонкий перезвон, испускаемый Каримэноном. Он находился далеко от меня, двигаясь в направлении Восхода и слегка к Полудню. Человек, завладевший Камнем, старательно избегал людных мест, не заглядывал в города, пользовался проселочными дорогами и очень торопился.

Мы уверенно шли за ним. До Дарема и этой ничем не примечательной лощинки. Тут След начал петлять и в конце концов растворился. Улетучился! Исчез!

— Так не бывает, — оскорбленно заявила я, когда мы в третий раз объехали узкую долину по кругу, окончательно потеряв нужное направление. — Или придется предположить, что Камень положили на наковальню и шарахнули сверху молотом. Но тогда, если верить твоему утверждению о нашей взаимосвязи, моя голова тоже должна разлететься вдребезги! Куда он делся? Каримэнон, душа моя, отзовись! Где ты?

— Может, его в самом деле потеряли? — без особой надежды предположил Эллар. — Или Камень находится под землей, поэтому ты его не слышишь.

— Вернуться в Дарем, купить лопаты и перекопать округу к зеленой демоновой бабушке, —

уныло сказала я, оглядываясь.— Он был здесь! Чем угодно клянусь, хоть Изначальной Тьмой, хоть Немеркнущим Светом, но Камень провозили через эти края!

— Это случилось более десяти дней назад,— в чем моему приятелю не откажешь, так в здравомыслии. Там, где я начинаю рвать и метать, он задумывается и, как правило, находит подходящее решение.— Возможно, в этой долине с владельцем Камня что-то произошло. Или поблизости есть какое-нибудь месторождение. Руда и жилы тоже звучат, заглушая голос Камня. Нужно выбраться на открытое место и послушать там.

— Хорошая мысль, только где оно, открытое место? — я завертела головой.— Где хотя бы Полночь, где Полдень?

— Полночь там,— уверенно заявил Эллар, махнув рукой в сторону света, ничем не отличающуюся от любой другой.— Мы едем на Восход.

— Следую за тобой, мудрый наставник,— я равнодушно пожала плечами. Из нас двоих настоящий чародей — Рабириец, а я только невежественная ученица. Мое невежество, как выяснилось, не имело границ. Удивительно, как я и окружавшие меня люди вообще уцелели, не лишившись рассудка и не обернувшись послушными рабами Камня. Или?.. Вдруг мое безумие передавалось другим — Ольтену, Крейну, Ретте?..

На подобные темы я себе думать запретила, но мыслям-то рот не заткнешь.

Эллар остановил коня и подождал, пока моя старательно пыхтевшая кобылка не поравняется с ним. Нерадивой воспитаннице предстояла выволочка, которую она вполне заслуживала.

— Долиана, в чем дело? — строго осведомился маг.— С той поры, как мы выехали из Дарема, ты только хандришь и огрызаешься.

— Произошла ошибка,— неохотно буркнула я.— Не знаю, какая. То ли рядом промелькнул тип, которого я должна была непременно узнать, то ли просто чую неладное. Мне постоянно кажется, что за нами следят. Или я по скудому началу пугаться теней? А теперь еще След потерялся...

— Он не потерялся,— Эллар успокаивающе дотронулся до моего плеча.— Скорее, потерялись мы. Не беда. Постарайся сосредоточиться, а дорогу я как-нибудь найду.

Дорога и в самом деле отыскалась. Вернее, не дорога, узкая тропинка, однако вытоптанная так, что становилось ясно — ею достаточно часто пользовались. Она наверняка вела в близлежащий поселок, и, сойдясь на этой радостной мысли, мы — два всадника и заводная лошадь — бодро двинулись в неизвестность.

В Карпашских горах царила поздняя весна с полагающимся разнотравьем, цветами-ручейками-пташками, дикими сливами в белых лепестках и истошными воплями дерущихся горных котов по ночам. Самое подходящее время года, чтобы потерять голову. Именно это с нами и происходило.

В глазах прочих людей мы, должно быть, смахивали на пару безнадежно влюбленных глупцов, не замечающих ничего вокруг.

Тропинка отважно взобралась на некий безымянный перевал, я замечталась и отстала, предоставив Эллари возможность любоваться живописными окрестностями и ждать, пока я его догоню.

Впрочем, нет. Мой приятель отнюдь не созерцал далекие горные хребты в голубоватой дымке. Он пристально разглядывал нечто, лежащее впереди и слева от дороги. Когда я подъехала, нарочито громко покрикивая на лошадь, Рабириец не обернулся, и выражение лица у него было средним между возмущенным и донельзя озадаченным.

— Посмотри! — не выговорил, яростно прошипел он, указывая куда-то вниз. Я взглянула, заранее готовясь к худшему — либо шайка изготовившихся к нападению на двух мирных путников грабителей, либо ксальтотун, счастливо помахивающий обретенным Талисманом.

Утоптанная дорожка ныряла в крохотную долину, зажатую между угрюмого вида скалистых отрогов. Я сначала не поняла, что именно вижу, сочтя загадочную колышущуюся поверхность, занимавшую дно долины, маленьким озером. Потом пригляделась и сообразила — это растения. Какие-то цветы необычно темного, почти черного оттенка. Надо же, сколько их...

— Цветы, — недоуменно заявила я. — Тюльпаны, что ли? Разве бывают черные тюльпаны?

— Это маки, — ледяным голосом известил меня Эллар.

— Хорошо, пусть маки, тебе виднее, — послушно согласилась я. — Изумительное зрелище, не спорю. Можно ехать дальше или ты хочешь устроить привал?

— Я хочу кого-нибудь убить, — отчеканил всегда такой миролюбивый и стремящийся к разрешению трудностей разумным путем месьор волшебник из Рабиров. Словно позабыв о моем существовании, он направил коня в заросшую необычными цветами лощину. Я осталась на дороге, искренне недоумевая и теряясь в догадках, чем Эллари досадили совершенно невинные порождения игры природы? Рабириец, конечно, человек со странностями, только при чем здесь маки?

Мой непостижимый приятель спустился вниз, спрыгнул с седла и зашагал вдоль кромки поля, иногда останавливаясь и — к моему вящему изумлению — явно пытаясь вступить в беседу с растениями, качающимися под ветром. Учиться мне и учиться, дабы проникнуться всеми тайнами магического ремесла. Может, любой маломальски соображающий колдун при виде долины черных маков обязан впасть в экстаз? Или совершить жертвоприношение? Или грохнуться на колени, посыпая голову дорожной пылью?

— И походил он на безумных пророков, что непризнанными бродят меж людьми, — отчетливо произнес позади меня скорбный, трагически подвывающий голос. — Ведь чуяло сердце: ко-

гда-нибудь бедолага Хасти наткнется на сей маленький цветник и проистекут из того горести премногие...

Я оглянулась. Не торопясь, как учили отец, Вестри и собственный опыт. Одновременно на всякий случай припомнила недавно освоенное заклятие, позволяющее отвести глаза.

Шагах в двух от меня стоял и чрезвычайно огорченно глядел вниз, в ложбину с удивительными растениями, некий достойный представитель рода человеческого. В летах, которые принято называть «почтенными», то есть проживший на свете не меньше пятидесяти солнечных кругов. Невысокий, коренастый, в добротной одежде, претендующей на некоторую роскошь, слегка поседевший, с желтовато-коричневой кожей уроженца земель, лежащих к закату от Карпашских и Кезанкийских гор, и хитровато-задумчивым взглядом.

Глянув вверх по склону, я увидела сопровождение незнакомца: двух мрачных, в изобилии обвешанных оружием всадников, по любым канонам смахивавших на дорожных грабителей. Эта парочка мне чрезвычайно не приглянулась, однако близкой опасности я тоже не ощутила. Пожилой незнакомец знал Эллара. Знал под именем Хасти, что непреложно означало: их знакомство уходит корнями в давние времена и к славному городу Шадизару. Рабириец упоминал, будто начинал свою карьеру волшебника именно в этом развеселом городишке. Хотелось бы знать, как подобное могло случиться? Утонченный ро-

мантик, маг, книжник, певец и воин Эллар — и насквозь прогнивший, продажный город, более известный как Столица Воров!

Кажется, мы по случайности забрели туда, куда посторонним людям соваться не стоило. Потаенная плантация, вроде тех, на которых в Стигии и Кхитае выращивают дурманный лотос. До чего только не доходит людская изобретательность! Раньше мне не приходилось слышать о маковых полях.

Как бы нас не попытались прирезать, сочтя нежелательными свидетелями...

Должно быть, мне не удалось надежно скрыть свои опасения. Незнакомец укоризненно глянул на меня, возмущенно нахмурившись:

— Госпожа, мы ведь не звери! Как можно такое подумать! Чтобы у меня поднялась рука на моего давнего друга Хасти и его... — незнакомец осмотрел меня внимательнее, и согласно кивнул: — Да, и его во всех отношениях очаровательную спутницу? Кстати, Хасти идет сюда с намерением учинить скандал. Прошу прощения за откровенность, госпожа, вы обладаете на него каким-нибудь влиянием? Проще говоря, способны заговорить милейшему Хасти зубы на несколько мгновений, прежде чем он начнет рубить налево и направо?

— Я постараюсь,— обещала я.— Если мне объяснят, в чем суть ваших разногласий. Между прочим, с кем имею честь?..

— Дело в том, что у одного нашего общего знакомого чересчур возвышенная натура,— бой-

кий владелец маковой деланки укрылся за моей лошадью, однако не спешил вызывать к горевшим желанием вмешаться в грядущую свару охранникам.— Что до меня, то перед вами потомственный замориец, почетный житель Шадизара, член городского Совета, глава Торговой гильдии, помощник протектора и прочая, и прочая... Ши Шелам, маленькая госпожа. Зовите меня просто Ши. Полагаю, мы с тобой подружимся. А ты дорогуше Хасты кем приходишься, ежели не секрет?

— Долиана Эрде,— назвалась я. По-моему, почтенный месьор Ши Шелам (где-то я уже слышала похожее имя...) с удовольствием валял дурака, прикидываясь до смерти испуганным, не жели вправду опасался возмездия за неведомые преступления со стороны Рабирийца.— Из Немедии. Я ученица Эллара. Ну... и его подруга.

— Иштар Всеблагая! — месьор Ши проникновенно воздел глаза к небу.— Наконец-то! Дожили! Знаешь, госпожа Долиана... Хотя скорее всего не знаешь... В общем, мы уже побаивались, что Хасты по дурости своей решил окончательно отказать от женского общества.

— Да? — ошарашено переспросила я. Мои воспоминания о предыдущих ночах, проведенных весьма бурно, вопиюще противоречили заявлению достопочтенного Ши.

— Вот именно! — размашисто закивал обитатель Шадизара.— Понимаю, Хасты в первую голову маг, а такое ремесло требует забыть о многих радостях жизни, но...

— Мерзавец! — оглушительно прогрохотал выбравшийся на дорогу Эллар, слегка напоминавший крайне разъяренное воплощение кого-нибудь из древних богов.— Стоило тебя прикончить еще тридцать лет назад!

— Такова у Хасты манера говорить: «Здравствуй, Ши, очень рад тебя видеть»,— с интонациями несправедливо обиженного человека пояснил господин Шелам, по-прежнему скрывавшийся за крупом моей кобылки. Рабириец потянулся за мечом — всерьез, без шуток. Я решила, что настало самое время вмешаться. Вдобавок на склоне горы появились новые зрители. Пять или шесть всадников живописно-разбойного вида, причем за одним из них, неуклюже пошатываясь и спотыкаясь, следовал пленник с наброшенным на шею арканом.

— Перестань кричать,— я толкнула лошадь каблуками, преградив Эллару дорогу.— Не делай того, о чем пожалеешь.

— Верно, верно, госпожа,— льстиво поддакнул месьор Ши.— Хасты, ты бы остановился и послушал эту мудрую женщину!

— Ты видела, что он натворил?! — Эллар, решив возвести ничего не понимавшую Дану Эрде в сан судьи, обращался ко мне с таким видом, будто я знала окончательную истину.

— Я вижу луг с цветами,— как можно сдержаннее проговорила я.— С черными маками. Должно быть, выращивание подобных растений противоречит законам, но мне хорошо известно, что Заморийский протекторат никогда не отли-

чался благочинием и уважением к распоряжениям властей. Убери меч, пожалуйста.

— Хасты, право слово, ты не заслуживаешь такой подруги,— высказался почтенный Ши Шелам.— Госпожа Долиана, бросьте его на произвол судьбы. Причем немедленно. И кончай сверлить меня тем глазом, что у тебя пока остался!

Я наконец вспомнила, откуда мне знакома фамилия «Шелам» и поинтересовалась:

— Месьор Ши, вам случайно не известен молодой человек по имени Ларн Шелам? Он сейчас живет в Бельверусе, в заморийском торговом доме «Игдир и компаньоны».

— Известен и даже не случайно,— хмыкнул шадизарец.— Это мой старшенький. Он еще не попался на таскании мелочи из карманов честных горожан?

Эллар смерил давнего приятеля откровенно ненавидящим взглядом, забросил клинок в ножны и отвернулся, явно пытаясь взять себя в руки.

— Между прочим, именно я долгие годы заботился о сохранении и разведении твоих драгоценных цветочков,— оскорбленно бросил в спину Рабирийца Ши Шелам, и пояснил специально для меня: — Это Хасты привез в Шадизар семена, но, разумеется, побрезговал найти им достойное употребление.

— Зато ты не побрезговал! — с достоинством огрызнулся через плечо маг.— Обратил чужую память и скорбь в источник наживы!

— «Память» — два сикля за порцию, «Скорбь» дороже, три с четвертью,— невозмутимо отозвался месьор Шелам.— Вдобавок, в отличие от порошка лотоса, маковая соломка не вызывает привыкания. Не понимаю, чем ты возмущаешься. На этой удивительной земле обитают племена, много лет успешно извлекающие выгоду из скорби и памяти собственных народов. Кстати, недавно я вывел новый сорт, но пока не придумал для него подходящего названия...

— «Жадность»,— буркнул Эллар, постепенно успокаиваясь.

— Если не возражаешь, я предпочел бы именовать его «Неблагодарностью». Или «Черной неблагодарностью», в твою честь,— задумчиво процедил почтенный Ши и махнул своим головорезам, изнывавшим от безделья на склоне холма.— Хотя нет, слишком много славы для такого зануды, как ты. Госпожа, эти цветы получат твое имя, согласна?

— Маки «Долиана»,— задумчиво повторила я.— Мне рассказывали, что Шадизар — весьма своеобразный город, но я не представляла, до какой степени...

* * *

Троица громил, исполнявших должности сторожей, резво скатилась по откосу вниз, представив под ясные очи господина Ши Шелама свою добычу. Пленник, тощий и слегка косящий паренек лет семнадцати, выглядел так, как будто

подсчитывал, сколько прекрасных мгновений жизни ему отпущено, и находя итог малоутешительным.

— Вынюхивал,— с готовностью доложил страховидный тип в потрепанном туранском халате некогда ярко-изумрудного, ныне же пыльно-зеленого цвета.— Полдня крутился по окрестностям, потом слез вниз, срезал пару цветочков и припрятал, скотина!

— Куда только катится мир,— с почти подлинной скорбью вздохнул месьор Ши Шелам, мельком глянув на пленника.— Мальчик, неужели тебе опротивела жизнь? Или чужие доходы поразили скудное воображение?

— Господин Ши! — заблажил лазутчик, и, невзирая на аркан, сделал попытку шлепнуться на четвереньки.— Да разве я ж когда?.. Ни сном, ни духом!.. Только глянуть!..

— Сначала глянуть, затем шепнуть кое-кому под страшным секретом, чтобы я однажды стал мой холимый-лелеемый цветник выкорчеванным до последнего ростка? — грустно спросил пожилой шадизарец.— Врать сперва как следует выучись, щенок подзаборный... Я ж тебя знаю, как облупленного. Ты — Рамин. Рамин Гнилая Косточка. Твой старший — Дьола из квартала Сахиль, который согласится поджарить свои уши и сожрать их с острой кхитайской подливкой, если кто-нибудь укажет ему, где спрятана моя цветущая долина. Дьола — тупица, но я сам ему это скажу, а ты — всего лишь мелкая разменная монета. Понял?

Не знаю, как Рамин по прозвищу Гнилая Косточка, а я поняла все и сразу. Хорошо, что у Элара есть давние знакомые в Шадизаре, а то мы бы не уехали из этой долины с траурными цветами.

Рамин, похоже, не сомневался в своей дальнейшей участи. Сел на корточки, по-собачьи глядя снизу вверх на Ши Шелама и тоненько поскуливая. Зрелище вызвало у меня сдержанное отвращение, однако я не собиралась оспаривать здешние традиции.

— Да оставьте вы его в покое! — презрительный оклик исходил от Элара. Маг поднял руку, коротко и сухо шелкнули сложенные замысловатым жестом пальцы. Рамин Косточка закатил глаза, обмяк и свернулся на тропинке, прямо под ногами у топчущихся коней.— Ши, раньше в тебе не замечалось подобной кровожадности. Отвезите этого несчастного согладая подальше и бросьте. Через колокол он проснется и долго будет вспоминать собственное имя.

— Правда? — недоверчиво поднял бровь месьор Ши. Рабириец, как обычно, не счел нужным отвечать, и поэтому Ши Шелам обратился ко мне: — Госпожа Долиана, вы какими судьбами здесь оказались? В город едете?

— Скорее, ловим кое-кого,— осторожно сказала я.

— Все кого-то ловят,— Ши брезгливым жестом велел подручным убрать похрапывающего Рамина с глаз долой.— Ну, сущее наказание! За последнюю луну уже десятого обормота цапаем

за шкуру! Скоро целое кладбище наберется... Учишь дураков, учишь, никак до ихнего скудного умишка не дойдет: поле — мое. Косточку-то на горячем прихватили, а встречаются такие... умники. Седмицы две назад в соседней долине одного сгребли, так он учудил — прикидывался беглым из немедийского легиона! Слышали, наверное, в Немедии недавно большая заварушка случилась?

— Рокод, — по привычке поправила я. — Мятеж дворян против короля. Да, знаем. И что стало с этим беглым?

— Известно, что, — добрейший месьор Ши чиркнул большим пальцем по воздуху.

— У него в сумках или в карманах не нашли какой-нибудь необычной вещи? — вдруг оживился Эллар.

— Какой вещи? — насторожился Шелам.

— Фамильной драгоценности, — не слишком удачно сорвала я, смекнув, к чему клонит мой приятель. Неужели мы вновь наткнулись на потерянный след? Но куда в таком случае подевался Талисман?

— Вроде нет... Хотя... — Ши оборвал сам себя, ничего толком не сказав и стремительно нацепив маску гостеприимного хозяина: — Хасти, ты больше не злишься? Ну и правильно, чего дуться! Надеюсь, ты не оскорбишь меня, собравшись поселиться в каком-нибудь клоповнике и подвергнув столь ужасной судьбе эту милую даму?

— Даже не надейся, — ядовито откликнулся Рабириец. — Между прочим, Кайлиени в городе?

— Недавно вернулся в родные края, учинив разброд и столпотворение, — Ши подвели невысокого меланхоличного конька, и он, побряхтывая, взобрался в седло. — Скоро увидишь, что нынче творится в нашем мирном захолустье. Великая Немедия решила напомнить: Замора — всего лишь какая-то жалкая провинция. Явилось из Бельверуса высокое начальство с королевским эдиктом, мол, Альс больше не протектор. Не знаю, на что рассчитывал Трон Дракона и его новый владелец — как там его? Тараск Эльсдорф? — но могу точно сказать, что он получил.

— Мятеж, — без труда догадалась я.

— Именно так, госпожа Долиана. Разгорающийся шадизарский мятеж во всей красе.

— Зовите меня Даной, — попросила я. Чутье подсказывало: я и месьор Ши Шелам наверняка сможем найти общий язык.

Упомянутого великого заморийского протектора я знала, не без оснований полагая, что Эллару он тоже известен. Красавчик и погубитель женских сердец Аластор Кайлиени, хитромудрый проходимец, вроде неунывающего Кечал-Умника из шемских сказок. Когда принц Ольтен два года занимал трон вице-короля Заморы, господин Кайлиени ходил в его лучших приятелях. Неудивительно, что Аластор затесался в Совет Семи королей, принимая самое живейшее участие в событиях, развернувшихся на равнине подле замка Демсварт. Кайлиени отсутствовал в Бельверусе на сорвавшейся церемонии казни Долианы Эрде и мятежников, и я сочла

его погибшим. Поторопилась — разжалованный великий протектор не спешил проводить Нергала и не намеревался запросто расставаться со своим титулом. Могу только посочувствовать ставленнику Тараска, вынужденному противостоять обитателям самого беспокойного и непредсказуемого города Восхода.

*Шадизар, Заморийский протекторат.
Около девятого послеполуночного колокола
20 дня Третьей весенней луны.*

За две или три последние луны я едва не забыла об одной важной вещи. Я все-таки благородная девица! Ладно, больше не девица... И не герцогиня Эрде-младшая — по указу Тараска предводительницу Рокода лишили наследных титулов. Однако сии печальные обстоятельства не избавляют меня от необходимости прилично выглядеть. Особенно когда я стала ученицей волшебника.

Поэтому, едва мы въехали во двор обширного владения достопочтенного Ши Шелама, наскоро представились вышедшей нас встречать хозяйке и добрались до отведенных нам покоев, я немедленно юркнула в ванную комнату, рассчитывая просидеть там не меньше колокола. Я не выйду, пока от меня не перестанет нести тюрьмой, лошадиным потом, прелой листвой и дымом очагов, возле которых мы ночевали. Месьор Ши обещал позаботиться о новой одежде для своих гостей, и я просто обязана произвести хорошее

впечатление! А то Эллар до сих пор видел меня только в костюме для верховой езды да в каких-то жалких обносках...

— Долиана, сэлле'онни, ты случайно не утонула? — настойчивая дробь по тонким створкам и знакомый голос вывели меня из задумчивости. Вода в медной ванне давно остыла, а я, оказывается, сидела и рассеянно пялилась на стену в розовых и кремовых изразцах. «Сэлле'онни» — так меня прозвал Рабириец, что-то вроде «Звездочка моя».

— Сейчас! — откликнулась я.

— Это «сейчас» я слышу уже четвертый раз,— недовольно проворчали снаружи.— Вылезай, полюбуйся, как Ши расщедрился. Прислал сундук разноцветных тряпок вкупе с целой шкатулкой побрякушек, и велел передать, что это — твоя собственность. Похоже, ты ему весьма приглянулась. Смотри, чтобы он не уговорил тебя стать его содержанкой.

— Иду, иду! — я завернулась в огромное покрывало и пошла к дверям. Какое наслаждение — хоть несколько дней прожить, как полагается людям!

Дом месьора Ши Шелама располагался в тихом, зажиточном квартале и слегка удивил меня своей архитектурой. Два невысоких этажа, множество больших и маленьких комнат, галерей, коридоров, плоские крыши, внутренний двор со старыми платанами, кустами жасмина и бассейном в мозаичной облицовке — и ни одного окна, выводящего на улицы, а также глинобитный за-

бор в полтора человеческих роста. Нам даровали три комнаты внизу, с выходом в садик, и мне здесь понравилось: уютно, прохладно, хотя немного темновато. Одно помещение почти целиком занимала чудовищных размеров кровать на ножках в виде львиных лап и под балдахином на витых столбиках. Я со смешком подумала, как бы не потеряться на просторах сего монументального сооружения. Тут с легкостью уместился не только мы, но и еще пять-шесть человек.

Дареная шкатулка стояла на туалетном столике розового дерева. С краю столешницы прилежалась лазуритовая вазочка. Над узким горлышком покачивали головками три пресловутых черных мака, изящно перевитых алой ленточкой. Надо полагать, ненавязчивое напоминание о сегодняшнем инциденте.

С размаху плюхнувшись на табурет с изогнутыми ножками, я с любопытством заглянула в коробку, убедившись, что по части подбора украшений у месьора Ши или его супруги все в порядке. Бросила взгляд в глубину дорогого и редкого стеклянного зеркала, укрепленного за столиком. Там немедленно предстала худощавая, изрядно потрепанная долгим путешествием особа вопиюще юных лет с надменно заломленной бровью, зеленоватыми глазами и свисающими по обе стороны узкого лица влажными темными прядями.

Еще не зажженные свечи в бронзовых шандалах на стене затрещали и вспыхнули. Позади де-

вицы возник силуэт высокого мужчины в дворянском костюме — черный и темно-лиловый бархат, золотые шнуры, белый распахнутый воротник рубашки.

Теперь, когда Рабириец счел необходимым уделить внимание своей внешности, его вполне можно было принять за отпрыска благородного семейства Аквилонии или Офира. Мокрые, гладко расчесанные волосы отливали приглушенной синевой, вроде как на вороновом крыле, серый зрачок лукаво поблескивал.

— Это не тщеславие,— опередила я его насмешку.— Согласись, начинающая магичка не может выглядеть, как уличная нищенка!

— Конечно, не может,— преувеличенно серьезно согласился Эллар. Извлек из шкатулки тонкую серебряную диадему с россыпью изумрудов, аккуратно пристроил на моей макушке и наклонился, дабы оценить получившуюся картину. От этого движения качнулись тонкие язычки свечей... и что-то произошло.

Гладкая поверхность зеркала на миг подернулась рябью. Отражения изменились. Погруженная в темноту большая комната с низким деревянным потолком и выгнутыми арками. Женщина, похожая на меня, но лет на пять-шесть старше. Строгое, замкнутое лицо, отстраненный, чуть-чуть высокомерный взгляд. Мое покрывало обернулось белым атласным платьем с высоким воротником, на которое падали черные локоны. Ослепительно-ярким пятном сверкал большой красный кулон на золотой цепочке. С легким за-

мешательством я узнала в нем Каримэнон. Может, я вижу его предыдущую владелицу? Но почему? Как?... Тихо, Дана, не суетись. Возможно, ты имеешь дело с испытанием или магической загадкой. Присмотрись, что еще ты видишь?

За женщиной в белом высилась Тень. Именно Тень — колеблющихся, неопределенных очертаний, хотя в ней опознавалась человеческая фигура, закутанная в угольно-черную, слегка развевавшуюся ткань, порой вспыхивавшую малиновыми отсветами. Тень приблизилась, я различила холодный, стальной блеск какого-то предмета на ее голове, вполне могущего сойти за узкий зубчатый венец.

Незнакомка быстрым движением сняла с шеи цепь с Талисманом. Поддержала в руке, раскачивая и пристально смотря из призрачного убежища за посеребренным стеклом. Камень отбрасывал мелькающие пурпурные блики, а может, это мерцали свечные огоньки?

Женщина-видение размахнулась и швырнула Каримэнон в зеркало. Не успев ничего сообразить, я выбросила руку, чтобы поймать Камень, но мои пальцы схватили пустоту. Призраки исчезли, я снова увидела себя — с перекошенной и растерянной физиономией я падала куда-то влево, неуклюже размахивая руками. Очередной взмах перевернул шкатулку и задел синюю вазочку с маками, сбросив ее на пол. Та жалобно звякнула, наверняка разбившись. К ней присоединилась диадема, укатившаяся куда-то в глубины комнаты.

— Очнись! Дана, очнись! — Эллар успел подхватить меня и безжалостно встряхнул за плечи, возвращая в обычный мир.

— Ч-чт... — заикнулась я.

— Прошлого, — Рабириец безошибочно догадался, о чем я пытаюсь спросить. Значит, он видел то же самое, что и я.

— Ч-чье?..

— Каримэнона. Наше... то есть твое.

— Э-э... — я захлопнула рот так, что зубы лязгнули. Подумала. Нагнулась — посмотреть, как дела у вазы. Лазурит выдержал знакомство с досками пола. Я подобрала вазочку, водрузила обратно на стол, расправила помявшиеся бархатистые лепестки маков. Составила вопрос и тщательно выговорила:

— Почему я это увидела?

— Должно быть, настало подходящее время, — Эллар по-прежнему стоял позади меня и его ладони стискивали мои плечи.

— Ты знаком с той женщиной, что появилась в зеркале? — растерянность быстро таяла. Я хотела *знать*. Пугаться своих открытий буду позже.

— Был знаком. Она давно умерла, — поправил Рабириец, и в голосе его прозвучала давняя, присыпанная сухим пеплом воспоминаний горечь. — Ее звали Иллирет. Иллирет, Королева Огня из Лан-Гэллома, твоя прапрабабка в двадцатом или тридцатом колене. Она тоже владела Алым Камнем, и, если верить слухам, незадолго до своей гибели укрыла его где-то в горах

будущей Полуденной Аквилонии. Что с ним стало потом — трудно сказать. Люди Тараска, насколько я знаю, откопали его совершенно в иных краях, неподалеку от Эйглофиата...

— А тень у нее за плечом? Призрак в стальной короне?

Ответа не последовало, зато хватка на моих плечах чуточку ослабла.

Следующий вопрос я задала как бы невзначай:

— Когда умерла Иллирет?

— В год падения Цитадели,— рассеянно отозвался Эллар. Должно быть, он слишком глубоко погрузился в минувшее, иначе никогда не попался в столь простую ловушку.

— Значит, ты был с ней знаком? Причем знаком близко и хорошо, ибо посейчас скорбишь о ее кончине, случившейся несколько тысячелетий назад? Прости, сколько же тогда тебе лет?

Маг резко отшатнулся назад, смятенно уставившись на меня.

— Дражайший наставник, тебе не кажется, что наступило подходящее время прекратить играть в секреты? — я говорила, не думая о последствиях и зная: что бы не произошло, Эллар не причинит мне вреда.— Я только хочу услышать правду. Если полагаешь, что своими словами оттолкнешь меня, то глубоко ошибаешься. Хочешь, перечислю, что мне удалось разузнать? Мой дядюшка Рейе отзывался о тебе с большим уважением и намекал, будто тебе, как магу, нет равных в нынешние времена. Аластор Кайлиени

из Заморы считает тебя взбалмошным чародеем, однако признает своим другом, и такого же мнения придерживается Конан Аквилонец. Видишь, я давно знала, сколько загадок ты волочишь следом, и все-таки согласилась на предложение стать твоей ученицей! Добавлю, что месьор Ши Шелам сболтнул, будто ты появился здесь, в Шадизаре, около тридцати лет назад и многие из горожан обязаны тебе своим нынешним состоянием и своей удачей. Странноватый и на редкость обширный круг знакомств для мага-отшельника из Рабирийских гор, не находишь? Кто же ты?

— Дана, ты не понимаешь... — растерянно начал Эллар. Его спас тихий стук в двери. Мы переглянулись — поздновато для визитов. Может, наши голоса встревожили слуг?

— Это Ши,— беззвучным шепотом произнес Рабириец.— Он предупреждал, что зайдет побеседовать о чем-то важном. Впустить?

— Заходите! — разрешила я, и на пороге действительно появился владелец дома. Понимающе глянул на нас, осведомившись:

— Вы ссоритесь? Тогда можно отложить разговоры на завтра...

— В ссорах рождается истина,— брякнула я.

— Или ба-альшие неприятности,— в тон мне подхватил умудренный тревожной шадизарской жизнью месьор Шелам. Хмыкнул, покосившись на выглядевшего чрезвычайно растерянным Эллара: — По-моему, случилось очевидное. Тебя раскусили. Дана, ты, случаем, не имеешь отно-

шения к семейству тех Эрде, которые до недавних пор заправляли в Немедии тайной службой? Доводилось слышать про Мораддина или Рингу Эрде?

— Это мои родители,— с достоинством ответила я.

Ши восхищенно цокнул языком:

— Тогда я ничему не удивляюсь. Хасти, чистосердечное признание здорово облегчает жизнь. Давай, выкладывай. Маленькая госпожа, полагаю, не завизжит и в обморок не упадет. Если хочешь, могу постоять за дверь, пока ты будешь изливать душу. А потом поболтаем насчет краденых фамильных драгоценностей. Так мне убраться?

Эллар надежно спрятался за своей челкой и отвечать не пожелал.

— Я ведь могу и сам рассказать,— пригрозил месьор Ши.— Госпоже моя повесть наверняка покажется любопытной. Началось все лет под тридцать тому, в середине лета... Или ближе к осени? Мы тогда были молодые, что называется, горы по колено, не боялись ни богов, ни демонов, и сбились в славную такую компанию, обитавшую в таверне «Уютная нора». Сейчас ее нет, конечно — сгорела. На прежнем месте новую выстроили. Сколько нас было? Ну, содержательница «Норы», ее дружок из Асгарда — эти-то наверняка в могилах. Джай, наш главарь, Аластор — тот самый, протектор нынешний — я, Малыш... Малыш теперь высоко забрался, почитай, под самые небеса...

— Довольно. Выйди, пожалуйста,— глухо попросил Рабириец.— Поговорим завтра утром, согласен?

Ши встал, отвесил мне безукоризненно куртуазный поклон, украдкой подмигнул и удалился. Я осталась, чувствуя, как пересыхает в горле и понимая, что вызвала на свет мертвецов, которым лучше оставаться в своих склепах. Впрочем, раз лавина сдвинулась с места, бесполезно пытаться ее останавливать. Какие бы тайны своего прошлого ни скрывал Эллар, я сумею их выслушать и принять. Как же иначе? Я ведь его ученица и обязана ему жизнью.

Глава пятая

Из дневника Халька Юсдаля — II
«Тарангийские тайны»

Тарангия, Аквилония.
6 день Третьей весенней луны.

Если кто-нибудь подумает, что прибытие королевского эскорта в столичный город есть дело простое, а во многом и торжественное, то в нашем случае уважаемому «кому-нибудь» не избежать разочарования. Дело складывается из множества мелких деталей: какой король, какой эскорт, какая столица, каково настроение у Ихнего величества и свиты, а заодно и у гвардейцев... А самое главное — есть ли осознание того, каков же был результат столь длительной и, не побоюсь этого слова, безумной поездки.

Лошади устали, наши дорожные облачения пропылены и заляпаны темными пятнышками

глины, парадные одеяния, измятые и влажные, позабыты на Посольском холме под Демсвартом и наверняка станут достоянием местного ворья или не слишком чистых на руку обнищавших дворянчиков, дорожная казна показала дно еще двое суток назад и Просперо вынужден был одалживаться у бургомистра одного из приграничных городков. А взгляд у людей скорее отрешенный, нежели злой. Раз уж случилось, то пусть уж случилось. Против воли богов не попрешь.

Унылая кавалькада вяло процокала от Закатных ворот до площади святого Эпимитриуса и далее, к замку короны.

Горожане поглядывали озадаченно: вот вроде бы и королевский штандарт, на двух передних лошадях едут самолично достославнейший король и блистательный герцог Пуантена, но щедрая милостыня не рассыпается, глаза у обоих вождей зверские, а если попытаешься поклониться монетку у одного из гвардейцев, лишь получишь довольно злобный тычок тупым окончанием пики в спину.

Слух по городу: «Проиграли войну, что ли? Так вроде и войны никакой не было... С немедийцами на границе поцапались? То-то оно, разговоры ходили, будто в соседней державе неспокойно... А король-то, король какой смурной! Ну, теперь жди беды!.. Дурень, не беды, а гнева Его величества. Ой, недолго веревки на виселице будут в одиночестве болтаться, найдут им компанию...»

Лишь одним-единственным человеком, ярко выбивавшимся из ряда хмурых вояк, была женщина. Довольно высокая, темноволосая, с гордо задраным подбородком. Удивительное дело — одна она посреди сонмища грязнуль, сопровождавших короля, красовалась в начищенном кожаном колете, сапоги блестели от масляной смазки, а длинные волосы (диво!) были начисто вымыты и развевались на ветерке черным мохнатым знаменем.

— Мой король,— невозмутимая Дженна чутко подтолкнула коня шпорами и поехала стремя в стремя с лошадей короля,— улыбнись хоть разочек! На тебя люди смотрят.

— Это не люди,— буркнул Конан.— Это подданные.

— Тем более,— настаивала черноволосая.— Как там насчет того, чтобы король вечно подавал пример бодрости духа и поднимал престиж власти одним своим видом?

— Вот пусть Просперо и поднимает,— вздохнул киммериец, кивая в сторону герцога.— А у меня в кошельке ни монетки. Даже заржавленного асса не осталось. Все провалили, подонки! Девочку не спасли, великое судилище превратили в площадный балаган, а Каримэнон так и вообще украден... Найду — руки оторву и вместо ног воткну! Просперо, подними сюзерену настроение! Скажи что-нибудь хорошее!

— Покушать бы,— выдохнул Просперо и скрыл отрыжку уголочком платка.— Может быть, Хальк?

— А что Хальк, что Хальк? — немедленно возмущился я.— Знаете, кого мы все сейчас напоминаем? Похоронную процессию! Только неизвестно, кого на ней хоронят — нашу собственную честь или дворянскую честь всего Заката. Нет, благородные месьоры, больше я с вами в такие игрушечки не играю! Женюсь, уеду в Юсдаль и буду писать мемуары! Стыдно, Ваши величества и ваши светлости!

— Глянуть на вас, мужиков,— с варварской непринужденностью заявила Дженна,— так у всех коров в округе на сто лиг молоко скиснет. Эй, нищеврод! Пойди ко мне!

Решительная дикарка из Пограничья с небрежностью, достойной короля Сигиберта Завоевателя, запустила широкую ладонь в кошель, вынула пригоршню монет, и, подняв голос, выкрикнула:

— Бедному люду Тарантии от короля!

Солиды, полусолиды и даже кесарии со звоном полетели на гранитную мостовую. Немудрено — купеческая дочь. У таких всегда мошна не пустует. Королевская улица огласилась громко-голосым, однако донельзя унылым воплем: «Да здравствует король!».

Конан скроил на лице некое подобие ухмылки, с какой обычно восходят на эшафот приговоренные к смерти насильники, убийцы и грабители, и сделал вид, что он вовсе и не король.

Пример Дженны оказался заразителен, но не особо. Поиздержавшиеся гвардейцы побросали в толпу немножко золотых кругляшков, самый

озорной запустил тяжелой серебряшкой точнехонько в гревшегося на солнце кота, который с истеричным мявом бросился под ноги лошадей, вызвав небольшую сумятицу, а последняя монетка разбила крынку у уличной торговли-молочницы. Престиж монархии взлетел на недостижимую высоту.

— Домой, домой и только домой! — трагически голосом продекламировал я, заведя впереди грозные стены нашего обиталища. — В ближайшие годы — никаких приключений!

— Точно, точно, — втихомолку поддержал меня Просперо и оглянулся — не подслушивает ли кто. — Дома дел невпроворот, а мы беремся устраивать судьбы каких-то чужеземных оборванцев. Двум богам служить нельзя. Хальк, вот приказ, как тайному советнику: нынешним же вечером собирай Малый государственный совет и канцлера. Будем решать, что делать дальше. Только сначала отмоемся и отъедемся. Уже четыре седмицы мечтаю о настоящем бассейне и чистом белье.

— Канцлер не пойдет, — съязвил я. — Старик Публио столько не выпьет. Сам знаешь, что такое Малый государственный совет в понимании Конана. Решение одного мало-мальски важного вопроса затягивается до той поры, пока не будут выданы последний кувшин и не пошлют за новым. А потом два умных человека — я имею в виду вашу светлость и самого себя — сядут тихонько в уголок и все решат. И без всяких Малых советов.

— С такими мыслями, — Просперо укоризненно глянул на меня, — ты скоро дойдешь до крамольного соображения, что король нам требуется только как ширма и дегустатор винных запасов Тарантийского замка.

— Но зато какая ширма! — я мечтательно воздел глаза к предвечернему небу. — Ни в одной стране такой нету! Большая, красивая и...

— Если вы оба не заткнетесь, — прорычал спеша Конан, — оба отправитесь в яму на хлеб и на воду! Все, отдыхать, отсыпаться, а вечером...

— А вечером — на Малый совет, — грустно заключил Просперо. — Ольтена позвать?

— Пускай идет. Он, считай, теперь король без королевства. Уважим парня?

С тем и въехали мы под гулкие своды барбики Тарантийского замка короны.

* * *

— Итак, други, стаканчик мы взяли, кости выбросили, ожидали выбить трех «коней», а судьба решила так, что с граней костяшек на нас пялится свинья.

С таких оптимистичных слов и начал варвар вечернее заседание Малого государственного совета.

Впрочем, слово «вечернего» здесь малоприменимо. Мы собрались в любимой Конаном Белой гостиной глубоко за полночь — на донжоне едва отбили два колокола. Компания разнообразием не блистала: король, вице-король (я Просперо

имею в виду), потеющий и вечно вытирающий пот со лба толстяк Публио, я сам, как тайный советник короны, Паллантид — он командует войском, значит, обязан присутствовать. Возле камина грел косточки загадочный барон Гленнор, замотанный в теплый клетчатый плед по самый подбородок. С краешку примостились двое личностей, уж никак не должных быть на секретном совете — принц Ольтен Эльсдорф (хотя, если подходить юридически, король Ольтен Эльсдорф) и мало кому известная девица Дженна из рода Сольскелей, что в Пограничье.

— Назову сразу несколько ошибок,— не спрашивая дозволения говорить, проскрипел барон Гленнор, даже к нам не поворачиваясь.— Каюсь, в основоположной ошибке виновен я. Сознавая, что в Немедии вскоре произойдет нечто из ряда вон выходящее, я не предпринял никаких чрезвычайных мер, а всего лишь послал соглядатайствовать в Бельверус никчемного мальчишку с ветром в голове и украденным векселями за пазухой. Оставил, как выражаются простецы, на авось. Авось обойдется, авось пронесет, Немедия — государство крепкое, и без нас справятся...

— Ты бы на беднягу Маэля не ругался,— набычился Конан.— Парень сделал все, что смог, и во многом помог нам. Давай не будем вспоминать плохое о мертвых. Какие еще ошибки?

— Совет королей,— вздернул острые плечи барон Гленнор.— Задумано было неплохо, но выполнено — из рук вон. Если уж объединились и чувствовали свою правоту, то надо было давить

Тараска до последнего, а не проявлять слабинку. Сочувствую Чабеле.

— Это почему же? — наклонил голову Просперо.

— Да потому,— поморщился глава нашей тайной службы.— Бесспорно, Чабела — умнейший политик Материка. Хотя постойте... Умнейшая женщина, а не умнейший политик. Замечаете разницу? Политика — это жесткость, подлость, коварство, удар из-за угла и желательность чужими руками. Правда должна быть доказана не судом, а своей силой. Вам было достаточно подписать ордонансы о вступлении Аквилонии, Зингары, Аргоса, Бритунии, Пограничья, Хорайи и Хаурана в военный союз против узурпатора Тараска и выдвинуть армии хотя бы на десять лиг вглубь немедийских рубежей. В столицу отправляются несколько десятков отлично обученных, преданных и знающих свое дело людей, находят Тараска Эльсдорфа, а дальше... Можно не фантазировать. Несчастный случай на охоте, поскользнулся на лестнице, отравился неспелыми сливами... Все приспешники Тараска разбежались бы в этот же вечер, а досточтимый Ольтен сейчас носил бы не этот дурацкий золотой обруч на волосах, а венец Нумы. Я достаточно просто объяснил?

— Куда уж проще,— вздохнул Конан.— Но Чабела хотела как лучше, без крови.

— А получила крови в десять раз больше,— наставительно сказал Гленнор.— Увы, мои драгоценные месьюры и прекрасная дама, ваша ком-

пания предпочла руководствоваться эмоциями, а не холодным разумом. Самый проигрышный путь в политике. А ваш Совет Семи королей... Посадите в большую склянку двух скорпионов и заставьте рассудить их драку крольчонка. Что будет с крольчонком?

— Сдохнет в муках,— надменно усмехнулась Дженна из Пограничья.— Что с нами и случилось.— А Чабелу действительно жалко. Ей сейчас приходится отдуваться за все наши художества перед Тараском.

— Не о Чабеле речь! — ледяным тоном и чересчур громко заявил Гленнор, повернулся и обвел немигающим взглядом змеиных глаз всех присутствующих.— Речь о нас. О тебе, мой король, о тебе, Просперо, герцог и нынешний наследник трона, о тебе, Хальк. О тебе, Паллантид, потому что командовать войском придется не только королю, но и тебе. О месьоре канцлере Публио, которому придется платить за то, что произойдет в ближайшие дни. О госпоже Сольскель и короле без королевства Ольтене. И, в конце концов, обо мне. Думаете, барону Гленнору будет приятно болтаться несколько дней на дыбе перед тем, как из него выбьют все тайны Аквилонии?

— И чем вызвано столь мрачное пророчество? — усмехнулся я.

— Посмотрите на столе большой синий пакет,— отмахнулся таинственный барон.— дело будет ясно и без моих комментариев. Печати, кстати говоря, сорваны мною. Служба такая.

— Просперо, ты здесь самый грамотный, читай,— покачал головой варвар, подсознательно ожидая очередные подвохи и гадости. Герцог Пуантенский, не выпивший пока и капли вина, твердым шагом подошел к приземистому мраморному столику, отыскал среди груды важных и неважных документов здоровенный лист пергамента, сложенный вчетверо, критически осмотрел вскрытые начальником тайной службы печати и, беззвучно шевеля губами, вчитался.

— Я догадался? — Конан вздохнул в сотый раз.— Нам предлагают отдать Ольтена, желательно связанного по рукам и ногам, вернуть в Немедию успевших сбежать мятежников, расформировать их военные отряды и не под каким видом не оказывать им помощи. В противном случае нас с вами ждет маленькая победоносная война?

— Именно,— с постным лицом кивнул Просперо, бросая пергамент обратно на стол.— А еще предлагают выплатить треть суммы за понесенные королевством Немедия потери, принести извинения на государственном уровне... и... как бы это сказать... Докладывают, что предводительница мятежников со дня на день будет казнена через сожжение. Желают всего наилучшего, процветания и добросердечия в сношениях между великими державами, извечными душевными соседями. Ага, приписочка. Конан, лучше сам прочитай.

Варвар протянул руку, ухватил пергамент, нашел взглядом нижний край страницы, выру-

гался так, что у воспитанного Публио захолонуло сердце, скомкал бумагу и прямоком отправил в камин через голову барона Гленнора.

— Вот сволочь! — наконец высказался король. — Про женщин такие вещи вообще-то не говорят. За подобные словечки в нашем клане вешали на сосне и не за шею.

— Значит, про меня что-то написано, — скривилась Дженна. — Месьоры, не смущайтесь. Тараск, видимо, дарит мою персону королю Конану или любому желающему. Для игривых, так сказать, утех.

— С личными делами разберетесь позже, — рявкнул барон Гленнор. — Послушайтесь моего совета хоть раз в жизни! Принц Ольтен и его сподвижники, стоящие на нашей границе — самый великий козырь в наших руках. Паллантид?

— Так точно? — немедленно вскинулся тысячник гвардии.

— Этой же ночью отправить приказы тяжелой кавалерии, стоящей на перевалах Немедийских гор, в Шамаре и на стыке границ Аквилонии, Немедии и Офира. Ты назначаешься верховным командующим, прочих командиров назначишь сам. Быть готовыми к активной обороне. Крепости закрыть, по дорогам пропускать только гонцов. Пехотные легионы подвести из центра страны и из Пуантена к полуночным областям Шамарского герцогства. Это война, тысячник. И я не хочу, чтобы она была победоносной для Немедии.

— Я исполняю приказы только короля, — отрезал Паллантид и покосился на Конана.

— Исполни, — кивнул киммериец. — А вот еще Просперо хочет что-то сказать...

— Месьор, вы что, лотоса обкурились? — нахмурился Просперо и вышел на середину, пожирая нас грозным взглядом из-под пушистых темных бровей. — Не спорю, готовиться надо, и одобряю приготовления Гленнора. Но! Война — это последний довод. Давайте снова попробуем перехитрить Тараска!

— У-у... — одновременно скривились Гленнор, Конан, Паллантид и даже Ольтен.

— Выслушайте же до конца! — поднял голос герцог. — Они нас бьют ультиматумом, а мы по ним ударим законом! Замечу, древним законом, соблюдаемым со времен Эпимитриуса! Будем хитрить, выворачиваться, использовать лучших людей барона Гленнора, которые ради славы и безопасности Трона Льва горы снесут! Вытащим с костра Долиану Эрде... Или вы что, так и собираетесь бросать на произвол судьбы дочь герцога Мораддина? Отправим самых подготовленных на поиски Каримэнона — не под землю же он провалился! Устроим несколько покушений — ксаль-тотун и его присные слишком долго стоят на нашей дороге! Наведем тихую панику... Господин барон, все перечисленное в ваших силах?

— Ну-у... — задумчиво протянул барон Гленнор, сложив вместе подушечки пальцев. — Можно попробовать... Латерана — это, конечно, не Вертрауэн, руки у нас покороче, но зато, — Глен-

нор просиял, — зато головы покрепче. Принимается. Вы ведете войну явную, я веду войну тайную. Если решение принято, прошу разрешения откланяться. Дел неувпоровот.

Барон сбросил плед, встал, предъявив всем присутствующим парадный бархатный колет со скромными орденскими значками, коллекции которых позавидовал бы любой собиратель редкостей, поклонился королю, герцогу и быстрым шагом отбыл. Конан крикнул вдогонку:

— Никаких бумаг с приказами не получишь! Действуй, как привык!

— Я всегда действую, как привык, — совсем тихо донеслось со стороны дверного проема, и тяжелая резная дверь мягко закрылась.

— А как же я? — взвился Ольтен.

— Ты? — Конан с хитрецей посмотрел на молодого принца. — Обещать не обещаю, но к лету уже не ты будешь к меня в гостях, а я у тебя. Где — неважно. Но с полным соблюдением этикета, соответствующего двум коронованным особам. Идемте спать, благородные месьеры. Публио, если полезешь ко мне со своими бумажками — зарежу, а голову выкину в окно. Вопросы снабжения войска обсудишь с Паллантисом.

*Тарантия, Аквилония.
8 день Третьей весенней луны.*

Еще в славное царствование Сигиберта Завоевателя, знаменитого не только военными походами, но и искренней любовью к очаровательной

супруге, зингарке Аландии, Тарантийский замок украсился небольшим, всего на три этажа, чудом света — некая помесь висячего парка, зверинца и естественного природного ландшафта. Замшелые валуны, ручейки, небольшие, но шумные водопадики, экзотические растения, осеняемые крилами затейливых птичек, свезенных в прохладную Тарантию со всех сторон света. Милые пушистые зверьки, начиная от маленьких ланей и заканчивая прирученными котятками леопардов и пантер... Лучшее место для устройства заговоров и громких любовных сцен.

Дело в том, что зимние сады практически не охраняются изнутри. Это из коридоров замка попасть в место отдохновения высочайших особ можно попасть только через несколько суровых караулов и остроумных ловушек для непосвященных, а внутри — рай и идиллия. Незаметные служаночки в белых платьях, всегда готовые принести вам изысканнейшие яства, поговорить о философии и сопроводить для купания в бассейн, и все.

У меня тут было свое особенное местечко, слегка напоминавшее родные пуши Гандерланда. Невысокая искусственная скала с водопадом, каменная скамья, застеленная волчьими шкурами, кустики вереска и особые желтые цветы, которые растут только на полуночных болотах. Маленький уголок дома в сердце холодной Тарантии.

Хальк, барон Юсдаль, приносит потрепанную папку с вензелем тайного советника, расклады-

вает маленький стальной пюпитр, раскрывает золотую чернильницу, тубус с перьями, строит ужасно вдохновенное лицо и начинает писать... Тьфу, клякса, будь она неладна! Берем новый лист.

«Милая Цинтия, весна сердца моего! Увы, но тебе, как и всякой любви, предугадательно наименее доступнейшее из прибежищ. Как если бы ты, подобно лучезарной голубке, вырвалась из дланей моих, то приняла бы себе в обиталище некий пловучий остров, что вознесся волею ветров в отдаление, безмерное и невидимое. Я же своим воздушноением сие отдаление преодолеть усерден, будь там даже подступы загорожены льдами.

Сударыня!..»

Великая Иштар, что я написал? Влюбленные, бесспорно, глупеют в позициях жизни, ибо весь ум их отдается любви. Продолжим...

— О, нет! — простонал я, расслышав неподалеку чьи-то голоса. Светлое вдохновение исчезло так, будто грязная кухарка вымела его помелом за порог и отдала на растерзание псам.

— Ты не можешь так со мной поступить!

— А я тебе ничего и не обещал! Альбиона, пойми, я люблю другую!

— Ты можешь любить хоть собственного жеребца, суть от этого не изменится! Ты меня использовал и выбросил!

— Причем не первую... — мужской голос снисходительно надменен. — Альбиона, повторяю — ты была приятной женщиной для меня, я был

приятным мужчиной для тебя. Надеюсь. В конце концов, мы дружили.

Хальк, барон Юсдаль замер в безмолвии, не хуже близлежащего валуна. Еще не хватало услышать любовную перебранку короля и его пассивности! За такое не прощают даже самые великодушные монархи.

— А это подарки, эти охоты, эти заверения о твоем, что глаза мои подобны звездам! Да-да, звездам, которые никогда не угаснут на твоём небосклоне!

— Это, как говорит Хальк, полити... э-э... поэтическое преувеличение.

— Значит, ты меня выгоняешь?

— Нет, я хочу расстаться с тобой, как с другом. И ты знаешь, что я никогда тебя не оставлю. Пойми, ты не королева. Ты богата, красива, умна, посмотри, сколько вокруг ходит парней, которые ничуть не хуже меня! Неужели вся моя привлекательность только в моей короне?

— Но ты мой, мой, понимаешь, бесчувственная скотина?

— Я ничей. Я только свой собственный. А это ты понимаешь? Перестань на меня орать, я ведь и рассердиться могу...

В том-то и беда, что Альбиона была глупа и, увы, она была не просто глупа. Она была глупенькая и не смогла понять, на что ей столь ясно намекают. Я, Хальк, барон Юсдаль, недаром славлюсь первым собирателем сплетен при дворе Конана. Варвар всегда смотрел сквозь пальцы на мимолетные увлечения своих подружек и ни

когда не ревновал. Насколько я знаю, наша «ночная королева» на сегодняшний день без ума влюблена в одного из лейтенантов Черных Драконов — ничего не скажу, красивый взрослый парень с состоянием, умный, но немножко пресыщенный. Скорее всего, Альбиона клюнула на него только из-за запредельной мужественной внешности и потому, что Конана так долго не было в городе. Однако место «ночной королевы» Альбиона покидать явно не собирается...

— Ты!.. Как ты смел! После всего, что я для тебя сделала?

— Хороший вопрос,— развязно рассмеялся Конан.— А что ты для меня сделала? То же, что женщины делают для прочих мужчин? Альбиона, повторю последний раз — наша с тобой история закончена.

— И ты, конечно же, любишь другую? — с ядовитейшим сарказмом спросила бывшая фаворитка.— Эту, которую... От нее же хлевом воняет!

— А от меня — лошадиным потом,— не остался в долгу король.— За будущее не беспокойся. Сегодня же пойдешь к генеральному казначею и возьми из сокровищницы любые украшения, которые понравятся. Публио выпишет тебе вексель. Полагаю, ты и твои внуки будете обеспечены до конца жизни. Уходи. Э-э, нет, только никаких поцелуев! Уходи.

Зимний сад огласился громогласными рыданиями и легким топотком сандалий, насколько я слышал из-за кустов, варвар ходил по дорожке

взад-вперед, поругивался под нос, но не зло, а скорее облегченно.

Я совсем уж было решился выйти из своего убежища и предстать перед королем, поздравив со счастливым избавлением от очередной интрижки, но на сцене появилось третье действующее лицо, точнее, второе, если меня считать суфлером.

Голос низковатый, чуть с хрипотцой, но в то же время чарующе-женственный.

— Звал?

Дженна, как всегда, говорит коротко и без недомолвок.

— Звал,— столь же непоэтично отозвался варвар.— Я, собственно, вот к чему... Ты Тараска... знала?

— Ты хочешь спросить, спала ли я с ним? — с прямотой обитательницы Пограничья осведомилась Дженна.— Представь себе, нет. Но вообще-то это не твое дело.

Я, извернувшись как змея, попытался разглядеть лицо Конана в хитросплетениях листвы и заметил, что физиономия киммерийца озабочена некоторыми вопросами, которые он либо стесняется задать, либо не знает, как начать разговор.

— Да спрашивай, я уж краснеть не буду,— махнула рукой Дженна.— Ну да, любовники были, но только те люди, которые мне нравились.

— Ты их любила? — в лоб спросил Конан.

— Понимаешь ли, варвар,— с непонятными мне философскими интонациями в голосе сказала Дженна, не делая паузы,— ложиться в по-

стель стоит только с тем человеком, к которому испытываешь либо настоящую любовь, либо глубокую привязанность, как к другу. Понимаешь? В противном случае это и не любовь, и не дружба, а кроличий садок. Все мои бывшие любовники были моими хорошими друзьями. Кого унес огонь, кого — железо, с кем характерами не сошлись... потом. Чего ты хочешь от меня добиться? Затащить в спальню? И Дженна из Пограничья будет очередной фавориткой варварского короля? Благодарю покорно. Этого ты от меня не получишь. Ты мне нравишься и как мужчина, и как друг, на которого можно положиться, мы не раз спасали друг другу шкуры, но я предпочитаю видеть в тебе боевого товарища, а не любовника. Боевого товарища, который всегда станет за твоей спиной, и за спиной которого могу встать я.

— Тьфу, дура, сколько слов наплела! — обиделся Конан, и я вздрогнул, услышав звук оплеухи, нанесенной женской рукой.

— Я могу быть для тебя кем угодно, но только не душой, — железным голосом процедила Зенобия. — Поостерегись в словах, варвар. Сам знаешь древние легенды нашего народа. Словом можно ударить сильнее, чем мечом. И мне плевать, король ты или последний наемник.

— В самом деле плевать? — в голосе Конана появились непонятные мне обрадованные нотки. — Вот что, давай будем говорить прямо. Мы боевые друзья, союзники, через многое прошли... Да ты сама упоминала! Хочешь быть моей же-

ной? По-настоящему? Пройдя через все обряды? Я тебя не покупаю, я просто предлагаю тебе самого себя вместе со всем, что у меня есть. Считай, с домашним хозяйством. А хозяйство называется Аквилония.

— Прямо сейчас, что ли? — усмехнулась Зенобия. — Еще и с хозяйством? Видывали хозяйства и получше вашего. Во всех смыслах. Эх, варвар, варвар! А если отвечу, что согласна? Гляди, такую возможность упускать не буду! Не пожалеешь потом? Давай подумаем.

— Срок раздумий? — осторожно спросил киммериец.

— Помнишь, что нагадала Меланталь? Лето! Вот до лета и подумаем. Но гляди, ущипнешь меня за грудь или задницу до означенного срока — превращу твоё причинное место в кисель!

И внезапно жесткий и насмешливый тон Зенобии полностью изменился. Исчезла «гром-баба», наводившая ужас на противников и заставлявшая уважать себя самых сильных мужчин. Она вздохнула и как-то очень тихо сказала:

— А знаешь, Конан Канах, мне всегда хотелось детей... И чтобы я знала, что дети будут накормлены, напоены и у них будет свой дом. И прежде всего — сильный отец. Я сказала.

Сквозь ветки мне было видно, как Конан слегка поклонился, приложил руку к сердцу и отдельно произнес:

— И я сказал. Это слово Конана из клана Канах. Ждем лета. Пойдем, покатаемся на лошадях в парке?

Как только звуки шагов стихли, я захлопнула папку с пергаментными, едва не растерял детали пюпитра и со всех ног понесся наверх, в библиотеку. Очень уж хотелось записать два нечаянно услышанных разговора. Кто знает, вдруг мои уши, сами того не желая, слышали решение, долженствующее определить дальнейшую судьбу Аквилонии?

Посмотрим-посмотрим...

Зенобия, королева Аквилонии? А что, звучит!

19 день Третьей весенней луны.

Интересно, как обстоят дела у Даны Эрде? До нас с некоторым опозданием дошла весть о ее шумном побеге с церемонии собственной казни в Бельверусе, а спустя полторы седмицы мне окольными путями доставили толстенный пакет, содержащий десяток мелко исписанных листов пергамента. По какой-то причине девица Эрде выбрала Халька Юсдаля своим доверенным лицом, отправив ему подробное описание последних трех лун своей жизни. Слог, надо признать, у дочки Мораддина весьма хорош, хотя по молодости лет она склонна к излишней драматизации событий и преувеличению своей вины.

Поскольку в послании Долианы ясно указывалось, что оно предназначено не только мне, но также королю Аквилонии и всем, кто имел отношение к событиям при Демсварте, я прочел его вслух на традиционных вечерних посиделках у Его величества.

Теперь почти все наши подозрения относительно замыслов и поступков Тараска Эльсдорфа сотоварищи получили подтверждение, однако письмо Даны Эрде не могло служить неоспоримым доказательством. Именно это в течение всего вечера Пуантенец и я пытались втолковать королю. У Долианы нет никаких осязаемых свидетельств, кроме собственных умозаключений! Нет, она, безусловно, говорит правду, но этого недостаточно, чтобы заново собирать Совет Семи королев и предпринимать какие-то шаги против Немедии. Что делать? Ждать, мой король, набраться терпения, продолжать словесную дуэль и ждать. Хорошо бы Дана объявилась самолично, желательно вместе с Камнем, из-за которого заварилась каша, и своим одноглазым дружкой, втянувшим умненькую и настойчивую дочку герцога Эрде в новую авантюру. Будем надеяться, маг из Рабиров не позволит своей подопечной натворить глупостей.

— Как бы не так, — желчно высказался в ответ на это Конан. Пояснять свои слова варвар не пожелал, добавив только, что Хасти вкупе с Даной способны выкинуть шутку почище многих предыдущих, включая похищение Камня, Рокод и битву при Демсварте. И вообще, подобное тянется к подобному, а женщинам семьи Эрде только дай завести интрижку с каким-нибудь незаурядным типом...

Ольтена, по-моему, изрядно задело последнее замечание, но немедиец скрыл свое недовольство. Принц вообще с каждым днем становился

все раздражительнее. Его можно понять: жизнь-то ему спасли, но смысл этой жизни утратился. Кто он теперь? Беглец в чужой стране, почти лишенный надежд на возвращение законного трона. Король Аквилонии способен предоставить ему надежное убежище и даровать какой-нибудь титул, однако что ждет Ольтена в будущем? Прозвище «вечного изгнанника» и выжидание удобного момента, дабы загнать удачливому противнику нож в спину? Сколько может длиться подобное шаткое противостояние? История должна получить определенное завершение, а трон Немедии — законного владельца...

Как произойдет в действительности — решим мы. Вместе.

Глава шестая

*Записки Долианы,
герцогини Эрде-младшей — III*

«Если повезет мне в этой игре...»

*Шадизар, Заморийский протекторат.
21 день Третьей весенней луны.*

Простой у нас получился разговор. Из тех, после которых люди либо расходятся — навсегда, выжигая из памяти услышанное... либо остаются вместе — тоже навсегда.

Где-то незадолго до рассвета я поняла, что останусь. Вопреки доводам разума, страху и недоверию.

Останусь не потому, что Элар был очень убедителен — а он умел быть убедительным. Не из любопытства и не из-за тщеславия. Я сделала выбор. Коли судьба решила свести Долиану Эрде, дитя гнома и рабирийского гуля, с созданием, владевшим миром, когда людей в помине не было...

Что за высокопарную чушь я несу? Не проще ли принять все, как есть: мужчина и женщина, Дана и Эллар, беглая мятежница и странствующий волшебник-воин. И пожалуйста, обойдемся без возвращений из прошлого, переселений душ и памяти, хранящейся в крови предков! Такие истории хороши для страшных преданий и возвышенных баллад, а я просто хочу выжить и исправить свои ошибки!

— Да, и Заклятие Единства ты придумала сама,— с невеселой усмешкой разбил мои надежды Эллар.— Как бы сказать... Это заклинание невозможно прочитать в книге или сложить по интуиции. Оно может только родиться — само собой. Или передаться по наследству. Ты — потомок Иллирет, которая однажды произнесла эти слова и обещала вернуться.

— То есть я — это она? — уточнила я, чувствуя, как с каждого слова капает яд.— Вот спасибочки!

— Не злись,— устало попросил Рабириец.— Ты — это только и единственно ты, Долиана Эрде. Чем-то ты напоминаешь Иллирет, но только напоминаешь. Ты родилась в иные времена, у тебя совершенно другой склад ума, другие трудности и другие радости,— он помолчал и вполголоса быстро произнес: — И судьба у тебя должна быть иной, нежели у нее.

Крылось в его тоне нечто, заставившее меня отказаться от мысли уточнить, как именно жила и закончила свое существование моя далекая прародительница.

Снаружи долетело приглушенное громохание колес по булыжнику: на улицах появились первые, самые ранние торговцы, спешившие на рынок. В кронах росших во дворе деревьев голосила воробьиная стая. Сквозь задернутые занавеси робко просочился желтоватый солнечный луч, отразившийся яркой искрой на камнях откатившейся в угол серебряной диадемы.

— С меня довольно,— я решила подвести черту под тягостной беседой.— Не знаю, как ты, а я собираюсь немного вздремнуть. Мне все равно, кто ты есть. Для меня ты был и останешься Элларом из Рабиров, волшебником, слегка помешавшимся на истории древних времен. Если понадобится, ты знаешь, где меня найти — на этой жуткой постели в соседней комнате.

Я сбежала, пока Эллар искал достойный ответ на подобное нахальство своей ученицы. Рухнула поперек кровати и забыла о мире прежде, чем успела толком закрыть глаза.

Мне приснилась заросшая лиловым вереском равнина, обрывавшаяся в серо-голубоватый океан, и обгоревшие развалины огромной крепости, над которыми тоскливо свистел ветер. Во сне я сидела на прибрежных камнях и ждала кого-то, а он не шел и не шел... В руках у меня лежал поблескивающий Каримэнон, и я колебалась — может, выбросить камень в море? Вечно от него одни неприятности. Он, подобно своему творцу, слишком чужд этому миру.

И вдруг я поняла, что дожидаюсь напрасно. Никто не придет. Победенные и победители

давно умерли. Осталась только старая крепость, и ту скоро поглотит море.

— Знаешь, какая вещь стала для меня самой удивительной, когда я осознал, что снова живу? — спросил меня этой ночью Эллар. — Безжалостное милосердие времени. Оно стерло любые воспоминания о нас. Имена богов и смертных, даты сражений, места битв, даже саму цель наших войн. Поначалу я возмущался людской забывчивостью, потом догадался — это спасение. Теперь я могу стать тем, кем хочу. Нет нужды враждовать и нет необходимости ворошить прошлое. Мое время завершилось. Пусть бывшее пребывает в покое на морском дне, вместе с Цитаделью, а я — я затеряюсь среди множества людей.

— Божество, которое захотело стать человеком, — задумчиво произнесла я.

— Не я один, — ответил тот, кого некогда звали Ротой — Всадником Ночи. — Нынешние хранители вашей земли тоже частенько бродят одними дорогами со своими смертными подданными. Божественность не избавляет от скуки и бездеятельности, а всемогущество порой оборачивается полнейшей беспомощностью. Что же до меня, то я благодарен за каждый прожитый день последних тридцати лет. Я остался жив, хотя был приговорен к вечному изгнанию из мира, и теперь я нашел тебя. Можно ли желать большего?

Это фраза эхом отдавалась у меня в голове, когда я снова открыла глаза. В спальне по-прежнему стоял полумрак, однако под дверной занавесью

весью дрожала лужица ослепительного полуденного света. Домочадцы и слуги месьора Ши Шелама давно проснулись и занялись своими делами, только благородная девица Долиана Эрде — между прочим, любимая ученица божества на покое! — изволит дрыхнуть. Возмутительно! Вестри бы меня наверняка высмеял, а отец укоризненно посмотрел и намекнул, что ранние пробуждения способствуют достижению успеха в жизни.

Что бы сказал Мораддин Эрде по поводу моего избранника? Наверное, не одобрил бы. Или заметил, что я слишком молода для близких отношений с мужчинами. Впрочем, невесело добавил бы он, учитывая образ жизни Гинги Эрде, поведение возлюбленной дочери его ничуть не удивляет.

*21 день Третьей весенней луны.
Ближе к полудню.*

Хозяин дома и гость обнаружили во внутреннем дворе, где в тени старых платанов таился низкий столик. Я нашла их по голосам — приглушенным и увлеченным спором. Подумала, что не стоит мешать, однако месьор Ши меня заметил и яростно замахал, призывая составить компанию.

Со стороны посиделки шадизарца и мага из Рабиров более напоминали военный совет. Редчайший случай — Эллар решил не пугать окружающих своей жуткой физиономией и извлек из

вьюков сдержанно ненавидимую им мягкую кожаную маску, закрывающую обожженную половину лица.

— Есть маленькое затруднение,— заговорил достопочтенный Шелам, не дав мне даже рта раскрыть.— Похоже, меня попытались надуть, чего я крайне не люблю. Мой давний приятель Хасти утверждает, будто ты, Дана, наделена способностью разгадывать сложнейшие загадки. Не уделишь ли внимания моей?

«Давний приятель» соорудил виноватую физиономию и вопросительно покосился на меня. Похоже, он считал ночной разговор не оконченным и ждал моего решения.

Оно не замедлило последовать. Я бесцеремонно уселась на подлокотник кресла Эллара, стянула с блюда огромный желто-оранжевый персик, надкусила его и потребовала:

— Расскажите, что случилось, господин Ши.

— Я же говорил: она все поймет,— хихикнул шадизарец и повернулся ко мне: — Маленькая госпожа, ты не обижайся на Хасти. У него за давностью лет в голове кое-что перепуталось, а вообще-то он...

— Ши,— укоризненно произнес маг из Рабиров.— Перестань сплетничать. Мы сами разберемся.

— Пока ты решишь в чем-то разобраться, еще тысяча лет пройдет... Ладно, дело вот в чем. Вы мою делянку видели?.. Хасти, мы же вроде договорились — без обид! Каждую весну, как маки начинают цвести, весь Шадизар словно с це-

ли срывается. Уйма завистников мечтает найти мое драгоценное поле и снять с него урожай. Само собой, приходится держать там с полсотни человек охранников. Большинство — карпашские горцы, которых интересует только выполнение поручения и жалование. Они слегка туповаты и не задают лишних вопросов, что меня вполне устраивает. Иногда к полю отправляются те из моих мальчиков, кто слишком отличился в городе — чтобы глаза не мозолили и поразмыслили на лоне природы. Именно по этой причине в начале прошлой луны я отослал туда некоего Чамду по прозвищу Зажми Монету. Дрянной человечешка, между нами говоря, и скряга редкостный, но кое в чем полезен. Именно он вместе с парочкой карпашцев прикончил парня, звавшего себя дезертиром из немедийской армии. Сам я этого беглеца не видел, мне просто доложили о происшествии, когда я навещал долину. Случилось это пятого или шестого дня нынешней луны. Спустя три дня я вдруг натыкаюсь на Монету в городе, хотя ему строго-настрого приказано носа не казать из гор. Он пьян в лежку, карманы у него набиты золотом и отвечать на разумные вопросы он не желает. Вернее, не в состоянии. Я распорядился сунуть разгильдяя в один уютный погребок и держать там, пока не протрезвеет, дабы потом расспросить. К сожалению, разговора не состоялось — на следующее утро Чамду нашли болтающимся на балке. И не понять, сам он туда забрался или ему помогли верные друзья. Горевать по нему долго не стали,

а сволокли на кладбище у Пыльного холма. Теперь являетесь вы и брякаете, будто у этого немедийца могла быть при себе какая-то ваша фамильная драгоценность. Я начинаю задумываться и прихожу к выводу, что...

— Что упомянутый Чамда вполне мог тайком прихватить искомое и продать кому-нибудь,— закончила я.

Вот и отыскался пропавший След! Теперь понятно, отчего я на какое-то время его потеряла. Талисман сменил владельца, причем при весьма печальных обстоятельствах.

— Нам нужно как можно быстрее найти эту вещь,— размеренно проговорил Эллар.— Но как? Кому ее могли продать?

— Вещица дорогая? — ответил вопросом на вопрос Ши. Я украдкой ткнула Рабирийца локтем, намекая, чтобы он не говорил слишком многого. Старая дружба, конечно, старой дружбой, но матушка, частенько бывавшая в Шадизаре, рассказывала нам с братом, что в этом безалаберном городе действует только один закон: «Никому не доверяй».

— Скорее, ее ценность заключается в магической силе,— расплывчато отозвался мой приятель.

— Волшебство! — месьюр Ши Шелам скорбно закатил глаза.— Только этого не хватало! Скоро будет не продохнуть от враждующих магиков! На днях одному дом подпалили — так полыхало, с трех окрестных кварталов народ сбежался поглазеть!

— Когда? — Эллар вдруг подался вперед.— Когда это случилось?

— Э-э... — почтенный Шелам задумался, считая на пальцах.— Почти десять дней назад, а что?

— Где именно? — у меня по спине проползла холодная шершавая змейка дурных предчувствий.

— Квартал Ламлам, улица Кисиндо... Да что такое? Хасти, кончай наконец говорить недомолвками!

— Пожалуй, Дانه будет небезынтересно совершить прогулку по Шадизару,— заявил Эллар, вставая.

— С одним только условием. Одним-единственным,— быстро произнес Ши.— Ты постарайся ничего не разрушать и никого не убивать, идет? Обещай! Обещай, иначе никуда вы не пойдете!

— Я просто хочу показать моей ученице ваш прелюбопытный городок,— на удивление кротко сказал Рабириец.— Кстати, не подскажешь, где можно найти Аластора?

— Уж точно не в протекторской резиденции,— хмыкнул Ши Шелам.— Оттуда его выставили. Загляните в «Коринфские сады» или «Пещеру демона». Скорее всего, он вас сам отыщет. Наткнетесь на следы своей побрякушки, узнайте, сколько за нее выручил этот ублюдок Чамда. Мне причитается треть, и я намерен ее получить.

21 день Третьей весенней луны.
Второй послеполуденный колокол.

Шадизар и в самом деле оказался прелюбопытным городом, переплавившим в себе, как в кузнечном горне, черты ближайших соседей — упорядоченной и высокомерной Немедии, варварской Бритунии, роскошного Турана и воинственного Кофа. Шумный, говорящий на всех языках Материка и наречиях, распространенных за морем Вилайет, пропахший острыми запахами пряностей, верблюжьей шерсти и подгорелого жира, прокаленный солнцем, многолюдный и красочный, он совсем не походил на отдаленное захолустье, каким его обычно представляют. Имелось в этом заморийском поселении нечто от ярких декораций на подмостках лицедеев — дома и замки выглядят почти настоящими, но, если отдернуть разрисованные занавеси, увидишь подпорки из бревен и хитросплетения канатов, за которые дергают невидимые снаружи люди.

Бросьте кости на грязный стол,
Залитый дешевым вином,
Ведь если повезет мне в этой игре —
Повезет и во всем остальном.
Пусть осталась одна монета,
Но вином еще полон кувшин:
Это зелье, наверно, растопит
Лед великих горных вершин...

Незамысловатая песенка, казалось, доноси-
лась отовсюду. Возможно, она просто растворя-

лась в воздухе, чтобы залихватски прозвенеть то здесь, то там. Меня с головойхватило вульгарное, режущее глаз поддельным блеском местное очарование. Оно не исчезло даже, когда я обнаружила досадное исчезновение с пояса кошель, срезанного одним взмахом заточенной монеты. Сочувствия от Эллара дожидаться не удалось: магехиднофыркнул и посоветовал впредь не таращиться по сторонам, подобно удивленной провинциалке.

Сам-то он предусмотрительно ссыпал свое золото в удивившую меня сумку из переплетенных стальных нитей и спрятал ее за пазуху. А мне ни слова ни сказал!

— Лучший опыт — полученный на собственной шкуре, — Рабириец решительно отверг мои обвинения в том, что он или Ши Шелам заранее подстроили грабеж, дабы заезжая немедийская герцогиня прониклась всеми сторонами местного бытия.

Шли мы диковинными зигзагами, ибо Эллару взбрело в голову навестить места, хранившие для него какие-нибудь воспоминания. Я с удивлением узнала, что лет тридцать назад Столицу Воров изволил осчастливить своим пребыванием нынешний правитель Аквилонии — тогда всего-навсего подросток из неведомого цивилизованным людям варварского племени. Каким образом оказался в Шадизаре сам Элар, мне оставалось только догадываться. Рабириец и Ши Шелам предпочли обойти этот загадочный эпизод молчанием.

Похотливый факелов свет
Обнимает танцовщиц тела,
Барабаны сбиваются с ритма,
В очаге остывает зола...
Ничего, еще отыграюсь,
Не забудусь беспмятным сном,
Ведь если повезет мне в этой игре —
Повезет и во всем остальном!..

Под звуки безыскусной мелодии мы с трудом пробрались по тесным улицам, прилегающим к огромному, распластавшемуся на целый квартал приземистому зданию бело-оранжевого камня, действительно требовавшему ремонта. Гул над этим сооружением стоял такой, что вы рисковали не услышать находящегося рядом собеседника. Выяснилось, что сие — очередная городская достопримечательность, Каменный рынок. Есть еще Мясной, Зеленный, Блошинный, Конский и с полдюжины иных, не считая того, что сам город представляет из себя одно большое торжище, не умолкающее ни днем, ни ночью.

Думаю, что в одиночку я бы непременно увязла в царящей повсюду пестрой круговерти, отмахиваясь от зазывал, содержателей уличных лотков и сонма нищевродов. Какие-то личности вкрадчивым шепотом предлагали мне совершить краткий визит в одно приличное место, намекая, что я не буду разочарована... Последнему соблазнителью я так неудачно наступила на ногу, что он едва не оказался под колесами застрявшей в толчее повозки.

После этого я старательно держалась как можно ближе к Эллару — ему уступали дорогу даже в кипящей людской сумятице. Конечно, кто захочет связываться с мрачным одноглазым типом, вооруженным устрашающего вида двуручником и всем видом доказывающего: мол, при желании он может запросто скупить этот паршивый городок, только неохота тратить время и деньги на обзаведение сущей помойкой.

Ведь я знаю, что такое удача —
Посмотри, я покуда живой!
Но я видел горящие башни
В небесах над моей головой.
И как плавилась черные стены,
И в огне извивались тела,
И из мертвых пещер выползала
Ледяная кипящая мгла.
И как падали те, кто был рядом,
И как солнце мерцало сквозь дым...
Знай, мой друг, что такое удача:
Возвращаться из боя живым.

— Случаем, не твоим былым подвигам посвящается? — осведомилась я, уловив новый куплет и облегченно переведя дух — мы выбрались из рыночной толпы на относительно тихую улочку.

— Спроси при встрече у Аластора, он сочинял, — недовольно буркнул Рабириец.

— Великий протектор страдает тягой к рифмоплетству? — съехидничала я.

— Неодолимой, — Эллар огляделся, соображая, в какой части города мы находимся. — Ала-

стор Кайлиени обожает жизнь в любых проявлениях, и песни у него такие же, как он сам и его любимый Шадизар.

— Интересно, что получится, ежели вы устроите состязание? — мелькнул и исчез образ: падающие золотые монеты, ослепительно-солнечные, завораживающие взгляд, и холодная серебристая сталь меча, лежащего на отрезе черного бархата.

— Разгромленная таверна, — без малейшей ушмешки откликнулся Эллар. — Музыка, магия и неумеренные возлияния иногда приводят к самым внезапным последствиям...

Я понимающе кивнула и от души подпела финалу песни, долетевшему из распахнутых дверей трактира:

Так бросьте кости на грязный стол,
Залитый дешевым вином,
Ведь если повезет мне в этой игре —
Повезет и во всем остальном!..

Переулочек вильнул, уткнувшись в маленькую площадь, в углу которой упрямо пытались расцвести десяток чахлах кустиков акации. Они обступали некое сооружение с островерхой крышей, похожее на придорожное капище. Возле часовни находился разглагольствующий проповедник и кучка внимательных слушателей.

Из любопытства я свернула к молельне: послушать, какие истины возглашаются в этом слегка сумасшедшем городе торговцев и мошен-

ников, и узнать, кому из богов нашей земли принадлежит алтарь. Подобные сооружения мне незнакомы. Черный мрамор с голубоватыми прожилками, забранная решеткой ниша, в ней горит свеча, упрятанная в фонарь из алой слюды. Чье святилище? Может быть, покровителя Шадизара — Бела? Нет, я читала описания, храмы Обманщика выглядят по-иному, таких часовен ему не ставят...

Адепт неведомого учения — молодой, по виду чуть старше двадцати — повествовал с жаром, достаточным для обращения в свою веру любого закоренелого скептика. Последователи, трепеща, внимали. Какая-то девица приглушенно ахала.

— Братья мои и сестры возлюбленные! Нынче собрались вы здесь, объединенные невзгодами, нищие духом, сырые и утратившие веру, исполненные пустых мечтаний и взыскующие странного! Преданно взираете вы на меня, будто в лице моем узрите Защитника и Благодетеля, и посланца Бога Всеединого. Но вижу я в том не надежду и упование, но великую слабость и скорбь, ибо Учитель заповедовал иное. Нынче истинно говорю вам: не за мной идите по Пути, но свой Путь ищите, единственный. Слово мое. — не поводите вас во Тьме, но Свет, изгоняющий тени сомнения. Не во мне ищите Силу, но в сердце своем, ибо мне ведомо, что Ее там кладень неискраемый! Вставшему на колени — легче пасть, преклонившему же колено светлей подняться...

— Кому они поклоняются? — я настойчиво затеребила Эллара за рукав. У меня появилось

недвусмысленное подозрение, будто мне знакомы кое-какие изречения Посвященного. Я слышала их совсем недавно, от моего близкого знакомого, одноглазого мага с Полуденного Побережья.

Упомянутый маг прислушивался к горячей речи молодого жреца с непонятым выражением: слегка удивленным и одобрительным, время от времени слегка кивая.

— Некому Астэйру, местному хранителю неудачников, — Рабириец сделал паузу и, наклонившись, заговорщицким шепотом добавил: — А вообще-то — мне. Только не смейся.

Смеяться я вовсе не собиралась, ибо потеряла дар речи.

Впрочем, потом очнулась и озадаченно потребовала разъяснений.

— Когда я появился в Шадизаре, мне нужно было как-то проявить себя, занять место в новом мире. На пару с одной сообразительной девушкой, Ильхой Нираель, я придумал новую религию и новое божество. Замысел вышел на редкость успешным, ибо в таком городе, как Шадизар, неудачников хватает с избытком. Из Ильхи получилась отличная проповедница. Талант, похоже, перешел по наследству. Мальчик, который сейчас покоряет толпу — ее старший сын, Кейро Сиверн, — Эллар попятился, увлекая меня за собой. — Идем, пока он меня не заметил. Начнутся расспросы, потащат в гости, а у нас дела. Если хочешь, я потом познакомлю тебя с госпожой Сиверн и ее семейством.

— Хочу, — неуверенно сказала я. Подумала и кивнула: — Да, хочу.

Миновав еще два или три перекрестка, мы пересекли границу квартала Ламлам. Мой приятель, похоже, хорошо помнил расположение запутанных переулков и проездов города, потому что вел меня, не задерживаясь и не спрашивая дорогу.

Сторевший дом неизвестного волшебника на улице Кисиндо скорее заслуживал названия небольшой усадьбы. Обширное пепелище, обнесенное сооруженным на скорую руку шатким заборчиком, наводило на угнетающие мысли — торчащие огрызки фундамента, рассыпанные вперемешку щебень, пепел, обломки балок и черные скелеты обуглившихся фруктовых деревьев. Наш дом в Бельверусе, должно быть, выглядел таким же. Странно, тягостные воспоминания не причинили мне обычной, давящей на сердце боли. Должно быть, прошло время и раны начали затягиваться.

Куда больше меня привлекали запахи, витавшие над руинами. К обычной вони горелого дерева и ткани примешивался еле различимый, чистый аромат горького миндаля. Вслед за ним пришел тоскливый звон, в котором слышалось повторение одной и той же фразы: «Где ты? Где ты?»

Камень! Каримэнон побывал здесь! Новый обладатель сокровища самоуверенно решил прибегнуть к его Силе, и заклятый мною Талисман ответил наглецу всесокрушающим ударом. Ито-

ги ярости Алого Камня можно созерцать воочию. Почему же я не ощущаю его близкого присутствия? Неужели он пропал и отсюда?

Пока я бесцельно шаталась вдоль ограды, тщетно стараясь отыскать магический След, Эллар предпринял собственный поиск. Остановил проходившего мимо горожанина почтенного вида, начал расспрашивать о пожаре. Немедля возникли желающие помочь доброхоты, кто-то утверждал, будто лично видел, как посреди ночи внезапно запылал весь дом. Именно весь, а не какой-нибудь флигель, где нерадивая служанка опрокинула свечу. Да-да, так и занялось — от подвала до чердака!

— Мага звали Тайхет из рода Алманда, прозвище — Серый Филин, — поделился узанным Рабриец, ненавязчиво уводя меня с места пожара. — Вместе с ним сгорели две его наложницы, ученик, ночевавшие в доме приятели ученика, три десятка слуг и охранников, а также библиотека и магическая лаборатория. Свидетель, похоже, не врет, говоря, что усадьба вспыхнула целиком — я проверил его Словом Ключа. Тайхет был известен тем, что охотно скупал артефакты и талисманы сомнительного происхождения. Он мог позволить себе такие расходы, ибо обладал изрядным состоянием в золоте и драгоценных камнях. По-моему, цепочка событий такова: с поля битвы под Демсвартом Камень похищается человеком, известным нам как «немедийский дезертир». По неизвестным причинам Дезертир бежит в сторону Заморы — может, у

него тут дальняя родня или он намеревался на вырученные за Талисман деньги начать новую жизнь.

— Однако беглецу не везет — он наталкивается на стражей поля месьора Ши Шелама, — кивнула я. — Его убивают, приняв за лазутчика. Скупердяй Чамда на всякий случай обшаривает карманы покойника и находит Камень. У Чамды наверняка голова пошла кругом, и он поспешно сплавил находку не слишком чистому на руку колдуну, после чего запил и был прикончен неизвестными лицами, дабы не наболтал лишнего.

— Тайхет не сумел распознать Заклятия Единства и неудивительно — последний раз его применяли несколько тысяч лет назад, — Эллар мотнул головой, отбрасывая упавшие на лицо волосы. — Камень отказался ему подчиняться. Вопрос в том, куда Каримэнон делся потом? Я правильно понял, что ты не сумела найти След?

— Я слышу отголоски, — грустно призналась я. — А сгореть Камень не мог?

Мудрейший наставник ответил на робкое предположение своей ученицы презрительным фырканьем.

— Значит, его кто-то взял, — рассудила я. — Завал на месте сгоревшего дома ведь разбирали? Разбирали! Кому положено заниматься подобными делами?

— Городской управе, — не задумываясь, ответил Эллар и сокрушенно вздохнул: — Там мы ничего не добьемся. Вдобавок в городе тихий мятеж против немедийского протектора и на по-

мощь властей можно смело не рассчитывать. Придется навестить того, кто знает в этом городе все про всех.

— Кайлиени? — сообразила я.

— Его самого.

*21 день Третьей весенней луны.
Пятый послеполуденный колокол.*

Как уроженка Немедии, я до недавних событий свято веровала в силу закона. Я и сейчас в нее верю, только с оглядкой, убедившись, что законы создаются обычными людьми. Я сама написала десяток указов, пока вместе с Ольтеном и прочей компанией верховодила Рокодом Полуночи.

Именно поэтому я продолжала настаивать на том, чтобы посетить местную городскую управу. Просто взглянем, что она из себя представляет. Может, отыщем сведущего человека, нуждающегося в десятке лишних серебряных крон с изображением немедийского дракона в королевской короне.

— «Все на продажу!» — таков девиз нынешних времен, — поддразнил меня Эллар, однако на предложение навестить оплот законности согласился.

— Да-да, мир стареет и ощутимо клонится к закату, — голосом разочарованной пророчицы подхватила я. — Грядет конец времен, уцелеют только праведные... В списки коих нас, несомненно, не внесут.

— Не внесут, — согласился Рабириец и мы в очередной раз застряли подле входа в какой-то дом, дабы поцеловаться. Над нами с треском распахнулось окно, сильный женский голос посоветовал отыскать более подходящее место, а лучше — снять у нее, домовладелицы Мирдис, уютную комнатку на пару колоколов... Между прочим, задешево — всего-то по полусотне монет с человека!

Мы вежливо отказались и удрали, чувствуя себя шкодливыми подростками.

На следующем перекрестке нас едва не затянуло в плотную, занимавшую всю улицу толпу, целеустремленно двигавшуюся в сторону полуденных кварталов — то есть туда, куда направлялись и мы. Толпа не производила впечатления обычного бестолкового сборища, скорее, это напоминало шествие, причем такого рода, которое способно обернуться погромами и стычками с городской стражей.

— Куда это они? — вслух спросила я, созерцая проходивших мимо обитателей Шадизара.

— Пойдем и узнаем, — предложил Эллар. — Похоже, нам по пути.

Дождавшись, когда появится хвост процессии, мы пристроились в задние ряды и бодро замаршировали вслед за разбухавшей толпой. Слева над домами появилась и стинула зеленая черепичная крыша Каменного рынка, многолюдное собрание повернуло и разлилось по широкой площади, примыкавшей к строению настолько официально-высокомерного вида, что в нем с пер-

вого взгляда узнавалось пристанище власти. Власти не местной, навязанной извне, и я даже знала, какого происхождения — немедийского.

Здание строили в подражание многочисленным городским управам Трона Дракона, но слегка перестарались с количеством массивных колонн, барельефов, аллегорических фигур и прочих архитектурных изысков. Как многое в этом городе, величественный некогда дом пребывал в изрядно запущенном состоянии — облупленная краска на стенах украшена многочисленными надписями незамысловатого характера, фриз над вторым этажом наполовину обвалился, а статуя Правосудия лишилась носа и одной руки. Вывешенный над фронтоном немедийский флаг слабо колыхался в душном воздухе. Караульные на широкой лестнице переминались с ноги на ногу и боролись с желанием спрятаться за надежными, коваными дверями.

Шествие рассыпалось на множество людских островков. Словно уловив поданный кем-то невидимым сигнал, площадь оживилась, зашумела и приступила к действиям.

В окна управы, за которыми смутно белели струхнувшие физиономии чиновников, градом полетели камни, тухлые овощи, рваные сапоги, дырявая посуда и тушки дохлых зверьков — кошек и крыс. Компания молодежи, особо увлеченной борьбой за независимость родной провинции, деловито развернула принесенное с собой чучело дракона, сооруженное из палок и ветоши. Символу Немедии нацепили жестяную ко-

рону, подожгли и начали таскать из конца в конец площади, под общее улюлюканье и ободряющие вопли. Я расслышала проклятия жадности Немедии, задушившей честных торговцев налогами, и пожелания скорой — желательно мучительной — смерти новому протектору, а заодно и королю, его сюда приславшему.

Тряпичный дракон грустно дымился и вонял. Кто-то раскрутил веревку с крюком и забросил ее на флагшток управы, пытаюсь сдернуть знамя.

Такое нахальство показалось чрезмерным даже флегматичным стражникам, предпринявшим вялую попытку отогнать наглеца. Веревку перерубили, спустя миг на ее месте появилась новая, и стяг все-таки сорвали. Под общих хохот черно-красно-белое полотнище повязали на шею дракону.

Внутри здания, похоже, вспыхнула паника. Из дверей вытолкнули какого-то человека, он надрывно выкрикнул несколько слов, обращаясь к сборищу на площади, получил гнилой брюквинной по лысине и торопливо убежал обратно. За ним последовала часть охранников управы, другие предусмотрительно скрылись. Запылавшее чучело с размаху кинули догорать на ступеньки, и тут из-за угла здания показалась веская угроза крикунам и истинная опора правопорядка — с полсотни легионеров под узким штандартом, завершающимся фигуркой золотого дракона. Блестители не спеша выстроились полукругом перед ступеньками лестницы. Вопли собравшихся

несколько поутихли, десяток-другой наиболее осматрительных поспешно юркнули в переулки.

— Вы что здесь делаете? — вопрос, полный искреннего изумления, прозвучал откуда-то сзади. Мы на редкость слаженным дуэтом развернулись, столкнувшись лицом к лицу с его разжалованной милостью Аластором Кайлиени.

— Созерцаем вольные городские нравы, — невозмутимо ответил Эллар.

— Добрый день, месьор Кайлиени, — присовокупила я.

— Нравы в самом деле чересчур вольные, — Аластор мельком глянул на площадь, грозившую вот-вот превратиться в поле маленькой битвы, перевел взгляд на нас и почему-то кривовато ухмыльнулся, будто знал нечто такое, о чем никто даже не подозревает. А может, у него просто с рождения физиономия такая — лукавая и обманчивая. Вроде бы серьезно разговаривает, но что-то не позволяет до конца поверить этой серьезности. — Госпожа Дана, мое почтение. Счастливи видеть тебя в добром здравии. Эллар, не скажу, что я очень рад твоему явлению, но долг хозяина есть долг хозяина. Мне шепнули, что вы вчера приехали. Вы, кстати, удираете от Тараска или?..

— Или, — не дал ему договорить Рабириец. — Мы в городе ненадолго и нам нужен твой совет.

— Улица — неподходящее место для беседы двух умных людей и одной сообразительной юной дамы, — Аластор решительно потянул нас за собой. — Раз вы знакомитесь с местными тра-

дициями, то без посещения таверны никак не обойтись. Как дела у досточтимого Ши? Вы у него живете, верно?

— Месьор Ши Шелам процветает, — съязвила я. — Разводит весьма своеобразные цветы.

— А-а, — Кайлиени понимающе закивал. Эллар сделал вид, что наша болтовня его ничуть не интересует, и спросил:

— Что у вас творится? Я имею в виду шумиху на площади.

— Пока — лишь разрозненные выступления недовольных горожан против немедийских властей, — Аластор сделал явственное ударение на слове «пока». — В остальном все по-прежнему — кого-то грабят, кто-то жульничает, кто-то попадает...

— Кто-то — только не ты, — с едкой и одновременно слегка завидующей интонацией произнес Рабириец.

— Только не я, — с яснейшей улыбкой согласился бывший великий протектор. — Попался именно ты, мой друг... Кстати, слышали последние новости из Немедии?

— Нет, — оживилась я. — Расскажите!

Новости заставили мне призадуматься. Между соседними странами развернулась настоящая пергаментная война: Тараск требовал выдать ему беглого злодея короны, Ольтена Эльсдорфа вкупе с сообщниками, а обосновавшееся в Тарантии благородное общество во главе с Конаном Канахом изошрялось в придумывании отговорок и сложении ответных посланий. Гонцы метались

туда-сюда, и, по мнению опытных людей, дело близилось к небольшой войне между Аквилонией и Немедией.

Я подумала, как обстоят дела у Ольтена. Интересно, добралось мое письмо или застряло где-нибудь на почтовой станции? А дядюшка Рейе? Королева Чабела, по слухам, вернулась домой, в Кордаву. Рейенир Морадо да Кадена, ценитель прекрасного, надо полагать, последовал за ней.

*21 день Третьей весенней луны.
Восьмой послеполуденный колокол.*

Таверна с названием «Змея и скорпион» по сути ничем не отличалась от любой иной таверны в другой части света. Закопченные известняковые стены и такой смрадный чад горящего масла, что я невольно закашлялась. В голову поневоле пробрались воспоминания о костре в Бельверусе и печальное соображение — от моих останков воняло бы ничуть не лучше.

Говорил Эллар, я поддакивала в нужных местах. Когда история подошла к концу, месьор Кайлиени присвистнул:

— В этом городе недостает только шляющегося без надзора магического кристалла! Значит, его из-под Демсварта приволокли сюда? Он спалил имение Тайхета вместе с хозяином, после чего опять провалился сквозь землю? Обрадовали, нечего сказать! Эллар, хоть бы раз с твоим приездом в Шадизар случилось что-нибудь хорошее!

— Должно быть, Камень попался на глаза кому-нибудь, разгребавшему завалы на пепелище,— повторила я свое предположение.

— Туда отправили два десятка постояльцев Алронга, это здешняя тюрьма для мелкого жулья,— подумав, сообщил Аластор.— Вечером их загнали обратно, и, разумеется, обыскали — чтобы не стянули с руин чего-нибудь ценного.

Поразмыслив, я спросила:

— Можно ли узнать, вернулось столько же человек, сколько ушло? Может, кто-то сбежал? Заканчивался ли у кого-нибудь срок заключения спустя два или три дня после пожара? Не случилось ли чего-то необычного с теми людьми, которые принимали участие в расчистке дома волшебника Тайхета?

Кайлиени моргнул, недоуменно потряс головой и озадаченно уставился на меня. Правильно говорила матушка: даже лучшие из мужчин не способны без душевного трепета принять мысль о том, что женщины тоже умеют соображать и порой делают это ничуть не хуже сильного пола.

— Я не знаю,— медленно, тщательно произнося почти каждый звук, выговорил он.— Но скоро узнаю. Сидите тут, не вздумайте никуда исчезать.

Он взвился с табурета и умчался к стойке хозяина таверны.

— Ты задала вопросы, на которые у Альса не нашлось ответа,— с глубочайшим удовлетворением признал Рабириец.— Значит, это были совершенно правильные вопросы. Может, тебе сто-

ит поддержать семейную традицию и добиться власти над Вертрауэном?

— Пока Тараск — король, подобного не случится,— хмыкнула я, на миг представив себя в должности главы Пятого департамента.

Вернувшийся Аластор с неудовольствием сообщил, что придется немного обождать. Владелец «Змеи и скорпиона» отправил нескольких своих подчиненных пробежаться по окрестным тавернам и разузнать, какие слухи носят в городе.

Обещанное «немного» заняло почти два колокола. За это время я перепробовала по кусочку от различных блюд местной кухни, научилась играть в «Замки и дороги», одно из любимых развлечений горожан, и узнала множество историй из шадизарской жизни, причем кое-какие показались мне вполне правдивыми.

Известия, доставленные гонцами, вначале шепотом передали хозяину, и уже он пересказал наиболее важные и интересные из них Аластору. Замориец выслушал, раздраженно скривился и махнул нам, указывая на выход.

— Куда идем? — нетерпеливо осведомилась я, снова оказавшись на пыльной, душной улице.

— Тут недалеко,— обычно разговорчивый месьор Кайлиени внезапно изменил своей привычке, из чего я заключила — место, которое нам предстоит посетить, ему сильно не по душе. Что ж, не хочет говорить — не надо. Придем — увидим.

Третий или четвертый поворот вывел нас к высоченной стене, сложенной из обтесанных гра-

нитных валунов. Вдоль стены выстроились пестрые торговые ряды, производившие впечатление удивительно добротных и процветающих. Слышался дробный и частый звон, какой издает ударяющий по металлу молот, только не тяжелый кузнечный, а крохотный ювелирный. Ветер принес кисловатый запах вымачиваемой кожи, сменившийся затем на сухой привкус рассеянной в воздухе мелкой гранильной пыли. Прислушавшись, я уловила низкое гудение быстро вращающегося точильного колеса и скрипящий свист прижатого к нему железного предмета.

— Это же Чамган,— с искренним недоумением произнес Эллар, когда впереди показались наглухо запертые ворота, в изобилии обшитые железными полосами и украшенные отчасти знакомым мне по книгам гербом — наковальня с перекрещенными над ней молотом и киркой.— Зачем мы сюда пришли?

Чамганом, как я помнила из матушкиных рассказов, звался необычный шадизарский квартал, всецело принадлежавший дворам-гномам, подданным горного королевства в Кезанкии.

— Камень здесь? — я слотнула, растерянно глянув на мрачные черные ворота, подле которых топтались здешние охранники — невысокие, едва ли не мне по плечо, зато раза в три-четыре пошире, и казавшиеся способными в одиночку управиться с десятком вооруженных людей.

Аластор, не отвечая, быстро глянул по сторонам и оттащил нас к стене какого-то склада, у входа в который всю кипела бурная жизнь: на

огромных весах взвешивались тюки овечьей шерсти, суетились носильщики, шумели покупатели и задерганный приказчик сорванным голосом выкрикивал цены.

— Нравится? — хмуро поинтересовался бывший управитель Заморы, кивая в сторону гномского квартала. — Похоже, ваши дела сильно плохи. Слушайте, что удалось разузнать. Из тех, кого гоняли растаскивать бревна бывшего дома Тайхета, четверо на следующий день самым законным образом вышли на свободу. Один, некий Исмо, в течение двух или трех дней упорно отирался у лавок Чамгана и договаривался о чем-то с самыми обеспеченными из ювелиров... Нет, не спрашивайте, где его можно найти!

— Догадываюсь, где, — буркнул Эллар. — На кладбище?

Аластор кивнул:

— Пятнадцатого дня нынешней луны Исмо зарезали в драке, сотрясавшей таверну «Дырявый кувшин». При нем, что чрезвычайно поразило собутыльников, нашли не меньше сотни золотых монет офирской и туранской чеканки. Надо полагать, остальные деньги, вырученные за Камень, он либо успел потратить, либо припрятал. Дружки Исмо обшаривают теперь закоулки, где он проживал, и трясут девиц, с которыми он имел дело — вдруг те что-то слышали?

— Думаешь, он продал Талисман гномам? — недоверчиво уточнил Рабириец.

— Не подарил же по доброте душевной на долгую память! — огрызнулся Кайлиени. — Гно-

мы без особого труда заплатили бы ему любую требуемую сумму. Ваш рубин, без сомнения, штука дорогая, но не настолько, чтобы разорить Чамган.

— Как туда попасть? — спросила я, не особо удивившись ответу Аластора:

— Никак. За пятьсот лет существования здешней гномской общины там побывало от силы десятка два человек и не произошло ни одного удачного ограбления. Хотите проверить мои слова — подойдите и постучите в ворота. Гномы изволят процедить пару фраз, но большего вы не дождетесь, — месьор Кайлиени глянул на моего приятеля и веско добавил: — Прорываться силой не советую — никто не знает, сколько на самом деле dwarves проживает в Чамгане и на что они способны, если их разозлить. Не превращай мой цветущий город в руины, идет?

— Как же нам быть? — мне приходилось запрокидывать голову, чтобы разглядеть верх угрюмой стены и торчащие на гребне железные штыри.

— Я попытаюсь что-нибудь предпринять, — Аластор рассеянно пощелкал пальцами. — В Чамгане хоронится пара-тройка приплюснутых уродцев, обязанных мне. Прижму к стене и заставлю немного поработать головами. Пусть разнохают, соврали нам или нет. Если окажется, что Камень действительно там — не обессудьте. Дружба имеет свои пределы. Штурмовать Чамган я не позволю и вам не позволю. Это чистой воды самоубийство.

— Наверное, ты прав,— с грустью согласилась я, хотя мысль о том, что придется расстаться с Каримэноном, приводила меня в состояние, близкое к отчаянию и бешенству.

Эллар помалкивал, наверняка обдумывая какой-то хитроумный план. Мне же пришло в голову иное соображение:

— Месьор Кайлиени, гномы владеют какой-нибудь магией?

— Насколько мне известно, да,— разжалованный протектор смерил меня вопросительным взглядом, в котором читалось: «И что с того?»

— Если они попытаются использовать Камень, то разделят участь мага Тайгета,— неохотно пояснила я.— И хорошо, если дело закончится простым пожаром...

— Они владеют вашей побрякушкой почти седмицу и Чамган целехонек,— пожал плечами Альс.

— Кто сможет поручиться, что завтра им не захочется испытать возможности Камня? — Рабириец сделал нам величайшее одолжение, заговорив.— Аластор, ты сможешь спокойно жить, зная, что в любой миг твоему Шадизару угрожает возможность превратиться в пылающий костер?

— Я туда не полезу,— упрямо повторил Кайлиени.— Мне еще жить охота. Эллар, не горячись. Давай сначала узнаем, стоит ли игра поставленного на нее золота.

Спор грозил затянуться, перерастая в бесконечный обмен доводами «за» и «против». Мне

стало тоскливо, я выглянула за угол склада — узнать, почему затихли голоса — и обнаружила, что торги окончены. Вечерело, гномские лавки закрывались: хозяева выставляли на окнах толстые деревянные и железные ставни, двери закладывались тяжелыми засовами. Последние покупатели задерживались у прилавков, чтобы взглянуть на приглянувшуюся вещь, перед тем, как уйти.

Меня вроде бы никто не замечал, краем уха я различала голоса заморийца и Эллара, и неудивительно, что, услышав собственное имя, я едва не подпрыгнула.

— Это ты — Дана Эрде? — повторил человек, с первого взгляда — местный уроженец, купец средней руки, только что вдумчиво перебиравший украшения гномской работы на прилавке.

Луну назад я бы кивнула, не раздумывая. Сегодня же тихонько свистнула, привлекая внимание Рабирийца, и шевельнула запястьем, проверяя, как поживает стилет, спрятанный в рукаве, и смогу ли я быстро вытряхнуть его из ножен.

Человек, совершенно правильно истолковав мои движения, попятился. Эллар тенью просквозил вдоль стены, застыв неподалеку от меня. Аластор одним гибким кошачьим движением оказался рядом, безмятежно проворковав:

— Возможно, ее зовут именно так. Какое тебе до этого дело, мой друг?

Неизвестный сделал еще шаг назад. Встряхнулся, пытаясь придать себе уверенности.

— Денежное, само собой,— заявил он.— По-толковать бы насчет большого такого камешка цвета крепкого аргосского...

— Возможно, нас бы и заинтересовал подобный камешек,— по-прежнему невозмутимо и даже равнодушно откликнулся месьор Кайлиени. Я на всякий случай прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего и не испортить разговор.— Но сначала я бы хотел знать, из какого колодца ты черпал свои сведения?

— Из чамганского,— человек беспокоился, хотя изо всех сил пытался это скрыть.— И болтать мне некогда. Сведения верные. Моя цена — три сотни империалов Турана. Будете платить — будем говорить. Не хотите — так найду кого другого.

У меня не было трех сотен империалов. У Элара — тоже, разве что он решится зайти в ближайшую оружейную лавку и заложить меч. Мы могли бы попросить в долг у Ши, но согласится ли осведомитель ждать?

Позади меня что-то глуховато звякнуло — как пересыпающиеся монеты в кожаном мешке.

— Заплати ему,— произнес Эллар таким жестким голосом, что Альс не решился спорить. Неведомо откуда возникший кошель стремительно перешел из рук в руки.

— Ваш камешек видели у карликов Чамгана,— не проговорил, просвистел быстрым шепотом человек.— Но его там больше нет. Увезли четвертого дня, вместе с караваном. В ихние крысиные норы под Кезанкией.

— Куда?..— переспросила я, но опоздала — незнакомец на удивление споро юркнул в ближайший темный переулок, став тенью среди неверных шадизарских теней.

— М-да, Кезанкия,— задумчиво протянул Аластор.— Бывшее великое королевство Хадходронд... Нет, на меня можете не рассчитывать. Лучше забраться в Чамган или сунуть голову в петлю, чем туда. Дорогу, так и быть, покажу. Эллар, с каких это пор ты начал баловаться нашими жульническими проделками? Что ты всучил этому предприимчивому болтуну — камешки или песок? И откуда ему так много известно?

— Он унес настоящее золото и он не лгал,— буркнул Рабириец, и упрямо молчал всю дорогу до владений Ши Шелама. Альс покинул нас возле Каменного рынка, обещав прийти завтра утром и язвительно пожелав доброй ночи.

Какое уж тут «доброй ночи», если я почти до самого утра ломала голову над загадкой, как двое самоуверенных авантюристов смогут проникнуть в пределы исконных гномских владений и тем более — унести оттуда драгоценность!

Ничего не придумав, я решила положиться на удачу. Добравшись до места, что-нибудь сообразим. Отец говорил, что не бывает дверей, которые невозможно вскрыть, и тайн, которых нельзя разгадать.

Глава седьмая

Записки Долианы,
герцогини Эрде-младшей — IV

«Горная страна»

Окрестности Кезанкийских гор.
23 день Третьей весенней луны.

Ворога на Кезанкию начиналась от расположенных в полуночной части Шадизара ворот, закономерно носивших имя Кезанкийских. Замощенная на протяжении первой лиги, далее она становилась хорошо наезженным проселком, и бежала через плоскую степь к видневшимся на горизонте синеватым всхолмьям.

Солнце еще не успело выжечь местную скудную зелень, и степь цвела: сизовато-серые волны ковыля, островки тюльпанов, желтые соцветия дрока и пряный, горький запах полыни. Сбиться с пути или заблудиться невозможно — две глубоко проложенные колеи послушно ложились

под копыта лошадей, и с Полуночи долетал тихий, заглушенный толщиной скал Зов.

Два дня назад мы распрощались с месьором Ши Шеламом и его гостеприимным домом.

Узнав о нашем намерении навестить в Кезанкию, почтенный шадизарец высказал изрядное сомнение в здравости наших с Элларом разумов.

С трагическим видом, который он столь умело напускал на себя, Ши пожелал нам легкой дороги, присовокупив, что надеется увидеть нас живыми и невредимыми. Ради этого он даже готов сделать щедрое пожертвование в храмы Бела и Астэйра, ибо в своем несомненном безумии мы чем-то ему симпатичны. Если же мы не вернемся, то новый вид черных маков получит название «Печаль по безвременно усопшим друзьям»...

Я утатила Эллара прежде, чем он и месьор Ши опять затеяли перепалку относительно деланки в Карпашских горах, обвиняя друг друга в неумеренном стяжательстве и излишней склонности драматизировать события.

Аластор Кайлиени выполнил обещание, честно сопроводив нас до конца выложенного известняковыми плитами участка дороги. Бывший протектор выглядел на удивление серьезным, надавал уйму полезных советов и пообещал: коли мы не объявимся спустя две седмицы, он попытается выторговать у гномов хотя бы наши бранные останки — для надлежащего захоронения.

Мощный тракт закончился, пепельный жеребец Эллара, моя рыжая кобыла и груженный выюками соловый мерин запыхали по проселку. Я обернулась, помахав на прощание казавшемуся очень одиноким среди огромной степи под голубоватым небом Аластору. Мы пришли и ушли, а он оставался — со своим любимым и сумбурным городом у подножия Карпацких гор, с начинающимся мятежом против немедийских властей, со своими ворами, мошенниками, содержателями таверн, уличными лицедеями, ростовщиками и шлюхами. Они удивительно походили друг на друга — Аластор Кайлиени и Шадизар. Иногда мне казалось, будто я чего-то недопоняла, не уловила крохотной малости, лежащей на поверхности. Эта малость позволила бы мне окончательно разобраться в странных отношениях между месьюром Альсом и местом его проживания. По-моему, Эллар отлично знал секрет своего приятеля, но я решила не приставать к нему с расспросами. Пусть в мире будет одной загадкой больше. Когда-нибудь догадаюсь сама.

Кони рысили по равнине, отроги Кезанкии с каждой пройденной лигой становились все ближе, а я качалась в седле и вспоминала, что мне известно о подгорных королевствах.

Когда-то (если верить летописям, изысканиям ученых Тарантии и Бельверуса, а также легендам, услышанным мною от отца, это «когда-то» отстояло на добрых десять — пятнадцать тысяч лет) гномы основали под Кезанкией самое огромное из своих царств. Звалось оно Хадход-

ронд — не знаю, переводится ли как-нибудь это слово, или Мориа, «Черная Бездна». Мораддин Эрде утверждал, будто на те далекие времена приходился расцвет народа dwarves, державших под своей рукой не только Кезанкию, но также не существующие ныне Голубые и Туманные горы, да вдобавок выветрившийся и осыпавшийся Железный Кряж у границ Гиркании. В сокровищницах гномов скопились невиданные и неслыханные богатства, они создавали столь великолепные украшения и оружие, ради обладания которыми надменные альбийские короли нарушали клятвы и начинали войны.

И, как водится, пришел день, когда подгорные жители лишились почти всех своих владений.

Тот день — день, когда пала Цитадель Роты-Всадника на полуночном побережье — выдался скверным для всего мира. Вместе с Цитаделью на дно Океана канули земли вокруг близлежащих Голубых гор, исчезли альбийские поселения, а сотрясения земли были столь велики, что большая часть чертогов Хадходронда обрушилась, погребая своих создателей, их кладовые, рудники, великолепные залы и хранилища летописей.

Мориа пришла в упадок, восстановить ее прежнее величие не удалось. Ныне средоточием жизни и власти гномских владений полагают хребет Граскааль в Пограничье. Что творится под Эйглофиатом, Киммерийскими горами и Нордхеймским нагорьем — в точности никому

не известно. Тамошние дверги почти не показываются на поверхность, ведя торговлю через посредников-людей.

Мораддин, сын Гроина, мой отец, был родом из Кезанкии, хотя почти всю жизнь провел в Туране и Немедии. Ему доводилось бывать в королевстве под горами, хотя и недолго. Мы с братом слышали от него множество преданий и таинственных сказок dwarves, однако отец никогда не упоминал о желании вернуться к образу жизни своих предков.

Зато я, его дочь — возвращаюсь. Еду в Кезанкию, не зная, как туда попасть и как поступать дальше. Сказать по правде, я представления не имею, как разыскать вход в подземелья Хадходронда и на что он похож! Вдруг нам придется облазить половину Кезанкийских гор поисках какой-нибудь приметной ложины или потаенной пещеры?

— Найдем,— самоуверенно заявил Эллар в ответ на мои причитания.

Как ни странно, он не ошибся. На второй день путешествия дорога пошла вверх, карабкаясь между охристыми валунами, заросли ковыля сменились камнеломкой, чахлым ползучим вьюнком и сиреневыми кустиками лаванды. По левую руку высунул синевато-голубую макушку Харайт, самый высокий пик Кезанкии, могущий похвалиться льдами на вершине и небольшим водопадом. Тракт, чего я в душе опасалась, не прерывался, упрямо стремясь к известной только ему одному цели, и к вечеру привел нас в ча-

шеобразную долину, на склонах которой отважно произрастали сосновые рощицы. Здесь дорога вновь стала мощеной, только не плитами, а шестиугольными каменными торцами темно-красного цвета, плотно пригнанными друг к другу. Она огибала долину, завершаясь широкой площадкой между двух выступающих скал. Приглядевшись, я вдруг осознала, что это никакие не скалы, а вырубленные из скальных выходов песчаника скульптуры, изображающие неких загадочных существ, вроде драконов или больших ящеров. Время сгладило их черты, и теперь звери безопасно скалились на путников изъеденными ветром клыками.

Дорога подходила вплотную к зеркально ровной, возможно, отполированной стене высотой в три человеческих роста, а затем бесследно пропадала.

— Приехали... — растерянно протянула я. В скале зеленовато-желтого цвета не имелось ни единой трещины и никакого намека на возможный вход.— Это что, такая особая гномская шутка — завершить дорогу у подножия монолита, дабы гости вволю побились головой о камень, проклиная день, когда они решили навестить Кезанкию?

— Смотри внимательнее,— покачал головой Эллар.

— Гляжу! — возмутилась я.— Сплошной гранит, больше ничего! Зря мы сюда тащились...

Рабириец не спеша слез с облегченно зафыркавшего коня, зачем-то извлек меч из ножен, по-

дошел к стене и преспокойно постучал серебряным наверхием рукояти по стене.

Ничего не изменилось.

Вернее, сначала ничего не изменилось. Потом по гладкой поверхности зазмеилось тонкое, как нить, углубление. Оно походило на линию, проведенную конским волосом, окунутым в лучшую кхитайскую тушь, и эта линия очерчивала створки! Громадные створки, вроде как у городских ворот Бельверуса, завершавшиеся удивительно ровно выгнувшейся аркой.

— Э-э... — глуповато протянула я. — Что дальше?

— Дальше надо убедить хозяев открыть дверь и впустить нас, — откликнулся Рабириец, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся. — Причем желательно обойтись без срывания ворот с петель и разбивания их на много маленьких кусочков.

— А ты можешь? — с надеждой поинтересовалась я.

— Очень жаль тебя разочаровывать, — в единственном глазе мага из Рабиров вспыхнули насмешливые искорки. — Не могу. Кроме того, это невежливо.

— Тогда как попасть внутрь? — я тоже выбралась из седла и подошла ближе к скале. Потрогала — ровный, чуточку зернистый камень, нагревшийся за день. Очерчивающая контур ворот трещина уходила в глубину монолита, однако я не смогла просунуть в нее ни лезвие кинжала, ни куда более тонкий ноготь. За отсутст-

вием иных идей я пару раз треснула кулаком по стене и крикнула: «Есть кто дома?»

— Доводилось слышать шадизарскую легенду про Отмычки Бела? — с коротким смешком поинтересовался Эллар. Я кивнула:

— Связка волшебных ключей, способных открыть любую дверь. Знаю, Ларн Шелам рассказывал. Нам бы такие... Впрочем, не вижу ничего, похожего на замочную скважину. В твоей бездонной памяти, случаем, не кроется какой-нибудь подсказки? Как вообще открываются подобные ворота?

— Заклинанием либо определенным словом, — Рабириец тоже провел ладонью по желтоватому граниту. Втайне я рассчитывала, что сейчас он произнесет нужное заклятие, и ворота послушно распахнутся. — Подгорный народ всегда держал эти слова в строжайшей тайне, не доверяя их никому.

— Не повезло, — философски заключила я. — Что ж, подождем чуда. Интересно, с той стороны кто-нибудь есть? Какие-нибудь караульные или сторожа?

— Наверняка, — согласился Эллар. — Только они предпочтут дождаться, пока мы уберемся восвояси.

Он уселся на большом валуне и задумался, возможно, пытаясь отыскать в прошлом нечто, способное помочь нам сейчас. Я еще раз осмотрела ворота, убедившись в их полнейшей неприступности, полюбовалась на молчаливых каменных стражей и припомнила рассказы отца об

обычаях подгорных королевств. Как-то в нежном возрасте не то пяти, не то шести лет мне довелось услышать от него сказку, где герои вроде бы испытывали подобные затруднения. Возможно, на самом деле Мораддин вспоминал очередную слышанную от сородичей историю древних времен, но я сочла ее сказкой.

Герои предания вошли в пещеры Кезанкии, воспользовавшись тем самым отпирающим словом. Отец называл его, и я, будучи крайне любопытным ребенком, запомнила таинственно звучащее и непонятное словечко.

Смогу ли я вспомнить его теперь, спустя почти десять лет?

Я старательно выговорила ряд глуховатых и шипящих звуков, подсказанный смутными детскими воспоминаниями. Эллар, нахмурившись, удивленно скосился на меня. Состроив злое лицо, я повторила попытку, слегка изменив порядок чередования гласных и согласных.

— Дана, чем ты развлекаешься? — осведомился Рабириец.

— Открываю ворота, — самоуверенно провозгласила я и объяснила: — Когда я была маленькая, отец рассказывал нам с братом...

— Берегись! — маг не позволил мне договорить, стремительно вскочив и с силой оттолкнув с места, на котором я стояла, разглагольствуя и помогая себе усиленной жестикуляцией. Я споткнулась о сапог Эллара и едва не шлепнулась. Рабириец успел поймать меня на полпути к земле и рывком отодвинул за спину.

Позади величественно и совершенно беззвучно прошелестела толстенная, не меньше трех ладоней толщиной, каменная створка. Поднятый ею веер песка и каменной крошки щедро засыпал нашу одежду, и перепугал мою рыжую кобылу, неуклюже шарахнувшуюся в сторону.

— Ой... — шепотом произнесла я, встав на цыпочки и выглянув из-за плеча Эллара.

— Ой, — согласился почтенный наставник. — Значит, от отца сказочек наслушалась?

— П-подействовало, — чуть заикнувшись, пробормотала я и замотала головой, вытряхивая пыль из волос.

Казавшаяся цельной и нерушимой гладкая стена раскололась на две половинки разомкнувшихся огромных створок. За ними открывался уходивший в слегка подсвеченный факельными языками сумрак гигантский зал, и я неожиданно подумала: зачем низкорослым дворгам нужны столь высоченные помещения? Такой потолок в полтора десятка локтей и для людей будет великоват.

С потолка мой взгляд опустился ниже, наткнувшись на полдюжины коренастых фигурок, выстроившихся сразу за порогом и казавшихся естественным порождением камня и подгорной темноты. Солнечный лучик искрой отразился на лезвии двухсторонней секиры, лежавшей на плече одного из стражей Ворот.

С равным недоумением и опаской хозяева Кезанкийских гор глядели на нас, а мы, незваные гости — на них.

— Кто станет говорить, я или ты? — не обращившись, шепотом спросил Эллар.

— Дай я попробую,— решила я, лихорадочно припоминая начатки гномского наречия, преподанные отпрыскам предусмотрительным Мораддином Эрде. Наверняка местные жители умели объясняться на туранском, немедийском или заморийском языках, но я решила произвести хорошее впечатление. В конце концов, четверть крови в моих жилах принадлежит народу dwarves!

*Поселение гномов под Кезанкийскими горами.
23 день Третьей весенней луны,
Ближе к вечеру.*

— Долиана Эрде, дочь Мораддина,— задумчиво повторил сидевший напротив гном — седоватый, с окладистой русой бородой, заплетенной в три толстые косички. Физиономия его напоминала хорошо пропеченное яблоко, однако светло-голубые, слегка выцветшие с возрастом глаза смотрели живо и пронизательно. Узловатые короткие пальцы неторопливо перебирали звенья висевшей на шее dwarfa массивной золотой цепи, перемежаемые крупными изумрудами.— Дана Эрде и ее друг Эллар.

Упомянутый Эллар слегка шевельнулся, скрипнув резным креслом. По-моему, короткое пребывание в пещерах изрядно поколебало его душевное равновесие. Видимо, он недолго любил подземелья и нависающие у нас над головами потол-

ки, поддерживаемые низкими толстыми колоннами. Даже мимолетный взгляд доказывал, что королевство гномов под Кезанкией находится в изрядном упадке: капители колонн потрескались, висят над столом вычурная бронзовая лампа покрыта налетом патины, мебель поточена червями...

Однако я решила делать вид, что не замечаю местных тягот. Меня куда больше интересовал старый dwarf, хотя я не могла в точности определить, действительно он стар или нет. Подгорные карлики, подобно оборотням Пограничья и гулям Рабилов — долгожители, и возраст в сто пятьдесят — двести лет отнюдь не является для них преклонным.

Гнома звали Гроин, сын Фарина Секиры, он считался кем-то вроде наместника здешнего края и встречи с ним мы добились после небольшого скандала, учиненного подле Ворот Кезанкии.

А еще Гроин, сын Фарина, приходился мне родным дедом, ибо Мораддин Эрде был его сыном. И я пребывала в некоторой растерянности, ибо, во-первых, при всем старании не обнаруживала в своей душе никакого намека на родственную привязанность, а во-вторых, испытывала неловкость за предстоящую ложь. Что я ему скажу, если он решит узнать, зачем мы сюда пришли?

Наше внезапное и шумное появление ввергло гномов-стражей в глубочайшую растерянность. Люди редко допускались в глубины Кезанкии, редкие торговые сделки обычно осуществлялись

на площадке подле Ворот. То, что какая-то девчонка ведала заветные слова, открывающие створки, заставило гномов относиться к нам с удвоенной подозрительностью.

После долгих и не совсем толковых расспросов нам наконец позволили войти внутрь. Не знаю, что оказалось более убедительным — мое знание гномского наречия или грозившее вскоре лопнуть терпение Эллара, вполголоса пообещавшего превратить чрезмерно бдительных dwarves в ящериц.

— С него станется, — вежливо предупредила я. — Он вообще-то маг, причем с исключительно скверным характером.

Стражники пошептались, заново переспросили мое полное имя и отослали вестника разыскать старейшину Гроина, сын Фарина и передать ему, что у ворот стоит некая человеческая девица вкупе со своим дружкой, нахально утверждая, будто она — дочь Мораддина, сына Гроина.

Минуло колокол или чуть подольше. Я уже начала подумывать, не заставят ли нас дожидаться до конца года, когда явился запыхавшийся посланец с ответом.

Гроин милостиво соглашался принять странных визитеров.

Наших лошадей увели куда-то в боковой придел зала. Серый жеребец Рабирийца возмущенно захрапел, и Эллару пришлось успокаивать коня, иначе он непременно затоптал кого-нибудь из подгорного народа.

Один из караульных, прихватив масляный фонарь, повел нас через множество галерей, полутемных разветвляющихся коридоров, по узким мостам, проложенным над неразличимыми в темных ущелий реками, и бесконечным вереницам похожих одна на другую пещер. Далеко в глубинах надсадно ухали молоты и что-то протяжно урчало. Эллар, с его ростом в неполных четыре локтя, постоянно шипел, задевая головой потолки. Я пыталась запомнить повороты и переходы, но вскоре поняла безнадежность своей затеи. Самостоятельно мы отсюда не выберемся. Хадходронд не заслуживал названия перенаселенного — нам почти никто не попадался навстречу, зато многие из пещерок, явно предназначенных для жилья, выглядели пустыми и заброшенными.

Почтеннейший Гроин так долго и пристально рассматривал нас, что я начала подозревать: вдруг он каким-нибудь невероятным образом догадался об истинной цели нашего прихода в Кезанкию? Я кратко пересказала историю трех последних лун моей жизни, упирая на то обстоятельство, что сильно досадила королевской власти Немедии и теперь меня повсюду разыскивают, дабы придать заслуженной каре. Помня рассказы отца, я решила поискать убежища здесь. Если по каким-то причинам народ гномов не разрешает чужакам появляться в своих владениях, мы немедленно удалимся...

— Мораддин иногда присылал краткие весточки, — старый dwarf, казалось, пропустил окон-

чание моей речи мимо ушей.— Писал, будто добился неплохого положения среди людей. Упомянул, что женился, а спустя несколько лет — что у него появилось двое детей. Мораддин выбрал жизнь наверху, под солнцем, в городах, и я понимал, что теперь уже вряд ли увижу своих внуков...

«Интересно,— мелькнула непрошенная мысль.— Мораддин — единственный сын Гроина или есть другие?»

— И вдруг приходишь ты,— гном, казалось, услышал мои размышления.— Ты и твой друг. Говоришь: Мораддин поссорился с новым правителем вашей земли, твои родные мертвы, вы сами скрываетесь. У меня был сын и его наследники. Теперь осталась только ты. Спрашиваешь, можно ли вам пожить здесь? Неужели ты полагаешь, что у меня повернется язык сказать — уходи?

— Я не знаю здешних традиций,— честно ответила я.— Отец говорил, у вас есть причины не доверять людям. Я — дверг наполовину или даже на четверть, мой друг... э-э... человек (Эллар еле слышно хмыкнул), поэтому мы не будем в обиде, если нам укажут на дверь.

— Вы останетесь,— не разрешил, распорядился Гроин.— На срок, который сочтете нужным.

— Благодарим,— на удивление вежливо отозвался Рабириец.— Это большая честь для нас...

— Это всего лишь то небольшое, что я могу сделать для своего единственного потомка,— хмуро процедил старейшина гномского народа,

выбрался из-за стола, прихватил шандал со свечами и жестом велел нам не отставать.

Идти пришлось недалеко — шагов двести по извилистому коридору. Гроин распахнул перед нами приземистую дверь, пояснив:

— Будете жить здесь. Я велю принести вам поесть. Если понадобится еще что-нибудь — на стене болтается шнур. Дерните пару раз и скажите тому, кто прибежит, что нужно. Поговорим попозже, мне надо подумать. Я зайду за вами... как это по людскому счету... колоколов через пять или шесть. В ту сторону,— он махнул рукой в сторону убежавшего в темноту коридора,— Яшмовый зал. Можете дойти до него и посмотреть, только не сворачивайте ни в какие ответвления, иначе заблудитесь.

— Как тебе нравятся владения предков? — осведомился Эллар, когда дверь захлопнулась за старым гномом. Я неопределенно пожала плечами и отправилась изучать новое место жительства.

Две комнаты, одна побольше, другая, отделенная низкой аркой, занавешенной обшарпанной портьерой, поменьше. Надо полагать, гостиная и спальня. В углу гостиной лежала горка наших вьюков — обитатели Кезанкии сделали одолжение и принесли их сюда. Похоже, ради нас в помещениях навели некоторый порядок: смахнули пыль, принесли угля для камина и обновили запас свечей. В потемневшем от старости шкафу хранились старые, но вполне приличные серебряные тарелки и бокалы, в отгороженном

кожаной ширмой углу пряталась каменная чаша, наполняемая проточной водой, а поверх кровати распласталась огромная бело-желтоватая шкура, бывшего хозяина которой я угадать не смогла. Я решила, что жить здесь можно, если не обращать внимания на вечный полусумрак, разогнать который не могли даже три десятка хороших свечей. Влажные потеки на стенах, плесень на вытершихся гобеленах и спертый, душноватый воздух. Эллар нашел бронзовую курильницу, зажег под ней огонек и высыпал внутрь целую пригоршню хранившихся в ящике шкафа благовоний, но старое проверенное средство не помогло.

— В исторических хрониках совершенно истинно отмечено, что древнее царство Мориа потихоньку гибнет,— я подозрительно уставилась на густую жидкость, плескавшуюся в извлеченной из шкафа тяжелой стеклянной бутылки.— Как думаешь, это пьют или этим травят крыс?.. Гроин, сын Фарины, производит впечатление симпатичного и умудренного жизнью старикана себе на уме. Надеюсь, вид неожиданно обретенной внучки его не разочаровал. Однако какие мысли вызываешь у него ты, сказать трудно... Как будем действовать?

— Ты слышишь Камень? — Рабриец подобрал углей в камин, выполненный в виде сводчатого грота, и тоскливо пробормотал: — Отчего так холодно?..

— Я слышу множество камней,— с сожалением призналась я.— Похоже на многоголосый хор.

— Так я и думал. Подземелья — особенный замкнутый мирок, со своими законами и порядками... Действовать? Поедим, вздремнем, дождемся Гроина. Твое мнение о людях обычно оказывается верным, так почему бы не попробовать честно рассказать, зачем мы явились? Иногда правда оказывается самым надежным ключом.

— И Гроин вынесет нам Каримэнон на золотом блюде,— невесело поддакнула я.

— Вряд ли. Может, удастся убедить его помочь. Без местного жителя мы не сможем пройти по здешним крысиным норам и десяти шагов.

— Следи за языком, вдруг нас подслушивают? — хмыкнула я, но впавшего в уныние Эллара мое замечание ничуть не одобрило.

Белая с желтоватым подшерстком шкура оказалась поистине королевской щедростью, ибо некогда принадлежала снежной ящерице дрохо из Пограничья. В Немедию подобные шкуры попадали редко и оценивались в столь крупные суммы, что даже матушка, обожавшая редкие вещи, не рискнула украсить дом Эрде таким приобретением.

От шкуры пахло старой прелой травой. Заснуть никак не удавалось, несмотря на усталость. Подозреваю, что мой приятель тоже не спал, прислушиваясь к наполнявшим подгорный мир звукам: не стихавший ни на миг далекий грохот железа и рев горнов, еле слышный шелест осыпающегося песка, журчание пробирающихся сквозь каменные толщи ручьев и ка-

кое-то непонятное ритмичное шипение. Здесь все звучало, потрескивало, звенело, шуршало — содержимое укрытых за железными дверями кладовых, рудные жилы, не отделенные от породы драгоценные камни и плескавшаяся на самых глубинах огненная лава. Если бы я с рождения обитала здесь, может, я принимала такое существование как единственно возможное. Однако сейчас в моей душе упорно брала верх кровь матери, требовавшая открытых просторов, чистого воздуха и неба над головой, а не громоздких, угрюмых потолков!

Я прикинула, который сейчас может быть час. Время под Кезанкией застыло, будто муха в янтаре. Пожалуй, мне тут совсем не нравится.

Откуда-то прилетел и растаял обрывок мелодии. Не призрачной, настоящей, исполненной то ли на арфе, то ли на большой виоле. Аккорды повторились, и я не выдержала. Тихонько встала, накинула плащ и выбралась в коридор. Прислушалась. Точно, музыка — протяжная, тяжеловесная, в которую вплетается низкий, чуть фальшивящий, но весьма старающийся голос:

Не зная, что такое праздность,
Его народ руду ковал,
Искал бериллы и алмазы,
Опал и жемчуг добывал.
Творили чудо гномьи руки,
Резец писал, топор рубил,
Плелись кольчуги, гнулись луки,
По наковальне молот бил.

Писались колдовские руны,
Слагались песни на пирах,
Как разговаривали струны,
Как флейты плакали в руках...

Мелодия рванулась вверх на такой щемяще-тоскливой ноте, что я поежилась.

Но давно не слышна музыка тех лет,
И помрачнел, в горах погас свет.
Пепел и прах скрыл красоту гор,
И ни один гном не был там с тех пор...

— Зачем я здесь? — вслух проговорила я. — Что я пытаюсь найти?

Долго стоять босиком на слегка влажном каменном полу оказалось выше моих сил. Вернувшись обратно, я удостоверилась: бессонницей мы маемся вдвоем.

Почтенный наставник сидел в изголовье кровати, подтянув колени к подбородку, и встретил меня на редкость сумрачным взглядом из-под упавшей на лицо челки:

— Ты где бродишь?

— Ловлю местных призраков, — отмахнулась я. — Ни одного не поймала... С тобой все хорошо?

— Дурной сон, — коротко уронил Эллар.

— Разве боги видят сны? — я забралась на постель и ткнулась головой в плечо Рабирийца.

— Я вижу. О прошлом, о темноте, из которой не найти выхода... И мне жутко, — еле различимым шепотом признался он.

— Мне тоже,— откликнулась я.— Кажется, вокруг нет никого, кроме нас. Только камень, сумрак и прячущиеся тени. Бр-р! Сделай что-нибудь, пока мы не начали пугаться любого шороха!

И мы попытались сделать, но ничто, даже объятия и последовавшая за ними любовная близость, не спасало от здешнего стылого полумрака, ощущения довлеющей над всем тоски и чувства, что мы самой сущностью глубоко чужды загадочному подгорному королевству, решительно отторгающему любых обитателей поверхности.

*Около одиннадцатого послеполуночного колокола
24 дня Третьей весенней луны.*

Прошло гораздо больше пяти-шести обещанных колоколов, прежде чем явился Гроин. Возможно, мне начало изменять чувство времени, но Эллар тоже сомневался, утверждая, что мы ожидаем никак не меньше десяти колоколов. Мы потратили их с пользой: немного выпалились, навестили Яшмовый зал, поразивший мое воображение числом разнообразных оттенков этого поделочного камня, и отважились пройти дальше по коридорам, угодив на льнуший к отвесной скале узкий карниз.

У меня не хватило духа заглянуть через край, но Рабриец посмотрел и сказал, что различает глубоко внизу движущиеся красные и голубоватые огоньки.

Постучавшийся в дверь Гроин застал гостей в разгар очередного магического урока: я старалась перехватить крохотные ледяные стрелки, неожиданно возникавшие в разных углах комнаты и летевшие в меня. Удачно отраженная стрелка разлетелась на осколки как раз над распахнувшейся створкой, осыпав дверга мелкими градинами. Я виновато улыбнулась и развела руками.

Старейшина (я никак не могла заставить себя даже мысленно называть его «дедом») одарил нас неодобрительным хмыканьем и без долгих предисловий сообщил: он подумал и принял некоторые решения.

Он намерен представить свою наследницу и ее спутника местному правителю, как раз изволившему посетить здешнюю область своих владений. Представление состоится сегодня. Но сперва он хотел бы... Тут Гроин запнулся, начав уклончиво комкать слова.

— Почтеннейший дверг сомневается, захочет ли встречи тот, кому мы должны нанести визит? — спросил, как припечатал Эллар.

— Вот именно,— с видимым облегчением закивал сидящей головой Гроин, сын Фарина.— Понимаете ли, с тех пор, как он пришел, он живет один, ничего не говорит, ни о чем не спрашивает... Люди из Шадизара привозят новости, он не желает слушать. Я не мог понять, что с ним случилось, пока не пришли вы и не объяснили. Теперь, думаю, он должен увидеть вас и выслушать вашу историю. Если это не поможет...

— Можно узнать, о ком идет речь? — опередил меня Рабириец.

— О Морадине, — четко произнес гном.

Наверное, мне полагалось хлопнуться в обморок. Или разрыдаться от радости. Или заявить, что слова Гроина — низкая ложь.

Я стояла и бессмысленно тарасилась на тлеющие угли в камине.

— Дана? — Эллар решительно привлек меня к себе и обратился к встревоженному двергу: — Почтеннейший, около двух лун назад Морадин Эрде погиб во время пожара, вспыхнувшего в доме его семьи. Есть заслуживающие доверия свидетели этого печального события, в том числе его дочь. Боюсь, произошло недоразумение...

— Сами взгляните на это недоразумение, — устало попросил Гроин. — Мне кажется, он сошел с ума и считает, что как раз он единственный выжил, а остальные — мертвы.

— Ведите, — сухо каркнула я.

Эллар неодобрительно скривился, но возражать не стал.

Теперь я поняла, что такое «идти, как во сне». Я перебирала ногами, Рабириец крепко держал меня, не позволяя споткнуться, впереди белесым пятном качался фонарь в руке Гроина, и я постоянно напоминала себе, что пребываю в реальном мире. Мой отец умер. На него упала горящая балка. Маэль Монброн заверил меня, что своими глазами видел излеченный из руин особняка Эрде обгорелый труп. Обгорелый. До неузнаваемости. Не узнать.

— Сюда, — Гроин остановился возле неприметной двери, украшенной выкованным из светлой латуни изображением диковинной звериной морды. — Войти и подняться по лестнице. Я с вами не пойду, не обессудьте. Не могу видеть его... такого. Подожду здесь, — дверг с приглушенным кряхтением уселся на каменной скамье подле входа.

— Уверена, что хочешь этого? — Эллар обеспокоено глянул на меня.

Я коротко кивнула. Толкнула дверь, едва не запнувшись о начинавшиеся сразу за порогом ступеньки.

Шедший следом Рабириец сдавленно проклял местных строителей: он опять ударился головой о слишком низкую притолоку.

Новая дверь. Скрипит, когда открывается. Комната, освещенная тремя большими пандалами на стенах.

За столом, спиной к двери, сидит, углубившись в созерцание развернутой толстой книги, человек невысокого роста. Услышав скрип, раздраженно взмахивает рукой — мол, уйдите.

— Отец? — на удивление спокойно произнесла я.

Он медленно повернулся. Осунувшийся, постаревший на десяток лет, сторбившийся, лысый человек с глубоко запавшими глазами.

— Долиана? — скрипуче спросил он, неловко поднимаясь с табурета.

Вот тогда я на него и бросилась. С кулаками. Эллар не успел меня удержать, а скопившаяся

злость рвалась наружу. Почему он покинул нас? Почему не пришел мне на помощь? Почему?..

* * *

— Наверное, для меня пришло время оглянуться назад и понять, сколько ошибок я умудрился совершить. Моя жизнь стала непрерывной погоней за властью. Ради нее я жертвовал всем — женой, детьми, друзьями, собственной душой. Ринга предупреждала, что когда-нибудь я заберусь так высоко, что падение может стать роковым, но я счел, что она преувеличивает. А она оказалась права. Нашелся противник, которому было плевать на окружавшие меня слухи и который сумел обвести меня вокруг пальца. Впервые в жизни я растерялся.

— Просто вам не доводилось сражаться с магами. С обычными людьми — сколько угодно. Образ действий волшебника частенько непредсказуем, а подлинные цели, которых они добиваются, укрыты туманом недомолвок.

Разговаривали где-то надо мной. Открывать глаза не хотелось, и я рассеянно прислушивалась. Два голоса: один постарше, бесцветно-усталый, другой помоложе, с легким акцентом жителя Полуденного Побережья.

— Должно быть, я поступил слишком жестоко. Убедил себя, что Ринга и дети справятся сами. Хватит им оглядываться на грозного отца и надеяться на его защиту! Кроме того, моя кончина освобождала их от необходимости лгать

властям, если бы их схватили. За ними не нашлось никакой вины, кроме той, что они — мои наследники.

— Месьюр Эрде всерьез полагает, что это хоть на мгновение удержало бы Тараска Эльсдорфа или Ксальтотуна от того, чтобы расправиться с отпрысками попавшей в опалу семьи?

— Не знаю... Когда я услышал, что они погибли, даже не сумев выбраться из горящего дома... Я понял: моя жизнь отныне кончена. Какая разница, кто станет королем Немедии, если моих детей нет в живых? Я ушел с намерением никогда не возвращаться к людям. Довольно интриг, довольно политических игр, довольно предательств! Трое из Эрде мертвы, четвертый похоронил себя в Кезанкийских горах.

— Ринга Эрде жива. Дана Эрде жива, — убежденно возразил обладатель более молодого голоса. — Она здесь, и ей необходима помощь. Друзья пытаются отыскать и покарать виновников вашей смерти. Мораддин Эрде зря торопится умирать, он необходим многим из живущих. Конечно, его жизнь — это только его жизнь, но принимать решение придется, и очень скоро.

Молчание. Я все-таки взглянула на мир вокруг, узнав, что лежу на покрытом овечьей шкурой сундуке, моя голова удобно покоится на коленях Элларá, и ладонь мага успокаивающе гладит меня по затылку.

Мораддин сидел возле стены, скрестив ноги и пристально глядя на покрытый старой циновкой каменный пол.

— Сумеет ли она меня понять? — раздумчиво проговорил Мораддин, обращаясь к Рабирийцу. — Не простить, но хотя бы понять? Она стала совсем другой, не похожей на маленькую Долиану, которую я помнил.

— Ей пришлось очень быстро повзрослеть, — Эллаар пошевелился, устраивая меня поудобнее.

— Оно и заметно, — отец издал знакомый мне с детства быстрый, гортанный смешок. — Полагаю, мое мнение вряд ли будет иметь для вас обоих какое-то значение?

— Я уважаю мнение почтенного отца Даны, — ровно произнес маг из Рабиров. — Однако ее собственный выбор я ценю больше, а она пожелала остаться со мной.

— Моя дочь учинила мятеж против короля, нашла себе весьма странного друга и намерена стать волшебницей, — с грустной иронией перечислил Мораддин Эрде. — Волей-неволей приходится мириться с тем, что дети уходят по собственным дорогам... Значит, вы намерены добыть этот Талисман, Алый Камень или как там он еще зовется?

— Если он здесь, — кивнул Эллаар.

— Мои сородичи вряд ли согласятся отдать такую ценность чужакам, — здраво предположил Мораддин.

— Тогда придется убедить их в том, что оставлять Камень в подземельях весьма опасно. Именно поэтому нам необходима ваша помощь.

— Помощь... — отец, на моей памяти никогда не сомневавшийся, теперь колебался. — Боюсь,

что тогда мне придется расстаться с Кезанкией без всякой надежды вернуться снова...

— Скажи, что ты здесь забыл? — сварливо осведомилась я, усаживаясь и заставив обоих спорщиков встрепенуться. — Сплошные хорьковые лазы, слякоть и темнота! Ты знаешь, что Конан Канах и Ольтен Эльсдорф делают все, дабы помешать Тараску уютно расположиться на захваченном троне? Если ты откажешься, я, выбравшись отсюда, рвану напрямик в Аквилонию и расскажу варвару, что его лучший приятель поселился в гадючьей норе, откуда не собирается вылезать до конца своих дней!

— Дана, Дана, — укоризненно протянул Рабириец. — Он же твой отец.

— Это его не извиняет, — отрезала я. — Я хочу получить точный ответ: пойдет он с нами или нет. Гроин вскоре собирается вывести новообретенную внучку на какую-то парадную церемонию, после которой мы начнем искать Камень, даже если придется обшарить все здешние подземелья. Я доступно выражаюсь, дражайший папенька?

— Более чем, — Мораддин взглянул на меня так, будто увидел впервые в жизни. — Могу я надеяться, что вы постараетесь уладить дело миром?

— Конечно, — проговорил Эллаар. Уроненная мне на плечо рука яснее всяких слов требовала промолчать. Пожалуй, я в самом деле наговорила лишнего. Не так должна выглядеть встреча некогда крепко привязанных друг другу отца и

дочери после долгой разлуки, но я обвиняла Мораддина в смерти Вестри и безумии матери. Лучшее бы он в самом деле умер, прости меня Милостивая Инштар за подобные темные мысли!

*Около первого послеполуночного колокола
24 дня Третьей весенней луны.*

Позже я искренне сожалела о том, что все получилось именно так, как получилось. Тогда же я сочла свой поступок единственно верным, даже не подумав, как мы будем расхлебывать последствия. Ведь нас было всего двое (Мораддина я в расчет не принимала, не доверяя ему) против доброй сотни, если не полутора подземных карликов, расположившихся в огромном зале с уходящими высоко вверх стрельчатыми колоннами, казавшимися удивительно легкими. Должно быть, помещение строили во времена процветания Хадхондрона и потом неоднократно подновляли. Находясь здесь, мы, пожалуй, могли вообразить, как выглядела некогда великая Мориа — мрачно-торжественная, в переливах радужных самоцветов, отблесках граненого камня, роскоши позолоты и строгости полированного гранита. Местный зал для торжественных приемов произвел впечатление даже на выдавшего виды Элара. Во всяком случае, когда мы вошли через бронзовые двустворчатые двери, он огляделся по сторонам и еле слышно восхищенно присвистнул.

Благодушие моего приятеля быстро пошло на убыль, когда стражники довольно вежливо попросили нас отдать оружие. Гостеприимство — гостеприимством, а предусмотрительность, особенно по отношению к редким гостям с поверхности, никогда не помешает. Ручательство Гроина не помогло, так что мой легкий клинок и драгоценный двуручник Рабирийца остались тоскливо висеть на вбитых в стену крюках, дожидаясь возвращения хозяев.

Изгнать из уголков зала вечный полусумрак не сумело даже множество свечей, которого вполне хватило бы для освещения маленького городка. Дальняя часть зала приподнималась, образуя невысокий подиум, где стоял отдельный стол. Если традиции везде одинаковы, на возвышении отводятся места для тех, кто управляет подгорным королевством.

Прочих гостей рассадили за выстроенными полукругом столами в нижней части зала, и сейчас это поголовно бородатое скопище удивительно кряжистых и приземистых созданий недоуменно уставилось на вошедших, сиречь на нас. Меня поставили в середину, между Гроином и Рабирийцем, отец предпочел держаться позади. Я по-прежнему была уверена, что он сожалеет о почти вырванном насильно решении пойти с нами.

В течении дюжины-другой ударов сердца в зале висела растерянная тишина. Звякнул уроненный нож, припечаталось о деревянную столешницу донышко чаши.

Молчание разрушил хриплый, слегка шипящий звук медных труб, Гроин, сын Фарина, заговорил, обращаясь к соплеменникам на своем наречии, я разобрала наши имена, чуть искаженные местным произношением — должно быть, нас представляли обществу. Напряжение постепенно схлынуло, зал наполнился обычным разговором, и Мораддин тихо проскрипел из-за моего плеча:

— Обошлось. Нас приглашают к столу правителя.

— Кто верховодит в Кезанкии? — шепотом поинтересовалась я, пока мы шли к подиуму. — В Пограничном Граскаале — Дьюрин VIII, а у вас?

— Трайн Первый и пока единственный, при нем — выборный Совет Старейшин. Вон он, в центре Высокого стола.

Я с любопытством глянула в указанном направлении. Стол на десять-двенадцать персон, винно-красная парчовая скатерть, блестящие золотые приборы. Четверо dwarves, среди которых нетрудно распознать местного короля: эдакий пузатый величественный бочонок с каштаново-седой лопатообразной бородой, в наряде коричнево-желтых цветов и при золотой короне — широкий вычурный обруч в алмазных искрах. На шее у него болтается традиционная массивная цепь, а на ней...

А на ней светится алыми гранями мой ненаглядный Талисман, получивший новую оправу в виде крохотных переплетенных топоров и секир.

Я закричала раньше, чем успела понять, что делаю:

— Каримэнон! Я здесь!

Мой срывающийся вопль улетел под своды потолка, отразился и повторяющимся эхом вернулся обратно. Трайн приподнялся с кресла, гневно таращась на возмутительницу спокойствия, Эллар коротко встряхнул кистями рук, готовясь в случае чего пустить в дело не слишком сильное, но поражающее воображение заклятие, Гроин изумленно крикнул, и тут я поняла, что Кристалл услышал меня. Полыхнул чистейшим огненным цветом и рванулся, словно застоявшаяся лошадь с привязи.

Звенья порвавшейся цепочки разлетелись по столу, гномского правителя отбросило назад. Крохотная живая звезда взмыла в воздух, стремительно пронеслась над столом, опрокинув пару кувшинов, и упала в мои ладони, словно вернувшийся из полета охотничий ястреб. Талисман радостно горел, сиял, переливался цветами, для которых нет названия в людском языке, словно не веря, что снова вернулся ко мне.

— Я же говорила: никому тебя не отдам, — пробормотала я.

— Что ты творишь?! — оглушительным басом взревел Гроин и выбросил руку, пытаясь не то схватить меня за плечо, не то вырвать цепочку с Камнем. Я увернулась, юркнув за спину опешившего Мораддина.

— Стража! — загремел пришедший в себя Трайн. Со стороны парадных дверей и из-за ко-

лонн выныривали доспешные гномы, на ходу вытягивая из-за поясов топоры и широкие тесаки. Гвалт царил невообразимый, учитывая, что наречие dwarves напоминает грохот перекачивающихся камешков, а, разозлившись, карлики имеют привычку голосить, подбадривая себя перед грядущим боем. Большая часть собравшихся не уловила, что стряслось, поняв только, что их король чем-то оскорблен и повинны в этом мерзкие пришельцы с поверхности. Те, что сидели поближе к нам, уже тянулись с явным намерением схватить, повалить, а затем долго и с наслаждением топтать — чтоб впредь неповадно было.

Кажется, я погорячилась, воззвав к Камню...

Мораддин пнул скамью, образовав между мной и тяжеленными гномскими кулачищами шаткую преграду, способную продержаться не более двух ударов сердца. В отчаяние я вскинула руку с зажатым в ней Каримэноном, мерцавшим беспокойным алым светом, совершенно не представляя, как быть. Не заклятие же Содрогающейся Земли насылать? В гномских летописях потом напишут: явились, мол, двое смертных мерзавцев-колдунов, прикидывающихся дружелюбными гостями, украли сокровище и перебили мирных рудознатцев!

Гномы при виде Талисмана озверели пуще прежнего.

— Бей! — прокричали сразу с десятков голосов. — Бей-убивай!

— В топоры!

— Взять их! — надрывался со своего места Трайн. — Воры! Грабители! Стража!

— Остановитесь! — в нужные моменты голос Рабирийца с легкостью перекрывал любой шум, даже вопли полутора сотен разъяренных подгорных карликов. От неожиданности я едва не выронила Камень.

Гномы притихли. Я сочла их молчание угрожающим.

— Остановитесь, говорю вам, и выслушайте! — повторил Эллар, стоявший шагах в десяти от королевского помоста. Ему удалось завладеть вниманием всех без исключения присутствующих, но я опасалась, что терпения dwarves надолго не хватит. — Прежде чем необузданный гнев обратит в прах ваш собственный дом, узнайте о великой Силе, готовой пробудиться. Магический рубин, что сияет в руке спутницы моей — не побрякушка, годная болтаться в королевском ожерелье, но один из уцелевших камней Радужной Цепи Равновесия, Сердце Подземного Пламени, иначе Каримэнон. Не человеческие руки гранили его в те времена, когда мир был юн, и никому из живущих ныне не совладать с силой Алого Камня, кроме этой девочки, моей... моей ученицы. Коснитесь ее хотя бы пальцем — и Темный Огонь пожрет Хадходронд, как некогда пожрал великие города Подгорного Народа, по сравнению с которыми Мориа — лишь бледная тень былого величия. Попробуйте коснуться Камня, и увидите, как посягнувший умрет страшной смертью. Каримэнон выпьет его

душу и сожжет тело. Отныне Благой Рубин потерян для вас навеки. Не украсть его явились мы, но избавить вас от величайшего проклятия и вернуть то, что принадлежит нам по праву Крови. Древняя клятва связывает Долиану Эрде с Каримзоном, клятва сильнее стали и камня, восемь тысяч лет не звучавшая в мире сущем. Хотите встать на пути Рока? Что ж, вот они — мы. У нас нет мечей. Но истинно говорю вам, Подгорный Народ: никто из живущих в мире не узнает, как гнев и алчность сгубили королевство Мориа, ибо не останется никого, чтобы рассказать об этом. Отпустите нас. Мы уйдем, забрав с собой проклятие Изначальных.

До чего же он был хорош в этот момент — в пламени факелов, с горделиво откинутой головой и спокойной уверенностью в голосе, звучавшем подобно пению боевых рогов и грохоту лавины. Даже кошмарный ожог не бросался в глаза, став всего лишь игрой света и теней. Неудивительно, что в Шадизаре до сих пор поклоняются некому Астэйру.

Может, мое мнение пристрастно — все-таки я по уши влюбленная в своего наставника девица шестнадцати лет от роду! — но я видела, как по мере продолжения речи опускаются в нерешительности поднятые ножи, топоры и кулаки, как злоба на суровых бородатых физиономиях сменяется сомнением.

Однако сказанное не оказало нужного воздействия — нас не тронули, но вокруг по-прежнему колыхалась непроходимая толпа.

На живой части лица Рабирийца промелькнуло и скрылось раздраженное выражение, означавшее, что его скудное терпение скоро иссякнет. Он что-то неслышно пробормотал, и я сомневалась, чтобы в его словах содержалось хоть одно хорошее слово, касающееся подгорного народа.

Трайн оживленно шептался со своими приближенными. Эллар украдкой стянул с ближайшего стола кувшин, принялся и с отвращением хлебнул из горлышка.

— Нет, так не пойдет! — правитель Кезанкии решительно воздвигся над столом во весь невеликий рост, топорща бороду и двигая косматыми бровями. — Положим, Алый Камень действительно принадлежит Долиане, дочери Мораддина, и подчиняется только ей. Девушка Долиана — нашего племени и нашего рода. Ей незачем возвращаться обратно, особенно если наверху ее преследуют. Мы даже согласны, чтобы ты, почтеннейший, также поселился среди нас.

«Лучше сразу сдохнуть, — прозвучал в моей голове обескураженный голос Эллара. — Еще полдня среди приплюснутого народа — и я за себя не отвечаю. Своим стремлением из всего извлечь выгоду дверги кого угодно сведут с ума! Насколько проще иметь дело с людьми!»

— Трайн убежден, что с помощью Камня можно возродить былую славу Мориа. Многие ему верят, — вполголоса сообщил Мораддин. — Вам не позволят унести Талисман. Может, согласитесь?

— Если бы боги хотели, чтобы мы жили под землей, они создали бы нас крысами,— съязвила я. Отец сердито поджал губы и отвернулся.

— Хорошо,— проникновенная высокопарность Рабирийца вмиг улетучилась.— Тогда будем говорить проще. Ни Дана, ни я не можем остаться и жить здесь. Также мы не можем оставить вам Каримэнон. В таком случае я предлагаю выкупить его.

Кто-то из карликов растерянно хихикнул. Я потрясла головой, думая, что слышалась. Выкупить? Каким образом? Чем?

— Как выкупить? — недоверчиво повторил Трайн.— Ты настолько богат, человек? И какую же цену ты можешь предложить?

Вместо ответа Эллар принялся деловито перерывать висевший на поясе кошелек, пока не извлек оттуда позеленевший от старости бронзовый тубус. Подошел к столу короля Кезанкии, на ходу отвинчивая крышку. Аккуратно вытащил наружу лист порыжелого пергамента, расправил на столе и прижал указательным пальцем.

Дверги уставились на загадочную реликвию, и я услышала, как Гроин охнул: «Этого не может быть!»

— Насколько я знаю, эту карту Подгорный Народ ищет уже которое столетие,— невозмутимо проговорил Рабириец.— Она затерялась в мире людей и, думаю, не слишком важно, как она попала ко мне. Главное — она здесь. Вы получаете карту, мы — право уйти, забрав Кристалл.

Трайн сгорбился, словно пытаюсь зарыться в собственной бороде.

В его душе исконная гномская алчность боролась с недоверием и сильнейшим желанием не упускать Камень.

Не знаю, что там изображал пресловутый чертеж, но мудрое и предусмотрительное общество старейшин Хадходронда дружно зашептало своему предводителю:

— Подлинная... Точно, подлинная, и знак Дори Железного Шлема... В конце концов, какой прок с побрякушки, вдобавок магической?.. Наследие Изначальных, провались оно пропадом... Если сведения верные, у нас будет сотня таких камешков...

— Уговор,— рыкнул осаждаемый со всех сторон Трайн.— Идите! Идите и не возвращайтесь, потому что если ты, человек, солгал...

— Вы отыщете меня в любом городе Заката и Восхода, и постараетесь, чтобы моя смерть была весьма мучительной,— закончил фразу Эллар.— Спасибо за гостеприимный прием.

Он развернулся и пошагал к медленно открывавшимся бронзовым дверям. Я торопливо высочила следом.

Мораддин замешкался, с непонятной мне тоской глядя на возникшее в зале столпотворение. По-моему, Гроин окликнул его, но я рассудила по-своему — цепко ухватила отца за рукав и потащила за собой.

*Кезанкийские горы.
Около шестого послеполуденного колокола
24 дня Третьей весенней луны.*

Когда мы выбрались на поверхность, солнце клонилось к закату, окрашивая чапеобразную долину и сосны в яркий медно-золотистый цвет. Врата Кезанкии закрылись за нами, вновь обратившись гладкой скалой желтоватого цвета с вкраплениями зеленоватых прожилок, и я плюхнулась на галечную россыпь, от души прокричав в сине-лиловое небо:

— Ноги моей отныне не будет в подземельях!!

— Не зарекайся,— хмыкнул Эллар.— Нам лучше убраться отсюда подальше, пока дверги не опомнились.

— Что за карту ты им всучил? — меня разбирало любопытство пополам с восторгом.— Она настоящая?

— Во времена Наина Пятого или Шестого, не помню точно, она соответствовала истине,— Рабириец подержал мне стремя, пока я залезала в седло.— Это чертеж сокровищниц и рудников старой части Мориа, ныне засыпанной. Немного усердия, и лет через пять жители Кезанкийского королевства преизрядно пополнят свои кладовые.

— Но где ты его раздобыл? — продолжала настаивать я.

— Аластор пожертвовал. Ему она досталась за долги от какого-то вдарыз проигравшегося в зернь карлика из Чамгана. Как говорят в Шади-

заре, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь

Эллар выразительно закатил глаз, а я захихикала. Мы в самом деле на редкость везучие! Выбрались живыми, и Камень унесли!

— Куда едем? — Морадин после нашего спешного ухода из парадного зала, более смахивавшего на бегство, наконец произнес первое слово.— Талисман теперь у вас, что вы намерены с ним делать?

— Давайте рассуждать,— изрек свою любимую фразу Рабириец.— Полагаю, нам следует известить друзей и союзников о возвращении к жизни Морадина Эрде и о том, что мы добились кое-каких успехов.

— Навестить Аквилонию? — отец задумался, привычно оценивая шансы и возможности.

— Там Конан, который всегда тебе поможет,— напомнила я.— И Ольтен. Принцу очень пригодятся твой опыт и знания. Мы, наверное, должны сопроводить отца до Тарантии? — я впросительно покосилась на своего приятеля.

— Конечно,— согласился Эллар.— История с Троном Дракона обязана завершиться, после чего мы с чистой совестью можем отправиться в те края, где Камень и ты окажетесь в безопасности.

— В Рабиры? Нет, я не против, но ради чего?

— Из-за Каримэнона,— терпеливо объяснил маг.— Он, как и мы, нуждается в отдыхе. Нам предстоит многое сделать: поискать средство уменьшить силу притяжения между тобой и Та-

лисманом, разобраться, как вернуть Камню спокойствие Равновесия, ибо ты напомнила ему, как ненавидеть... В конце концов, я рассчитывал обучить тебя чему-нибудь полезному!

— Ты уже научил меня многим чрезвычайно полезным вещам,— проворковала я, услышав в ответ глуховатый смех Рабирийца.— Хочешь узнать, каким?

Я остановила кобылку посреди дороги, убегавшей вниз, к ковыльным равнинам Заморы, дожидаясь, когда Эллар поравняется со мной. Мораддин, без труда поняв, что дожидаться нас — дело бесполезное и безнадежное, хлестнул низкорослого гирканского конька, проехав вперед и наградив самонадеянную дочурку укоризненным взором.

Камень, спрятанный под колетом, внезапно кольнул меня острой тревожной иголкой. Яглянула на песчаный откос по левую руку — может, там крадется какое-нибудь хищное животное? Или обозленные дверги решили устроить погоню?

Отвлеклась я всего на краткое мгновение. Этого оказалось достаточно. Пепельный жеребец Рабирийца пронзительно заржал, и обернувшись, я увидела соскальзывающего с конской спины Эллара. Он падал неуклюже, мешком, как падают мертвецы или потерявшие сознание раненые на поле боя. Упал и больше не шевелился.

Резкий поворот головы, так, что хрустят позвонки. Шагах в десяти от меня топчется гнедая мохноногая лошадка, возле нее лежит коричне-

во-серая кучка тряпья с выброшенной в сторону рукой. Какое-то время пальцы медленно скребли пыльную землю, потом застыли.

Что происходит? Почему я не могу двинуться? Талисман подстреленной птицей бьется около сердца, исходя отчаянным звоном.

На склоне появляются всадники. Двое, пятеро... Десять человек. Мысли путаются, пальцы выпускают поводья, я бросаю стремяна и углавато покидаю седло, опираясь на теплый лошадиный бок. Всадники подъезжают ближе, трое спешиваются рядом с Мораджином Эрде, приподнимают его голову, утвердительно кивают и начинают деловито связывать моего отца. Выходит, на нас напали? Кто?

Напротив останавливается длинноногая пегая лошадь, с нее не спрыгивает, торопливо сваливается человек в черно-красной тунике, зачем-то хватая меня за расстегнутый ворот колета, вытягивает наружу цепочку с висящим на ней Кристаллом и торжествующе кричит. Я хочу предупредить его, чтобы не дотрагивался до Талисмана, но язык не слушается.

Ладонь незнакомца обхватывает Камень.

Вопль боли, от которого закладывает уши, а стоявшая сбоку рыжая кобыла делает свечку, сбивая меня с ног. Коснувшийся Каримэнона человек мечется на обочине, судорожно трясая обожженной рукой и непрерывно крича. Крик переходит в задушенный хрип, человек падает, катается и бьется в рыжей пыли, и вдруг замирает. Он лежит ко мне лицом, выпученные от

боли глаза стекленеют, изо рта стекает грязно-розовая пена, и я понимаю: он только что умер и я его знаю. Ораст из Сарваша Кофийского. Маг Ораст.

— Сколько раз я его предупреждал,— удрученный низкий голос принадлежит подошедшему к скрючившемуся труп кофийца человеку в ярко-красной хламиде.— В кои веки он почти сумел довести до конца порученное ему дело. Что ж, будем считать его погибшим от излишней преданности.

От звуков этого голоса в мою душу вползает холодный, липкий, обволакивающий любые мысли страх. Я больше не ощущаю присутствия Талисмана, хотя отчетливо вижу блики заходящего солнца на его гранях.

— Вставай, Дана,— ксальтотун протягивает мне руку, помогая подняться.— Должно быть, ты не слишком хорошо себя чувствуешь? Это пройдет. Видишь ли, я не могу позволить, чтобы ты опять улизнула или уничтожила кого-нибудь из моих людей... Что ты хочешь спросить? Как я тебя нашел? С моего откровенного попустительства ты и твой друг столь романтично и стремительно сбежали из Бельверуса. Следом за вами устремился Ораст. Оставалось набраться терпения и ждать, пока некая упрямая и настойчивая парочка отыщет исчезнувший Каримэнон. Говоря откровенно, я не сомневался, что вы своего добьетесь, хотя порой Орасту приходилось наставлять вас на путь истинный. Вас препроводили до Врат Кезанкии, после чего мой верный

ученик сообщил, что вы скрылись в подгорном царстве и неизвестно, когда вернетесь.

Тут Менхотеп совершенно отеческим жестом приобнял меня за плечи и повлек за собой — туда, где несколько человек окружили неподвижного Элара — продолжая невозмутимо рассказывать:

— Дабы лично присутствовать при завершении долгой и славной охоты, я покинул Бельверус и, использовав кое-какие простейшие заклинания перемещения в пространстве, прибыл сюда. Нет-нет, я не собираюсь насильно отнимать твоё сокровище. И убивать дорогих тебе людей тоже. Ты ведь не хочешь, чтобы они умерли? Знаешь, я предпочитаю учиться, добывая знания у других. Ваша предприимчивая троица даст мне ответы на кое-какие вопросы, а потом... Потом посмотрим. Только не надо делать такие яростные глаза. К сожалению, дорогая Дана Эрде, сейчас ты бессильна, хотя твой драгоценный Камешек болтается у тебя на шее. Объяснить, почему? Пришлось перерыть кучу пыльных фолиантов, прежде чем я создал подходящее заклинание, удерживающее в плену твою неугомонную душу и довольно симпатичное тело. Камень не беспокоится, полагая, что ты спишь. Кстати, твои друзья тоже мирно дремлют,— ксальтотун вытащил из складок хламиды полосатый, точно оса, короткий дротик и показал мне.— Немного черного лотоса, немного ароматных вендийских травок, немного магии и совершенно никакого шума.

— Скоро закончим, господин,— с почтительным поклоном уведомил ксальтотуна тип, распоряжавшийся хлопотами вокруг начавшего приходить в себя Рабирийца.— Остался только шлем, и порядок. Желаете взглянуть?

— Смотри-ка, твой друг оказался крепче, чем я предполагал,— с легким изумлением заметил Менхотеп и доверительно наклонился ко мне: — Я знаю, что он сделал в Демсварте, и догадался, кто он такой, но в подобное верится с трудом... Тебе-то, как ученице и заодно любовнице, наверняка известна правда? Скажи, он на самом деле Темный Всадник?

Я посмотрела на Эллара. Его усадили, прислонив спиной к валуну. Черная потрепанная куртка с серебряными нашлепками, которую он обычно носил, лежала неподалеку, в нее тщательно завернули длинный меч моего приятеля. Двое слуг Менхотепа возились с болтами странного вида оков, застегнутых на лодыжках и запястьях мага из Рабиров — браслеты серого с красными искорками металла шириной в три пальца, соединенные длинными цепочками.

— Лайворт, редчайшая вещь,— пояснил ксальтотун.— Поглощает магические волны без остатка, намного лучше холодного железа и серебра. Трудно сказать, подействует ли на воплощенное божество, но, если верить древним летописям, раньше помогало... Дана, отчего ты молчишь? Мне крайне любопытно услышать, кого я одолел. Итак, он — Всадник?

— Да,— беззвучным шепотом проговорила я.

— Забавно,— Менхотеп покачал головой, его серебряные серьги мотнулись туда-сюда.— Ты даже не представляешь, до чего забавно...

Из обычного холщового мешка на свет явился упомянутый шлем, также откованный из пепельного лайворта — гладкий, блестящий морион, лишенный привычных глазных прорезей и с забранным мелкой сеткой отверстием для дыхания.

— Не надо... — безумным усилием я смогла протолкнуть слова наружу. Ксальтотун сочувственно похлопал меня по плечу:

— Извини, придется. Кто знает, на что способен твой приятель? Я вынужден позаботиться о себе, да и об окружающих тоже.

Может быть, Эллар расслышал наши голоса? Я увидела, как его живой глаз распахнулся, сразу выхватив самое главное — ксальтотуна и меня. Зрачок в сером ореоле чуть расширился, пристально следя за моим лицом, пока ровный край опускавшегося мориона не скрыл его.

Глава восьмая

Из дневника Халька Юсдаля — III
«Единым росчерком пера»

Тарантия, Аквилония.
25 день Третьей весенней луны.

В общей сложности, «Пергаментная война» между Аквилонией и Немедией тянулась почти четыре седмицы. Должно быть, немало лошадей потеряло подковы, скача по Дороге Королей от Тарантии к Бельверусу и обратно, и немало гонцов слало проклятия жестким седлам и правителям, желающим, чтобы их драгоценные депеши как можно скорее доставили по назначению.

Конан относился к обмену высокопарными посланиями с равными долями скуки и истинно варварского презрения, предпочитая слову — делу, принц Ольтен Эльсдорф и его приспешники — с негодованием, Пуантенский Леопард и ваш

покорный слуга, добровольно взявшие на себя обязанность сочинять ответы, искренне развлекались. Вдобавок я вовсю злоупотреблял возможностью подбрасывать в сумки королевских гонцов свои личные письма, отправлявшиеся в Бельверус на имя молодой баронессы Целлиг. Время от времени Цинтии выпадал счастливый случай переслать ответ, но какой толк от десятка торопливо набросанных строчек, не дающих никакого представления о том, чем занята и какие планы строит моя взбалмошная дама...

Для выяснения истины требовалась сущая малость: бросить все, отправиться в Немедию и поговорить с Цинтией. Я уже всерьез начал задумываться о подходящем предлоге, когда в Тарантийский дворец доставили послание, резко отличавшееся по тону и характеру от своих предшественников.

Выглядело оно, как и другие. Плотный пакет коричневого пергамента, зеленые и красные сургучные печати личной канцелярии владельца Трона Дракона, под центральную вложено орлиное перо, означающее крайнюю спешность. Первым с его содержанием ознакомился Просперо, немедленно разославший слуг по всем уголкам дворца в поисках лиц, коим следовало узнать о последних новостях из Бельверуса.

Вестник застал меня на положенном месте, то есть в комнатах на третьем этаже дворца, прилегающих к обширным помещениям Королевского архива. Господин библиотечарь маялся двойственностью собственного разума, одна по-

ловина которого корпела над переложением хроники времен королевы Алиенор со староаквилонского на нынешнее наречие, а другая изощрялась в сложении очередного куртуазного письма, предназначенного Цинтии Целлиг. На пергаментном листе в самых невероятных сочетаниях перемешались отрывки, посвященные описанию героического похода аквилонской армии к границам Офира, и строки, которые иначе как «сугубо личными», не назовешь. Пришлось брать нож и старательно соскабливать всю писанину.

Краем уха я прислушивался к доносившимся из-за распахнутых двухстворчатых дверей голосам: в библиотеке находились посетители, блуждавшие между огромных шкафов и стеллажей в поисках необходимых фолиантов, и перекликавшиеся между собой. Мера вынужденная, но оправданная — вопреки скудно отпускаемым из казны средствам за последние шесть лет книжное собрание Тарантийского замка приобрело достойный вид и изрядно расширилось. Конечно, до Бельверусского архива нам еще далеко, однако большое начинается с малого, не правда ли?

В данный момент по библиотеке странствовали трое — магистр гильдии строителей, он же главный королевский архитектор месьор Бланд, изыскивавший сохранившиеся чертежи грозившей скоро рухнуть Старой ратуши в полуденной части города, а также Монброн-старший и его рабирийская подружка. Именно ее серебристый голосок позволял мне без труда следить за пере-

мещениями визитеров по библиотечным залам. Вот что-то с шелестом свалилось на пол, кто-то громко расчихался, звонко щелкнули расстегиваемые бронзовые зажимы на очередной книге...

Если месьор Бланд, как всегда, явился сюда с определенной целью и ради полезного дела, то Райан, по-моему, просто обожал шататься по книгохранилищу в надежде обнаружить какой-нибудь старинный раритет. Порой ему удавалось наткнуться на забытые всеми рукописи, засунутые в глубины шкафов.

С сожалением вынужден признать, что составление общего каталога библиотеки, на создание коего уже который год уходят силы старого Озимандии, мой и десятка наших помощников, пока равно далеко и от завершения, и от совершенства.

Кстати, о Райане Монбрене. С некоторых пор в поведении танасульского мага начали появляться определенные перемены, и перемены эти — хвала всем богам! — вроде бы к лучшему. Он стал меньше язвить и выказывать свое пресловутое презрение к миру, хотя в отношении вызывающе ярких нарядов его вкус заметных изменений не претерпел.

Полагаю, мы должны сказать «спасибо» благотворному влиянию госпожи Фриерра. Может, характер Монброна-старшего испортился оттого, что он не мог подыскать себе подходящей спутницы? Я по-прежнему считаю подобный выбор несколько шокирующим, однако если волшебника устраивает общество женщины-гуля — их де-

ло. Меланталь Фриерра отчасти похожа на Рингу Эрде, но, если так можно выразиться, более возвышенна, мечтательна и склонна к созерцательному образу жизни. Как есть Дева Лесов из старинного предания, тогда как герцогиня Ринга и ее наследница — парочка крайне предприимчивых, неутомонных и решительных особ.

И я весьма затрудняюсь представить изысканную Меланталь в ее прирожденном образе вампира. Как она выкручивается, если ей жизненно необходимо хотя бы раз в три дня пить кровь живого существа? Надо полагать, специально ради нее на дворцовых кухнях содержат десяток-другой куриц или поросят, и она достаточно умела, чтобы никому не попадаться на глаза во время своих трапез. Слухов о жутковатых пристрастиях госпожи Фриерра, во всяком случае, пока не ходит. Правду о ней во всем замке знают лишь пяток человек, и эти люди — не из болтливых. Что же до обычных сплетен, то, полагаю, Танасулец и его подруга сообразят не обращать на них особого внимания...

— Месьор Юсдаль! — должно быть, я так задумался, что дворцовому лакею пришлось дважды или трижды окликать меня по имени. — Месьор Юсдаль, его светлость герцог Просперо хотел бы немедленно видеть тебя в Малой Охотничьей гостиной.

— Немедленно? — озадаченно переспросил я, встряхивая головой, дабы придти в себя. В дверях библиотеки появилась рабирийка, державшая в руках растрепанный томик старинной ле-

тописи, и вопросительно глянула на нас. — А что стряслось, милейший?

— Из Бельверуса доставили какое-то известие, — кратко пояснил служитель, поклонился Меланталь и осведомился, не присутствует ли здесь месьор Райан, ибо его и госпожу Фриерра также приглашали на встречу.

— Письмо из Немедии? — слегка удивился вынырнувший из-за шкафов Монброн-старший. — Так их каждые три-четыре дня привозят. К чему такая спешка и таинственность?

— Значит, нынешнее письмо какое-то особенное, — предположил я и оказался прав.

В Малую Охотничью мы явились последними. Кроме самого Пуантенца там уже сидел пребывавший в крайне мрачном настроении Конан, разозленный чем-то и с трудом удерживавший себя в руках Ольтен, Ньоро, с тревогой поглядывающий то на своего сюзерена, то на правителя Аквилонии, и державшаяся в отдалении Зенобия Сольскель.

Судя по выражению ее лица, девица из Пограничья напряженно о чем-то размышляла, приходя к неутешительным выводам.

Пресловутый конверт из Немедии со зломанными печатями лежал посредине стола, по соседству с кувшинами аргосской «Морской волны» и золотыми бокалами. Просперо кивком предложил нам ознакомиться с посланием, что я незамедлительно проделал. Райан и Меланталь пристроились сбоку, заглядывая мне через плечо. От рабирийки пахло еле различимыми и на-

верняка дорогими благовониями с запахом лаванды.

— Широкий жест,— нарочито равнодушным тоном проговорил Монброн-старший, добравшись до конца послания.— Слишком широкий, и потому чрезвычайно подозрительный. Кто-нибудь желает оспорить мое мнение?

— Никто,— высказал общее мнение Ньоро, растерянно добавив: — Но я не понимаю...

Признаться честно, я тоже ничего не понимал.

Депешу из Бельверуса выводила не опытная и безличная рука умелого писца королевской канцелярии. Похоже, ее начертил лично Тараск Эльсдорф, подобрав безукоризненно-куртуазные и вежливые фразы, заключавшие в себе призыв положить конец царящей между двумя странами-соседями двусмысленности, избежав при том ненужной трескотни, шумихи и бряцания оружием. Отдавая дань проницательности и уму королевы Чабелы Зингарской, Тараск вполне справедливо указывал, что разрешение затруднений между Аквилонией и Немедией касается только упомянутых государств. Суховатые и деловые предложения Тараска Эльсдорфа сводились к следующему: довольно словесных игр под знаком «плаща и кинжала», довольно военных стычек и напрасного изведения дорогого пергамента, необходима встреча. Личная встреча заинтересованных лиц, сиречь Конана, Ольтена и Тараска. Никаких колдунов с их непредсказуемыми выходками, никаких притащенных с собой

армий, никаких пышных церемоний и по возможности — никаких сторонних свидетелей.

Местом правитель Трона Дракона предлагал избрать малоизвестную немедийскую крепостцу Арнейд, расположенную вблизи границы, временем назначался двадцать восьмой день Третьей весенней луны. Он, Тараск, прибудет в Арнейд к назначенному сроку с небольшим числом охранников и будет ждать ответа, сиречь либо появления Его величества Конана Канаха, либо гонца с вестью об отказе Аквилонии вступать в какие-либо мирные переговоры.

Уже поставив свою роспись и заверив ее королевской печатью с гербом страны, Тараск сделал приписку, извещавшую, что он постарается обеспечить прибытие на грядущую встречу герцогини Эрде-младшей, буде разыскивающим ее людям удастся обнаружить местонахождение таковой и убедить наследницу дома Эрде последовать доводам разума, а не эмоций. Он признает, что допустил ошибку, сгоряча распорядившись казнить госпожу Долиану, однако его можно понять — по ее вине Немедии потрясло крупнейшее военное поражение за последние двадцать тридцать лет, не считая ущерба, причиненного Рокодом!

Сложив весьма удивительное письмо Тараска, я вернул его в конверт и выжидательно посмотрел на того, кому надлежало принимать решение — на Конана.

— Я поеду,— тоном, не принимающим малейших возражений, откликнулся король Аквилонии.

нии.— Хватить бродить вокруг да около! В чем этот проходимец Тараск прав, так в том, что Совет Семи королей ничего не добился, лишь все испортил

— Неужели у Вашего величества достанет неосторожности поверить хотя бы единому слову в нагромождении этой чудовищной лжи? — Ольтена, похоже, ввергало в состояние ярости одно упоминание имени нынешнего правителя Немедии.— К тому же Дана... госпожа Эрде никогда не согласится иметь дело с изменником, обманом захватившим власть!

— Ой ли? — вполголоса пробормотала Меланталь.— На какие жертвы порой приходится идти ради установления истины...

Она не договорила, внезапно коротко махнув рукой.

— Если хотите знать мое мнение, я бы прогулялась в этот Арнейд,— ни к кому не обращаясь, ровно произнесла Дженна.— Попыталась бы разузнать, чего на самом деле добивается Тараск. Порой он умеет быть честным — когда ему это выгодно, разумеется. Чем он может навредить? Не укрыть же в кустах отряд головорезов с приказом убить приехавших на встречу? Нелепый и безрассудный поступок, а Кофиец при многих недостатках глупцом не является.

— Я против поездки,— сухо оповестил собрание Райан Монброн.— Это письмо — очередной виток игры за трон Немедии. Не стоит ее поддерживать. Пусть Тараск с присными недоумевает. Глядишь, совершит какую-нибудь ошибку.

Милейшая Зенобия, королям, за редкими исключениями, честность несвойственна.

— Съездить, проявляя наивозможнейшую осторожность и предусмотрительность,— высказался Просперо. Я кивнул, присоединяясь к идее герцога. Неожиданно представившийся шанс нужно использовать, иначе мы опять окажемся втянуты в бесконечный круговорот придворных интриг и заговоров.

В этом духе я и высказался, добавив, что за одну-единственную встречу наверняка ничего не решится, но попробовать стоит. Ведь речь идет о налаживании отношений не с отдаленными тысячами лиг Тураном или Кхитаем, а с расположенной у нас под боком Немедией! Мы и так нарушили множество традиций. Скажем, на коронацию нового владельца Трона Дракона не явилось ни одного представителя двора Аквилонии, что в давние времена давало повод к началу немедленной войны... Кто знает, вдруг Тараск одумался и желает выторговать условия своего почетного ухода в отставку?

Немедийцы, Ольтен и Ньюро, встретили мое предположение дружным презрительным хмыканьем.

— Неизменный глас разума, то есть голос Халька из Юсдаля,— без обычного азарта съязвил Конан.— Значит, господин библиотекарь милостиво соглашается составить нам компанию. Выезжаем завтра, думаю, за пять-шесть дней обернемся. Даже сплетни не успеют разойтись. Ольтен, если хочешь, оставайся в столице.

— Это оскорбление или шутка, Ваше величество? — нехорошо прищурился младший Эльсдорф. — Осмелюсь напомнить, речь идет о моей судьбе и моих законных правах!

Киммериец не удостоил его ответом, хотя подобное неуважение к собеседникам нашему королю обычно несвойственно. И привычной вечеринки сегодня тоже не вышло — у всех нашлись неотложные дела, которые необходимо закончить до отъезда.

Полагаю, многие во дворце ломают головы над причиной, вызвавшей в последнюю седмицу столь резкое ухудшение настроения правителя Аквилонии, но я-то знаю разгадку.

Конану довольно резко напомнили, что в мире еще остались люди, которым не затмевает глаза блеск королевского титула, и что отнюдь не каждая женщина с готовностью согласится стать фавориткой правителя. За настоящей женщиной, бледным подобием коей являлась благополучно отправившаяся в свое тауранское имение Альбиона Каэнос, любому придется побегать — хоть королю, хоть обычному горожанину...

Ах, Дженна, Дженна. Поскорее бы они с Конаном разобрались между собой и пришли к какому-нибудь решению: то ли она уедет в Пограничье, то ли останется в Аквилонии. В конце концов, единственный недостаток Зенобии Сольскель — низкое происхождение. Чем-то она напоминает незабвенную Мойю Махатан из Темры, только Дженне отлично известны жестокие порядки придворной жизни и она способна играть

по этим правилам. Моя не умела. Красивая и тихая уроженка земли Гвинид прошла по краешку наших жизней и исчезла, как смутное воспоминание.

Впрочем, что хлопочу о чужих судьбах? Собственную бы устроить, ибо моя рыжекудрая мечта, увы, в данный миг находится в Бельверусе. Представления не имею, смогу ее повидать в ближайшую луну или нет.

Крепость Арнейд, граница Немедии и Аквилонии.

28 день Третьей весенней луны.

Девятый полнолуночный колокол.

За делами и хлопотами королей совершенно позабылось, что в наши края пришла вполне обычная новая весна. Дожди и распутица сменились солнечными днями, дороги высохли, черные леса подернулись свежей, пронзительно-зеленой листвой, и над нашими головами пронзительно орали какие-то птицы. Дженна сказала, это дрозды спорят из-за мест под будущие гнезда, и мы в ответ согласно покивали — ей виднее. В конце концов, девица из Пограничья наверняка знает бегающих, летающих и плавающих обитателей лесов назубок, а нам, городским жителям, какая разница? Дрозды и дрозды.

Мы прибыли сюда прошлым вечером.

«М-» — Его величество король Аквилонии Конан Канах, десяток человек свиты во главе с герцогом Просперо, да полусотня Черных Драконов («Вполне хватит и этого, — отмахнулся Конан

в ответ на предложение увеличить число военной охраны до трех сотен мечей.— Не на войну собираемся»).

Форт Арнейд оказался сущим захолустьем: нуждающаяся в починке деревянная крепость с крохотным гарнизоном лигах в шести к Полуночи от Дороги Королей. Основное занятие местных вояк — ловля шныряющих между Немедией и Аквилонией контрабандистов, с которыми они справляются из рук вон плохо. Пока мы ехали к крепости, вспугнули в лесу какую-то шайку, мгновенно вскинувшуюся в седла и рысью дунувшую в сторону Заката.

Немедийцы не рискнули расположиться в собственной крепости (видимо, опасались, что ночью бревна обрушатся им на головы) и разбили лагерь в десяток шатров и палаток у подножия занятого фортом холма. Тараск привел чуть больше людей, чем мы — утром я насчитал приблизительно сотню гвардейцев в зеленой с красным форме королевской страже — и выполнил данное им в письме обещание: зловецкий ксальтотун отсутствовал. В этом нас заверил все-таки решивший присоединиться к отряду Райан Монброн. После чего маг ядовито осведомился, должен ли он также покинуть пределы аквилонского лагеря, заслужил от короля прозвище «склочника» и с достоинством удалился, не забыв прихватить свою подружку.

Ушли они недалеко. Сели на стволе поваленного дуба, откуда открывался вид на крепость и серо-желтые палатки немедийцев. Вскоре к ним

присоединилась Дженна, и, поскольку для господина королевского летописца до начала переговоров никаких дел не предвиделось, я решил узнать, не возражает ли компания против моего общества. Никто не возражал, но настроение у всех троих почему-то было подавленным.

— Эта затея перестала мне нравится,— высказалась Зенобия, меланхолично крутившая в ладони маленький стилет.— Все идет как-то слишком...

— Слишком благопристойно,— подсказала рабирийка.

— Угу. Тишь да гладь. Неужто Тараск так повздорил с любезным его сердцу ксальтотуном, что решил действовать самостоятельно? Райан, знаю, что лезу не в свое дело, но ты уверен, что Менхотепа здесь нет? Я наведалься к немедийцам и глянула по сторонам. Аппрас и Ораст Сарваш точно не приехали. Если только не прячутся в палатках или не выкопали себе берлогу в окрестном лесу.

— Не уверен,— после некоторого молчания откликнулся Монброн-старший.

— Что значит «не уверен»? — вскинулся я.— В каком смысле?

— В прямом. Как всякий человек, я способен ошибиться. На первый взгляд ксальтотуна вроде бы тут нет, но клясться в этом на алтаре Митры я бы не рискнул. Сейчас его нет, а спустя миг он появится.

— Тогда нужно предупредить короля,— я начал подниматься с бревна, как вдруг замер в не-

лепом полусогнутом положении, услышав пронесенные высоким и твердым девичьим голосом слова:

— Доброе утро, месьор Хальк. Ты получил мое письмо?

Я оглядывался так медленно, словно мне стукнуло полторы сотни лет и мои суставы грозили вот-вот рассыпаться в прах. Райан, Меланталь и Дженна управились куда быстрее господина летописца, но выражение их лиц стало на редкость одинаковым: растерянным и недоверчивым. Зенобия аж выронила свой стилет, воткнувшийся глубоко в землю.

Увлечшись разговорами, мы не заметили, как со стороны немедийского лагеря к нам подошла невысокого роста девушка — молоденькая, темноволосая, в зеленовато-серебряном, под цвет глаз бархатном платье, волочившемся по мокрой траве.

Первой дар речи обрела Дженна, хрипловато спросившая:

— Долиана Эрде?

— Она самая, — невозмутимо кивнула девушка и перевела взгляд на меня: — Так мое послание дошло?

— А-да, — почему-то заикнувшись, ответил я. — Но как?.. Почему ты здесь? Тебя заставили? Тараск держит тебя в плену?

— С какой стати? — искренне удивилась Дана. — Его люди отыскиали меня... нас в Заморе и передали нижайшую просьбу приехать в Арнейд. К сожалению, я не знаю последних новостей, но

могу сказать одно: расстановка сил в Бельверусском замке изрядно переменилась.

— Где Камень? — шелестящим, еле различимым шепотом проговорила Меланталь. Я заметил, что рабирийка изо всех сил пытается не задрать верхнюю губу, чтобы не показывать клыков, и одновременно пятится прочь от Даны, словно боится ее. — Где Эллар? Ты бежала с ним, я знаю, но где он сейчас? Где?

— Неподалеку, — почти по слогам отчеканила Долиана Эрде. — Они неподалеку... Вы их обязательно увидите. Попозже. Чуть попозже, — она громко, принужденно рассмеялась.

Девушка-гуль шарахнулась к Райану и съежилась, будто от холода. Дженна обеспокоено хмурилась, и, признаться, я разделял ее тревогу. Конечно, я видел Дану Эрде всего два раза, но в моей памяти ее облик сохранился несколько иным. Наследница Мораддина походила на ослепительно яркий огонек, принявший облик девушки, и у нее не имелось привычки изъясняться недомолвками. Куда она подевала свой драгоценный Талисман и своего приятеля?

— Госпожа! Госпожа Долиана! — отчаянный вопль мертвого бы поднял из могилы и принадлежал Ньоро Висмарту, спозаранку решившему прокатиться верхом вокруг крепости и теперь возвращавшемуся в лагерь. Молодой немедиец не выпрыгнул, вывалился из седла и побежал к оглянувшейся на крик Дана. Шагах в трех остановился, как вкопанный. Девушка приветливо смотрела на него, ожидая шумных и не слыш-

ком вразумительных расспросов, однако Ньоро просто глядел на нее, медленно отступая назад, пока не споткнулся о корень и не пошатнулся. Дана протянула ему руку, но молодой человек дернулся в сторону, будто увидел ядовитую змею. Эрде-младшая недоуменно пожала плечами, повернулась и скрылась среди деревьев, держа путь к стоянке Тараска.

— Да что с вами стряслось? — раздраженно осведомился я. — Это ведь Долиана Эрде! Она нашлась, она жива и вроде бы в безопасности!

— Эта женщина выглядит как Долиана Эрде, — удрученно произнесла рабирийка, понуро жавшаяся к своему приятелю. — Только... У нас в лесах такое называется — «ослепшая душа».

— Наша Госпожа была другой, — Ньоро подошел к нам, продолжая неотрывно и тоскливо глядеть вслед удалявшейся тонкой фигурке в зеленом платье. — Что с ней сделали? Она словно дремлет на ходу... По-моему, она толком меня не узнала... Какими обещаниями или угрозами Тараску удалось переманить ее на свою сторону?

— Она не говорила, что находится на стороне Тараска, — напомнил я и сам поразился, как неуверенно прозвучали мои слова. С Даной Эрде творилось нечто весьма неладное, и я не мог решить, радоваться или огорчаться тому обстоятельству, что дочь Мораддина вновь находится среди нас. Однако я точно знал, что должен поскорее известить Конана и Ольтена о присутствии в немедийском лагере младшей из семейства Эрде. Независимо от состояния ее рассудка, До-

лиана — слишком важная персона, с которой необходимо считаться.

Придется кое-кому до начала переговоров поднапрячь разум и воображение в попытках догадаться, какой новый ход измышляет Тараск Эльсдорф и что мы в силах ему противопоставить.

*28 день Третьей весенней луны.
Одиннадцатый полнолуночный колокол.*

Для столь поспешно устроенной, хотя в общем не противоречащей традициям Материка встречи королей возвели даже не шатер, а скорее навес, растянув на прогалине в дубовой роще большие желтоватые полотнища с гербами Немедии. Холщовые стены колыхались под ветром, и оттого по лицам находившихся внутри людей и по предметам скудной обстановки пробегали янтарного цвета блики.

С нашей последней встречи, произошедшей более луны назад, Тараск не слишком изменился, разве слегка осунулся и стал резковат в движениях. Долиана Эрде, единственная женщина среди присутствующих, сидела во главе маленького походного стола. Когда вошедший Ольтен кинулся к ней, госпожа Эрде-младшая одарила его столь надменным взглядом, что принц смешался и наверняка пожалел о своем порыве.

На столе перед Даной лежали какие-то пергаменты и стоял бронзовый чернильный прибор. Больше ничего — никаких обычных на подобных

встречах угощений, даже ни одного кувшина с вином!

В общем, из всех переговоров, на которых мне удалось побывать в качестве участника, летописца или свидетеля, эти заслуживали названия наиболее диковинных. Четверо главных действующих лиц: Конан, Ольтен, Тараск и Долиана. Двое представителей Немедии — какой-то вояка в немалых чинах и крюкотворского вида желчный старик. Двое представителей Аквилонии, его светлость пуантенский герцог и некий Хальк Юсдаль из Гандерланда. Остальным предоставлена возможность маяться ожиданием и догадками за цепочкой грозных немедийских гвардейцев, выстроившихся кругом шатра. Только что прозвучало зачитанное стариком традиционное требование к членам свит, обязывающее их хранить молчание относительно тайн, которые им доведется увидеть и услышать на этих переговорах, в чем оные свитские принесли клятву, скрепив ее своими личными подписями и фамильными печатями. Пергаментный лист с шуршанием свернулся.

— Благодарю за ваше согласие приехать, — вежливо и самую капельку язвительно произнес Тараск. Он пренебрег своим законным правом сидеть, встав позади табурета Даны. Я подумал, что такой поступок можно истолковать двояко: не то Тараск подчеркивает свои дружеские отношения с Долианой Эрде, не то предостерегает, дабы она не сболтнула лишнего. Сам я последовал примеру Пуантенца и Ольтена, решившись

занять место на скамье для гостей. Предназначенное Конану тяжеловесное кресло осталось пустовать — король Аквилонии предпочел остаться на ногах. Что это, дань варварскому обычаю: «В доме врага не садятся, не едят и не пьют»?

Тараск Эльсдорф продолжал:

— Собравшись здесь, мы получаем счастливую возможность разрешить наши трудности без советов доброжелателей и к нашей взаимной выгоде. Однако предупреждаю заранее, во избежание упреков — ни о каком моем отречении речи быть не может. Я догадываюсь, что обо мне думает и каким чудовищем считает Его величество Конан Канах, однако напомним, что сам он получил престол...

— Это дело прошлого, — очень спокойно и на удивление сдержанно перебил Конан. — Мы обсуждаем день сегодняшний. Дальше.

— Тягости нынешних дней кроются в следующем, — Тараск наклонил голову и еле слышным шепотом спросил что-то у Даны. Та подумала миг и согласно кивнула. — Вопреки измышлениям завистников и клеветников я уже два десятка дней являюсь признанным королем Немедии, коим собираюсь остаться на время, удобное богам. Однако начало моего правления трудно назвать безоблачным: бунт черни в Бельверусе, Рокод, крайне оскорбительные действия Совета Семи королей и в завершение — события возле Демсварта. Знаете, — Кофиец понизил голос и доверительно сообщил: — от пресловутой «вели-

кой армии» Немедии осталось едва ли три четверти. Да, признаю, я тоже совершил немало ошибок. В первую очередь — проявил слишком много доверия к не заслуживающим того людям.

— Ваше величество имеет в виду волшебника Менхотепа? — интересно, только я заметил допущенную Просперо крохотную заминку перед словом «величество»?

— Его в том числе, — любезно подтвердил Тараск. — Как видите, мои дела обстоят не лучшим образом. Примите также во внимание, что мне пришлось вызвать крайнее неудовольствие благородного сословия, казнив зачинщиков Рокода, и получить постоянную угрозу в лице весьма подозрительной персоны, именующей себя Ольтеном Эльсдорфом. Многие до сих пор верят, что Ольтен — истинный наследник династии. Честно говоря, мне безразлично, самозванец он или нет, однако не хотелось бы в течение ближайшего десятка лет тратить золото на подкуп людей, изъявляющих желание принести мне голову сего молодого человека.

Выражение лица Ольтена ясно доказывало, что только воспитание и присутствие в шатре посторонних личностей удерживает его от стремления вцепиться Тараску в горло.

— Постарайтесь меня понять, — слова немедийского правителя звучали размеренно и веско, — я должен заботиться о своей стране и своей репутации, но считаю, что крови пролито достаточно. Я пытаюсь остановить это безумие и мне требуется помощь.

— Какая? — деловито уточнил Конан. Долиана перевернула лежавшие перед ней пергаменты, достала нужный лист и протянула Тараск. Тот помотал головой:

— Прочти ты, дорогая.

«Дорогая»? Вот как? Для своих шестнадцати лет Долиана Эрде на удивление умело находит могущественных покровителей и меняет друзей.

— Наши предложения таковы, — девушка, видимо, хорошо знала текст, ибо почти не глядела на лежавший перед ней пергамент. — Его величество Тараск признает Ольтена Эльсдорфа законным носителем этого имени, что заверяется королевским указом, который огласят в столице и всех крупных городах страны. Взамен Ольтен Эльсдорф подписывает этот документ, — она постучала ногтем по свитку, — который гласит, что все его поступки, в том числе написание оскорбительных писем к Совету Семи королей, устройство Рокода и война против законного правителя, являлись следствием душевного разлада, вызванного зрелищем гибели...

— Никогда! — Ольтен взвился с места. — Дана, как ты можешь?! Ты же знаешь, это ложь — от первого до последнего слова!

— Дай им договорить, — рыкнул Конан.

— Зрелищем гибели наследников Его величества короля Нимеда Первого, — невозмутимо продолжала чтение Эрде-младшая, словно ее и не перебивали. — Кроме того, здесь сказано, что с начала прошлой луны Ольтен Эльсдорф находился под влиянием особы, владеющей тайнами

колдовства. Сия особа злонамеренно использовала праведное негодование принца в своих интересах, убедив его, что Тараск Эльсдорф является узурпатором... Это обо мне,— с легкой улыбкой пояснила Дана.— Таким образом, его светлость Ольтен полностью осознал свою неправоту и надуманность своих обвинений. Он отказывается впредь предъявлять какие-либо права на престол Немедии, без принуждения уступая их старшему сородичу, Тараску Эльсдорфу, принцу крови и племяннику покойного Нимеда Эльсдорфа, и покидает страну, дабы никто впредь не мог использовать его имя в своих неблагоприятных замыслах.

— Госпожа Эрде-младшая проявила редкое для ее юных лет здравомыслие,— заметил Кофиец.— К чему враждовать, когда необходимо исправлять последствия ее неосторожных поступков? Чернь получила свою кость — виновников Рокода. Этого вполне достаточно. Герцогиня Эрде искупит свою вину, став верной сторонницей короны.

— Ваши требования на этом исчерпаны? — настороженно осведомился Просперо. Пуантенский Леопард входил в знакомые ему уголья казуистических ловушек, недомолвок и словесных капканов.

— Не совсем,— любезно откликнулся Тараск.— Дальнейшее — не требование, но призыв к проявлению доброй воли. Трон Дракона и хранящая им страна с радостью приветствовали бы в Бельверусе послов дружественной Аквилонии,

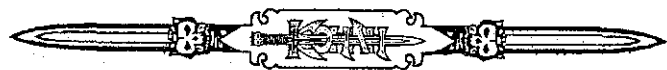
по нелепой случайности отсутствовавших на недавних торжествах по случаю вступления на престол нового короля. Также было бы неплохо, если Его величество Конан Канах в какой-либо форме удостоверит истинность признаний Ольтена Эльсдорфа. Полагаю, слово Льва Аквилонии не вызовет сомнений ни у кого, начиная от уважаемой всеми нами королевы Чабелы до управителей какой-нибудь захудалой Заморы.

— Допустим... только допустим, что мы принимаем ваши условия,— медленно, взвешивая каждое слово, заговорил Пуантенец.— Тут много говорилось о взаимной выгоде, но я пока не вижу, что подобное соглашение сулит Аквилонии?

— Прекращение нелепой розни, спокойствие на границах и восстановление нарушенных торговых путей,— с готовностью перечислил Тараск.— Ольтен Эльсдорф и его единомышленники отныне могут больше не тревожиться за свои жизни, устраивая их по собственному разумению там, где им угодно — в Аквилонии, в Зингаре или Пиктских Пущах. Если угодно, заключим соглашение о ежегодных выплатах из казны в пользу его высочества. Госпоже Эрде возвращается достояние ее семьи, приговор королевского суда о конфискации владений Эрде будет отменен...

— Она тоже покинет Немедию? — вырвалось у меня.

— Долиана Эрде останется,— отрезал Тараск. Дана чуть смягчила его ответ, рассеянно улыбаясь и добавив:

— Поверьте, у меня на то есть веские причины...

Однако мелькнуло в ее обманчиво-спокойном взгляде нечто, заставившее меня насторожиться. Дженна с ее варварским чутьем права — от переговоров дурно пахнет. Это представление, разыгранное специально для нас. Оно насквозь фальшиво, и все же я не могу ни в чем упрекнуть Тараска. Ему позарез нужны хорошие отношения с нами и нашими союзниками вроде Зингары, Аргоса или Офира. Этим документом, особенно если его заверит Конан, Тараск Эльсдорф надолго заткнет рот приспешникам старой династии Нимеда. Не подкопаться. Нигде не подкопаться. Должно быть, Просперо пришел к схожим выводам, ибо оглянувшись на Конана и еле заметно пожал плечами.

Похоже, на сей раз мы проигрываем... Не видать Ольтену трона своих предков. Отказаться подписывать — втянуть Аквилонию и ее соседей в затяжной конфликт, при котором, как обычно, пострадают невинные, а относительно мирное бытие Заката снова превратится в кровавую круговерть. Боги, с времен Офирской войны минуло всего два года! Неужели опять все сначала?

— Едва не забыл,— нарушил молчание Тараск.— Понимаю, вам требуется время для размышлений, но я непременно должен вам кое-что показать. Вернее, кое-кого. Подойдите сюда, Ваше величество. Вашим спутникам это зрелище тоже покажется небезынтересным и наверняка поможет принять верное решение.

Мы столпились у выхода из шатра. Что еще оставалось делать? Меня крайне беспокоило состояние Ольтена, от ярости близившегося к полнейшему отчаянию. Он прекрасно понимал, что его слова и желания почти ничего не значат. Он — никто, изгнанник, из милости принятый королем Аквилонии. Личные привязанности правителей всегда вынуждены отступить перед соображениями политики. Горько признавать, но это так.

Занавеси шатра отодвинулись. Мы увидели несших караул гвардейцев Немедии и остановившийся шагах в двадцати от шатра фургон, запряженный парой тяжеловозов. Чуть дальше, под деревьями, стояли Райан, Дженна, Меланталь и Ньоро, с возрастающим удивлением созерцающая разыгрываемую перед ними сцену.

Фургон охраняли десяток человек, носивших на плащах уже попадавшийся мне на глаза неприметный герб с изображением летучей мыши. Великолепная, натасканная покойным Мораддином Эрде гвардия Вертрауэна, теперь доставшаяся Тараску...

Двое или трое охранников возились с откидываемым задником повозки. Затем они приставили короткую лестницу, залезли внутрь и очень аккуратно вывели наружу какого-то человека. Даже не вывели, скорее, вынесли, ибо ноги и руки незнакомца были опутаны еле слышно позванивающими цепями. Пленника поставили возле борта фургона, сняли с его головы черный мешок и развернули лицом к нам.

— Его отыскала Долиана, — в мое оцепеневшее сознание пробился чуть ироничный голос Тараска. — Знаете, где? В Кезанкийских горах, в тамошнем подгорном королевстве dwarves. Он решил навсегда покинуть мир людей, однако у его дочери имелись иные планы. Не нужно спрашивать, знаете ли вы этого человека? Да-да, хитроумный Мораддин Эрде воскрес из мертвых. Увы, он больше не всемогущий глава жуткого Пятого Департамента, а всего лишь изловленный злодей короны. Оно слово короля Аквилонии — и герцог Эрде останется в людской памяти именно таким: пронырливым и честолюбивым интриганом, казненным за измену Трону Дракона, которому он якобы верно служил. Или же он навсегда пребудет мертвым, ушедшим, как подобает человеку его характера, павшим, защищая свой дом и семью от взбунтовавшейся черни.

Мораддин поднял голову, равнодушно взглянув на нас. Я услышал короткий, сдавленный выдох, как от нанесенного под дых сильнейшего удара. Можно не гадать, кому он принадлежал — Конану. Вот и встретились старые друзья.

*28 день Третьей весенней луны.
Первый послепопуденный колокол.*

Думаю, потребуй Конан разрешения обменяться с Мораджином хотя бы парой фраз, Тараск бы проявил великодушие к противнику. Однако правитель Аквилонии резко повернулся

и ушел обратно в шатер. Ольтен рванулся за ним. Я различил лишенный малейших проблесков надежды голос немедийского принца:

— Значит, я должен это подписать? Тараск отыскал безотказное средство! Откажемся — Эрде умрет, и трудно сказать, что станет с Даной. Кофиец не шутит, ты понимаешь это? Он не даст тебе покоя, пока не добьется своего. И война наверняка будет, если не сейчас, то через год, когда он накопит силы. Согласимся — с обеих сторон границы вздохнут с облегчением. Тебе отдадут Мораджина, и какое значение, что станет со мной? Я понимаю, моя жизнь, жизнь одного человека не слишком важна по сравнению с благом государства. Нимед, мой отец, наверняка подписал бы эту треклятую бумажку, сказав, что через год-другой все может измениться...

Ольтен говорил сущую правду и приводил разумные доводы, однако никакого ответа не добился. Конан молчал. Он не произнес ни единого слова, пока мы снова не собрались в шатре. Мое настроение заслуживало единственного слова: «угнетенное». Думаю, Просперо чувствовал себя точно также. Аквилонцам не часто приходилось признавать свое поражение, но сегодня боги решили побаловать своим вниманием Тараска.

— Могу я узнать ваше решение? — вежливейшим тоном осведомился правитель Немедии.

Поскольку варвар упрямо отмалчивался, тяжесть ответа пала на Пуантенца.

Тот мудро решил добиваться спасительной отсрочки:

— Ваше величество должны понимать, что такие вопросы не решаются за один день! Мы выслушали ваши предложения и находим их разумными, однако даже короли не всегда свободны в своем волеизъявлении! Нам нужно узнать мнение дворянского собрания Аквилонии...

— Почему бы не Совета Семи королей? — поддержка Тараска тоже имела свои пределы. — Месьюры, ответ должен быть дан здесь и сейчас. К чему эти уловки? Вы сами признали: чем быстрее мы разрешим наши трудности, тем спокойнее будет наша совесть. Дженну Сольскель можете забрать себе в качестве довеска и утешения.

— Я подпишу, — Ольтену удалось собрать все угнетенное ему природой достоинство. — Пусть меня потом сочтут изменником, но я вынужден это сделать...

Он в упор посмотрел на Дану. Может быть, надеялся, что герцогиня Эрде-младшая оценит и одобрит его поступок. В конце концов, Ольтен пытался спасти жизнь ее отца, которую она сама, похоже, ни во что не ставила.

Долиана Эрде равнодушно отвела глаза и зашарабанила ногтями по столешнице.

Младший наследник Нимеда, сумевший увлечь за собой Полночь страны и уцелевший в войне у Демсварта, подошел к столу, где лежало терпеливо ждало признание его собственной неудачи — полное, окончательное, не подлежа-

щее дальнейшему изменению. Я невольно зажмурился, чтобы не видеть, как Ольтен подписывает смертельный приговор сам себе. Как нас угораздило? И почему молчит Конан? Ну скажи хоть слово, ты, признанный герой, правитель великой страны и верный друг!

— Нет, — король Аквилонии изволил нарушить свой обет добровольного молчания. — Он не рискнет так поступить. Я в это не верю. Мы не станем ничего подписывать. Чабела права: стоит один раз нарушить закон, и его перестанут уважать. Ольтен, положи перо! Мы уезжаем.

— А Мораддин? — язвительно напомнил Тараск.

— Мораддин всегда знал, что ходит по острию меча, — не замедлил с ответом Конан. — И я верю — он поймет и одобрит.

— Если узнает, конечно, — Кофиец нахмурился. Кажется, его планы рушились.

«Уходите. Уходите немедленно. Пожалуйста. Уходите!».

Я вздрогнул, услышав в своей голове отчетливый, звонкий голос Долианы Эрде. Украдкой глянул по сторонам: Дана по-прежнему сидела за столом, и выглядела, как женщина, которой вот-вот станет дурно. Ее без того бледная кожа приобрела желтоватый оттенок, в глазах появилось выражение откровенной ненависти. Она ненавидела не нас, не Ольтена и даже не Тараска или своего отца. Ее противник был далеко... и рядом... внутри нее самой... И никто в целом мире не мог ей помочь.

«Это ксальтотун,— неслышимый голос Даны слабел.— Он держится в тени и дергает за ниточки. Я управляю Талисманом, он управляет мной. Вы пришли в ловушку. Я пыталась докричаться, но меня никто не слышит, только ты. Уведи короля или хотя бы уходи сам. Быстрее. Сейчас он справится со мной. Я паршивая колдунья, но я — Эрде. Крепче камня, настойчивее воды... Да убирайся же!»

«Где Рабириец?» — я начал соображать, что к чему.

«В Бельверусе! В подвалах замка короны! Мы обречены — он, я, отец... Вон! Вон отсюда! Оставь меня в покое!»

Последний выкрик Даны, кажется, относился не ко мне. Единственное, что я мог предпринять — изобразить внезапный приступ кашля и, согнувшись в три погибели, кинуться к выходу. Внезапно занемогшего королевского библиотекаря не стали задерживать, и, пробегая мимо Просперо, я умудрился незаметно ткнуть его светлостью локтем, прошипев: «Уходите из шатра!».

Я уже достиг порога, когда за моей спиной возникла какая-то шумная возня, сопровождаемая восклицаниями и аханьем. Любопытство победило, и я оглянулся. Долиана Эрде тоже стало нехорошо. Она потеряла сознание и упала с табурета. Ольтен и Тараск, как лучшие друзья, хлопотали над ней.

Немедийские гвардейцы, охранявшие шатер, нехотя расступились, пропуская меня. Я добежал до маявшейся нетерпением группки посланцев

Аквилонии и первым, кто налетел на меня, оказался Райан Монброн.

— Что там происходит? — маг пребывал в тихом бешенстве.— Сначала из фургона вытащили Мораддина Эрде, а теперь шатер просто трясет от магических колебаний! Чья работа — ксальтотуна или Эрде-младшей?!

— Не кричи! — вступилась за меня Дженна.— Дай человеку прийти в себя.

— Это Дана,— отдышавшись, выговорил я.— То есть не сама Долиана, а ксальтотун. Он как-то распоряжается через нее...

— Опосредованное воздействие,— пробормотал Райан маловразумительную фразу.— Вопрос в том, как далеко он может зайти в использовании этой взбалмошной девицы... Каримэнон при ней?

— Не знаю... Наверно, да.

— Тогда мы пропали,— Монброн-старший беззвучно присвистнул, и тут входные полотнища шатра даже не раздвинулись, но разлетелись в стороны, отброшенные сильнейшим толчком изнутри. Сначала появился Тараск, державший под руку очень бледную и еле передвигавшую ноги Долиану. За ним вышли Конан и Просперо, направившиеся к аквилонскому лагерю.

— Где Ольтен? — слегка нервозно спросил Ньоро. Мы еще подождали, однако немедийский принц так и не появился.

— Собирайтесь,— распорядился Конан.— Мы вместе с Тараском едем в Бельверус.

— Куда? — опешил я.

— В Бельверус,— нетерпеливо повторил варвар.

— Зачем? — тихо проговорила Дженна.— И куда вы надевали Ольтена? Что случилось?

— Я же сказал: мы едем к немедийцам,— в голосе варвара прозвучали угрожающие нотки. Не пожелав более ничего объяснять, он зашагал к палаткам, на ходу выкрикивая засуетившимся гвардейцам приказы сворачивать лагерь и седлать лошадей.

— Как это понимать? — Зенобия резко повернулась к Просперо. Пуантенец зажмурился и с силой прижал ладони к вискам, словно страдал от сильнейшей головной боли.

— Я не... Вы не поверите, но я не помню... Хальк зачем-то выбежал наружу, потом Долиана упала в обморок и...

— Где Ольтен? — Ньоро сорвался на визг.

— Его увели. Немедийские гвардейцы из «Летучих мышей». А Конану почему-то взбрело в голову отправиться в Бельверус. Он подписал это соглашение и заявил, что желает лично засвидетельствовать свое почтение новому королю Немедии. Нам придется отправиться с ним.

— Я не хочу,— Меланталь задрожала.— Тут происходит что-то плохое, неужели вы не замечаете? Ваш король совершает поступки, которые не должен делать.

— Вы нас продали,— ледяным голосом произнес Ньоро, отступая.— Продали Тараску, ведь так? Устроили это представление, а мы поверили! Боги, как можно быть такими слепцами!

— Ньоро, да подожди ты! — в сердцах выкрикнул Пуантенец.— Никто вас не продавал! Неужели ты думаешь, что Конан на это способен?

— Однако он всерьез намерен ехать в Немедию,— буркнул Райан.— Куда меня совершенно не тянет. Это магия. Незнакомая, старинная магия, которой управляют Дана Эрде и ксальтун.

— Что же делать? — растерянный вопрос принадлежал мне.— Следовать за Конаном, как подобает верным подданным? Бежать, пока еще возможно?

— Я — за бегство,— Дженна оглянулась через плечо, убедившись, что нас никто не слышит.— Но кому-то придется остаться, и, похоже, это будет ваша светлость,— она с признательностью кивнула герцогу Пуантена.— Если тут распространяется какой-то затуманивающий мозги дурман, должен уцелеть хоть один человек с соображающей головой. Сделаю вид, будто удираю, но буду держаться неподалеку. Кто со мной?

— Увези ее,— Райан слегка подтолкнул вперед свою подружку-гуля.— Я останусь, хочу разобраться.

Поколебавшись, я сделал выбор, зная, что спустя миг горько пожалею о своем решении. Сколько раз я клялся, что не стану вмешиваться в чужие неприятности, особенно когда они касаются Его величества Конана?

— Если исчезнет слишком много людей, это вызовет подозрения...

— Скажи лучше, что хочешь увидеть все до конца,— хмыкнул Райан и вполголоса предупредил: — Сюда идет Конан. Дженна, если ты собираешься приводить свой замысел в действие, то более подходящего момента не найти. Мелла, не спорь. Ты отправишься с Дженной, так мне будет спокойнее.

— Чего вы возитесь? — сердито окрикнул нас киммериец. — Я же сказал — отправляемся в путь!

— Они хотели проводить меня,— невозмутимо и отчетливо произнесла Зенобия Сольскель. — Я не еду.

— Это почему? — подозрительно осведомился Конан.

— Мне не по душе Бельверус, Тараск и ваши метания вокруг трона. Вы похожи на стаю шакалов, дерущихся из-за старой кости. Я возвращаюсь в Тарантию,— девица из Пограничья подумала и злорадно добавила: — Или поеду еще куда-нибудь, только бы подальше от тебя.

С этими словами Дженна промаршировала к своему коню, привязанному неподалеку, и взобралась в седло. Меланталь, прихватив с собой Ньоро, исчезла несколькими мгновениями раньше. Полагаю, что рабирийка отвела нам глаза, дабы в суматохе никто не заметил их ухода.

— Я тебя не отпускал,— король Аквилонии попытался схватить жеребца своей несговорчивой гостью под уздцы.

— Твое согласие мне и даром не нужно,— Зенобия с размаху пнула коня по бокам, проскочи-

ла мимо нас и понеслась рысью вниз по склону, огибая аквилонский лагерь с заката.

— Держите ее! — взвыл Конан. Призыв не пропал втуне: за Дженной сорвалось по меньшей мере два десятка конных, и в считанные мгновения вопящая и азартно улюлюкающая кавалькада скрылась в лесу.

Глава девятая

Взгляд со стороны — II «Разомкнутый круг»

*Бельверус, Немедия.
1 день Первой летней луны.*

Заговорщики

Всем придворным короля Аквилонии давно полагалось привыкнуть к непредсказуемости характера их монарха, и Хальк Юсдаль не без оснований предполагал, что его-то уж ничем не удивить.

В конце концов, не он ли принимал участие в шестилетней давности походе к Небесной Горе, не он столь блистательно исполнил свою роль в Офирской интриге, приведшей к изрядным переменам в странах Заката, и не ему ли известно такое количество больших и малых тайн Таран-

тийского замка, что их перечисление заняло бы целый фолиант? Он — один из узкого круга близких друзей короля, он никогда не злоупотреблял оказанным ему доверием и до сегодняшнего дня полагал, что Конан всегда знает, что делает.

Тогда почему за последние два дня все настолько изменилось?

Хальк недоумевал и не знал, с кем поделиться сомнениями, ибо затруднялся определить, что именно вызывает его подозрения. Правитель страны обладает неоспоримым правом не давать никому отчета в своих поступках.

Если король полагает, что столь спешный и неожиданный визит в Немедию действительно необходим, значит, для такого решения имеются причины. Но почему он не желает делиться своими соображениями ни с кем из приближенных? Раньше он всегда советовался... Или хотя бы говорил, что намеревается предпринять и ради чего...

Теперь же — никаких разговоров, никаких объяснений, один-единственный ответ на любые вопросы: «Так надо и я так хочу». Словно Конан позабыл о данных клятвах, о неоднократных предостережениях Чабелы, о том, что связывает его с Морадином и Ольтеном, и задался целью прослыть наивернейшим союзником Тараска Эльсдорфа. Как правитель Аквилонии мог решиться предать того, кто доверился его покровительству? Зачем согласился отправиться в Бельверус? Что намеревается делать?

Хальк знал, что эти вопросы тревожат всех спутников Конана, и никто пока не нашел подходящей разгадки.

Аквилонцев разместили в знакомых покоях замка короны — они жили здесь луну назад, во время сорвавшейся у усилиями Чабелы и Совета Семи королей коронации Тараска. Усилия зингарки ни к чему не привели: Тараск заполучил желанную корону. Добившись же официального признания вечного противника, Аквилонии, он намного укрепит свою пошатывающуюся власть и может пожинать плоды заслуженной победы. И какая разница, какие чувства испытывает по этому поводу какой-то хранитель архивов из Тарантийского замка?

Первый день лета выдался крайне суматошным. Гостей Бельверуса известили, что в полдень Его величество Тараск изволит принимать своего царственного собрата из Аквилонии, затем последует торжественная церемония на Замковой площади. Пуантенский герцог немедленно ринулся выяснять у сюзерена подробности и вернулся обескураженным — его не пустили. Конан заперся в своих комнатах и никого не желал видеть. Подобного не случалось уже давненько. Склонный к мрачным пророчествам Райан Монброн немедленно заявил, что, должно быть, настало время составлять завещания, ибо из поездки в Бельверус им вернуться не суждено.

Единственной приятной новостью стала краткая записка, обнаруженная Хальком на столе в занимаемой им комнате. Должно быть, ее при-

нес кто-то из дворцовых служителей и оставил на видном месте.

Послание гласило: «Десятый полуночный колокол. Улица Лебедя. Ювелирная лавка «Сокровища Аг-рапура». Жду».

Вместо подписи красовалось вполне узнаваемое изображение голенастой цапли.

Цапля — значит, имя автора записки начинается с литеры «Ц». Выбрать же местом встречи дорожку ювелирную лавку могла только женщина. Среди знакомых Халька Юсдаля имелась всего одна особа, жившая в Бельверусе и носившая имя на букву «Ц». Цинтия. Цинтия фон Целлиг, умудрявшаяся знать немножко больше, чем прочие обитатели замка короны. Вбалмошная и сообразительная Цинтия, к которой, с сожалением признавал Хальк, он начинал привязываться.

* * *

Она со скучающим видом перебирала разложенные на прилавке украшения — стройная то-ненькая девушка, кажущаяся еще стройнее из-за облегающего платья в золотисто-черных полосах, перехваченного вместо пояса серебряной цепочкой. Песочно-рыжие вьющиеся волосы стянуты на затылке в тяжелый узел, серо-зеленоватые глаза насмешливо поблескивают. Любому ясно: перед ним благородная немедийская девица из зажиточной семьи, которая тратит свободное время и деньги своих родителей на приобретение очередных безделушек.

— Только-только я смирилась с необходимостью рыться в содержимом здешних сундуков в ожидании вашей милости! — жизнерадостно приветствовала она Халька и мгновенно посерьезнела, вполголоса спросив: — Месьор Юсдаль, что случилось? Тебе плохо?

— Пойдем отсюда,— пробормотал господин королевский библиотекарь, донельзя удрученный возникшим обстоятельством: девушка, шедшая рядом с ним по шумной торговой улице Лебеда, была такой хорошенькой, что ради нее хотелось немедленно совершить какой-нибудь подвиг. Или для начала изречь нечто куртуазное. Иштар Добросердечная, дожить до тридцати лет и влюбиться в девицу, которую видел-то всего раза два или три!

Конан и прочие, когда узнают, на смех поднимут!

— Я получила твои письма,— нарушила молчание Цинтия.— Их привозили почти каждый день. А вчера вечером прошел слух, что внезапно приехал ваш король, и сегодня на площади у замка короны что-то затевается...

Хальк с удовольствием поболтал бы на сотню различных тем, не касавшихся дворцовых интриг, но другого выбора не оставалось. Кто-то должен узнать о его подозрениях. Невозможно волоочь подобную тяжесть в одиночестве.

Его речь, произнесенная на ходу, среди уличной толпы, не заслуживала названия безупречно построенной и логически выверенной, однако Цинтия слушала очень внимательно, изредка пе-

ребивая на редкость точно задаваемыми вопросами.

— Значит, вот как... — озабоченно протянула она, когда Хальк завершил свою повесть описанием загадочных событий у крепости Аснейд.— А мы-то думали...

Она прикусила губу, и, поколебавшись, решительно потянула гостя из Аквилонии за собой, в квартал старинных переулков, направляясь к какой-то ведомой только ей цели.

— У меня появляются привычки Даны: никому не доверять и оглядываться на каждом шагу,— сердито пояснила девушка, резко сворачивая в неприметную арку и осторожно высовываясь из-за угла.— Как считаешь, нас не выслеживают?

— Пробежим через двор, спрячемся и у следующего перекрестка взглянем снова,— предложил Хальк, благодаря склонности правителя Аквилонии к авантюрам близко познакомившийся с высоким искусством бегства от погонь.

На всякий случай Цинтия Целлиг и ее спутник проделали часть пути по внутренним дворам и задворкам, стараясь никому не попадаться на глаза. Попытки барона Юсдаля узнать, куда они все-таки идут, наталкивались на многочисленные отговорки, сопровождаемые столь умоляющими взглядами, что язык не поворачивался продолжать расспросы.

Завершился путь возле внушительного вида запертых ворот, украшенных медными полосами. Ворота принадлежали зданию из серого и

красного камня, напоминавшему процветающий торговый дом, что удостоверялось красочной вывеской на фасаде «Игдир, Мошшель и Компаньоны». Имена, судя по произношению, туранские либо заморийские. Цинтия торопливо выбила кулачком дробь на прорезанной в створках калитке, скрипнул приоткрывшийся круглый глазок, однако никаких расспросов не последовало. Калитка беззвучно открылась, девушка юркнула внутрь, и Хальку ничего не оставалось, как последовать за ней.

* * *

За воротами усадьбы скрывался устроенный на туранский манер крохотный сад с искусственным озерцом, изящными мостиками и беседками. Мрачный охранник уведомил Цинтию, что «ее приятель торчит вон в том шалаше и с утра места себе не находит» и спросил, надо ли чего передать хозяину.

— Пока все идет неплохо,— отозвалась немедийка и почти вприпрыжку устремилась по выложенной зеленоватыми камешками дорожке к указанной беседке, на бегу выкрикивая: — Это я, Цици! Мы вернулись!

Хальк не успел даже заикнуться вопросом, на встречу с кем притащила его неутомонная Цинтия, когда в ажурной арке показалась фигура, узнаваемая друзьями и знакомыми за десяток шагов. Выбритая в соответствии со стигийскими обычаями голова и черная потрепанная хламида

с золотым кругом на груди неопровержимо выдавали Тотланта, придворного мага короля Эрхарда.

— Я думал, ты давно в Пограничье,— ошеломленно произнес Хальк, убедившись, что зрение его не обманывает.— Как это прикажете понимать?

— Как попытку участия в общем помешательстве,— с грустью пояснил волшебник, жестом приглашая гостей войти в беседку и располагаться.— И как робкое намерение вовлечь подданных Аквилонской и Немедийской корон в злодейский заговор.

— Заговор — это понятно,— кивнул Хальк.— Но я хотел бы...

— Узнать подробности,— закончил фразу Тотлант.— К сожалению, у нас очень мало времени, а мне нужно успеть высказать с десяток невероятных предположений и задать кучу неприятных вопросов. Хочется верить, что я делаю это для блага моих друзей, но кто его знает...

— Можно, первое невероятное предположение будет принадлежать мне? — мрачно перебил Хальк.— Наш общий знакомый, некий Конан Аквилонский, решил попробовать себя в роли тирана и нарушителя собственных обещаний. Он намеревается пожертвовать Ольтеном и Мораддином, дабы сделать поклон в сторону дружественной Немедии. Если это произойдет, честное слово, я подам в отставку. Преданность имеет границы, а служить второму Нумедидесу — упаси меня боги!

— Хальк, дела обстоят гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд,— волшебник из Пограничья в задумчивости переплел пальцы.— Я бы не торопился обвинять Конана. Также, впрочем, как и Тараска. Сейчас они — не более, чем исполнители чужой воли.

— Ксальтотун,— с явным отвращением протянула Цинтия.— Он как паук, что сидит и выжидает, кто еще запутается в его паутине! Откуда он только свалился на наши головы!

— Менхотеп заполучил настоящее сокровище, перед которым даже королевские титулы не имеют особого значения,— продолжил Тотлант.— Алый Камень, Долиану Эрде и ее приятеля из Рабиоров, которого месьор ксальтотун ненавидит всеми силами души. Он нашел средство подчинить себе Эрде-младшую и с ее помощью влиять на Кристалл. Через какое-то время, возможно, он додумается до способа обойтись без нее, и тогда я сомневаюсь, что ему понадобится высокий покровитель. Впрочем, Менхотеп достаточно умен, чтобы не выставлять свою власть напоказ. Тараск останется правителем Немедии, но я не завижусь его судьбе.

— Я видел Дану Эрде,— тревожно проговорил Хальк.— Она похожа на собственную тень. Как ксальтотун умудрился ее поймать?

— Пять дней назад он вернулся откуда-то с Восхода,— сообщил Тотлант.— Вернулся не обычными дорогами, а через портал, дающий возможность преодолевать большие расстояния. Сотворил такие огромные врата, что любой кол-

дун-недоучка за лигу почувствовал бы их присутствие. Даже лучшему из магов такое не под силу, однако с использованием могущества Алого Камня... Должно быть, ксальтотун притащил с собой пленников — обоих Эрде и Одноглазого. В этот же день Тараск отправился к границе Немедии, торговаться с Конаном.

— Варвар вполне мог и не приехать,— заметил Хальк.

— Ты в это веришь? — хмыкнул стигиец.— Помани Конана неразгаданной тайной, и он примчится с другого конца света.

— А на месте его ожидала умело расставленная ловушка,— взвешивая каждое слово, произнес хранитель Тарантийского архива.— Дженна с самого начала предупреждала: эта затея плохо пахнет.

— Кстати, где вы потеряли Дженну? — встряла Цинтия.

— Возле крепости Арнейд, где шли переговоры. Она удрала вместе с рабирейкой Меланталь и Ньоро, приятелем Ольтена. Наверняка они спрячутся в городе,— Хальк нахмурился.— Слушайте, необходимо срочно действовать!

— Необходимо,— с удрученным видом поджал узкие губы Тотлант.— Только как? Ситуацией владеем не мы, а ксальтотун. Не думаю, что нам грозит повторение истории с Подземным Огнем, здесь добиваются иных целей. Для начала — мира с Аквилонией и прекращения любых слухов относительно гибели предыдущей династии.

— А потом? — настойчиво спросила Цинтия. — Вы подумали, что станется с Даной, с ее отцом и с этим... как его... Элларом?

— Мы немедленно отправляемся в замок короны, — Хальк еще не знал, что собирается предпринять, но здраво рассудил — нужно оказаться рядом с центром событий. — Если не впустят,ждемся начала церемонии на Замковой площади. Тотлант, ты должен взглянуть на Конана. Вдруг сумеешь выбить из его головы ту дурь, которая там скопилась?

— Друзья склонны преувеличивать мои скромные способности, — с вымученной улыбкой откликнулся волшебник. — Я не рожден, чтобы спасти мир. Однако, как ты сам заметил, есть пределы, которые не позволено преступать никому. Боюсь, Менхотеп как раз этим и занимается. Он жаждет заполучить Талисман, и не имеет значения, сколькими жизнями придется расплатиться за обладание Камнем.

— Госпожа Цинтия! Госпожа Цинтия! — на галерее второго этажа хлопнула дверь, и через перила свесился взъерошенный и взволнованный молодой человек, судя по облику — несомненный уроженец земель к Восходу от Карпашских гор. Цинтия выскочила из беседки, крикнув:

— Ларн, я здесь! Что случилось?

— На площади Трех Ворот королевские герольды только что прокричали указ: сегодня после полудня на Замковой будут казнить злодеев короны, повинных в недавнем мятеже!

— Имена! Имена назвали? — Цинтия пошатнулась, ухватившись за витой столбик беседки.

— Нет! Зато аквилонцев поминают через слово — «наши душевные друзья» да «наши любезные соседи»!

— Интересно, что скажут Чабела или офиры, когда до них дойдут сии потрясающие известия... — голос Халька Юсдаля прозвучал слегка отсутствующе.

— Неважно, что они скажут! — взвизгнула Цинтия. — Идем! По дороге сообразим, что делать!

Однако компании, к которой присоединился Ларн Шелам, понадобился добрый колокол с четвертью, чтобы добраться до Замковой площади под стенами Бельверусского дворца. Слишком многие горожане устремились туда же, переполняя узкие улицы и строя предположения о том, какие неожиданности оживят эту церемонию. Про минувшую, когда у некоего безумца хватило нахальства похитить главную виновницу нынешних бедствий прямо с костра, уже канцоны складывают! Не слышали, почтеннейшие, кого на сей раз прихватили? Говорят, самозванца, который призвал колдовской силой полчища демонов и учинил бойню под Демсвартом...

Уходя из дворца, Хальк сообразил взять с собой выданную чиновником королевского канцелярии грамоту, дававшую обладателю право на привилегии иноземного посланника. Стражник, коему сунули под нос украшенный гербами и печатями пергамент, оказался туповат и пропус-

тил через гвардейское ограждение не только владельца грозной бумаги, но и троицу его спутников.

Особого успеха это не принесло. Гости Немедии с усилием протолкались в первые ряды, выяснив, что от трибуны для представителей правящего дома и благородного сословия их отделяет по меньшей мере полсотни непреодолимых шагов. Они могли отчетливо видеть знакомых, расположившихся в королевской ложе на верхнем ярусе.

Тараск Эльсдорф при полном параде и блеске, рядом с ним — боги всемогущие, как могло случиться подобное? — Конан Аквилонский, выглядевший слегка скучающим. Еле различимая высокая тень в красном, стоящая позади кресла Тараска — Менхотеп. Тщательно скрывающий тревогу герцог Пуантена... А это кто?

Цинтия с яростью вцепилась в стоявших по бокам от нее Халька и Тотланта:

— Это же Дана! Дана сидит там!

Герцогине Долиане Эрде-младшей отвели почетное место по левую руку от правителя страны и подальше от аквилонцев. Менхотеп лично проследил, чтобы ей было удобно. Казалось, ему доставляет странное удовольствие заботиться о своей драгоценной добыче. Дочь Мораддина походила на чинную молоденькую принцессу, впервые явившуюся в свет — темноволосая, в белом платье, с висящим на причудливой золотой цепочке огромным, тускло поблескивающим рубином. Она равнодушно взирала на стены замка,

хлопающие на ветру пестрые флаги и затопленную народом площадь.

Тараск и Ксальтотун сегодня утром разошлись во мнениях: выводить ее с Камнем или пусть лучше сокровище останется запертым в шкатулке? Ксальтотун, желавший получить свой триумф, настоял, чтобы Дана взяла Талисман с собой. Она покорила судьбе и больше не опасна. Может статься, сегодняшнее представление окончательно лишит ее желания жить.

Внезапно усилившийся гомон толпы и пронзительные звуки труб известили всех, имеющих уши, что из ворот замка-крепости неторопливо выкатилась повозка с осужденными мятежниками. Тотлант, разглядев, кто в ней находится, сдавленно вскрикнул, но голос стигийца затерялся в общем гаме. Никто также не заметил, как разрыдалась стоявшая в первых рядах красивая рыжеволосая девушка, и само собой, никто не расслышал, как успокаивавший ее молодой человек пробормотал сквозь зубы: «Похоже, в Аквилонии мне отныне делать нечего».

Колеса скрипели по песку, мулы фыркали, повозка неумолимо катилась к окруженному дворцовой гвардией эшафоту.

Плененная душа

Больше всего на свете Дана Эрде хотела проснуться. Обнаружить себя в пещерах Кезанкии,

в Шадизаре, в походном лагере в Карпашских горах — только бы открыть глаза и вздохнуть с облегчением, поняв, что ей приснился страшный сон. Если его рассказать, он не сбудется. Они подивятся игре человеческого воображения и отправятся дальше, по одной из тысячи дорог Восхода и Заката. Ведь ничего подобного не могло произойти. Она не могла снова остаться одна — теперь, когда им посчастливилось отыскать друг друга! Это несправедливо!

«Что ты знаешь о справедливости? — усмехался голос с другой стороны решетки из ярко-алых прутьев. — Любой неудачник кричит, что судьба к нему несправедлива. Ты выбрала себе неподходящего приятеля — того, которому на роду написано всегда быть проигравшим. Будь разумной, оставь его. А коли ты настолько предана своему покровителю, так ступай за ним. Отдай Камень и отправляйся хоть на Серые Равнины, хоть за Грань. Возможно, лет эдак через тысячу у вас появится новый шанс вернуться».

«Я тебя ненавижу», — очередная попытка Даны разрушить незримую сеть закончилась безнадежным поражением. Она металась в клетке, созданной из могущества ее собственного Талисмана, с трудом различая явь и призрачные грезы.

«Какая досада! — издевательски-разочарованно откликнулся Менхотеп. — Придется набраться терпения и ждать — вдруг у тебя изменится мнение? Женщины такие непостоянные... Кстати, открой мне великую тайну — какие такие скры-

тые достоинства ты обнаружила в своем одноглазом красавчике? Неужели через столько тысяч лет он еще на что-то способен? Или вам хватило единства душ?»

Ладони девушки, расслабленно лежавшие на подлокотниках кресла, начали медленно сгибаться. Послышался тихий хруст: выпущенные кости гуля-полукровки рвали бархатную обивку и находившуюся под ней твердую древесину.

«Не порти чужое имущество, — ксальтотун, стоявший позади кресла Долианы Эрде, наклонился и аккуратно убрал ее руку в сторону. — Погляди лучше вон туда. Смотри, я тебе говорю! Не отворачивайся!»

В памяти Даны сохранился расплывчатый призрак схожего зрелища. Она помнила шершавые доски под ногами и мерные покачивания обитой черным сукном повозки. Теперь она получила возможность взглянуть на церемонию с обеих точек зрения — осужденной мятежницы и равнодушной зрительницы в королевской ложе. И тогда, и сейчас она ничего не могла изменить.

Она знала, что трое приговоренных имели к ней отношение — верили в нее, заботились о ней и любили. Чувствовала, о чем думают находившиеся поблизости люди: чье-то потаенное возмущение, готовое вот-вот вырваться наружу, легкая тревога, смешанная с удовлетворением и облечением, откровенная насмешка победителя и свирепая, всепоглощающая ярость той души, которую она по приказу ксальтотуна держала в плену. Этот человек по природе своей не пере-

носил никакой неволи, и Данае казалось, что она безуспешно тщится удержать на привязи необъезженную лошадь.

Ксальтотун не рискнул распылять силы, подчинив казавшуюся более слабой девушку, и заставив ее обратить силу Талисмана против своего противника. Сотканная Даной магическая узда постоянно грозила оборваться, но большего и не требовалось: Менхотеп хотел обезопасить себя от возможной опасности со стороны человека, которого имел основания побаиваться. Когда все закончится, его отпустят — пусть полюбуется и осознает, какими обязательствами себя связал.

* * *

Черная повозка описала круг и остановилась. Вместо привычных воплей толпы зевак над площадью повис удивленный гул. Слишком необычно выглядели преступники, да и известие о церемонии разлетелось по столице не за два-три дня, как обычно, но всего за пару колоколов до начала. Станные порядки начали вводить при новом короле! Аквилонцы, опять же, примчались, а раньше их в Немедию никакими посулами не заманишь. Дурные нынче времена настали. Как помер старый Нимед, державший страну железной рукой, так все пошло наперекосяк.

Длинную речь герольда и красочное описание противоправных деяний, совершенных злодеями короны, Дана пропустила мимо ушей. Она бы с

удовольствием отвернулась, но ей не позволял Ксальтотун. Со стороны, должно быть, они представляли вполне мирную картину — маг наклонился к уху девушки в белом, что-то ей нашептывая.

Преступников одного за другим выводили из повозки, после чего им предстояло одолеть пять ступенек восхода и оказаться там, где заканчиваются земные пути и откуда редко кому удастся уйти своими ногами. Королевский суд приговорил всех троих к казни через отсечение головы, и ради такого случая на помост взгромоздили новенькую, еще ни разу не пользованную колоду. Палача тоже призвали наилучшего, Гарнада из Капфы, по слухам, обучавшегося лет десять назад у туранских мастеров, не имевших себе равных в деле лишения жизни ближнего своего. Сейчас он живым монументом неотвратимости законного возмездия высился подле колоды — в полагающейся черной маске, ожидая начала экзекуции. Зловещего вида тяжелый топор, прикрытый для сохранности холстиной, пока лежал на козлах: его время еще не настало.

Против воли Долианы Эрде ее слегка затуманенный взгляд постоянно возвращался к осужденным.

Светловолосый юноша, лет на пять-шесть старше самой Даны, отчаянно старающийся сберечь последние капли отваги и до сих пор пытающийся верить, что судьба окажется к нему милостива и подарит еще один шанс. Низкорослый лысоватый человек средних лет, выгляде-

ший так, будто для него не имеет значения — жить или умереть. Может, впечатление соответствовало истине. Дана подозревала, что бывшему главе Вертрауэна вряд ли позволили уйти в Долины Смерти, не поделившись напоследок с новым властителем Немедии и его присными какими-нибудь полезными знаниями тайной службы.

Третьего преступника сочли настолько опасным, что в нарушение давних традиций привели на эшафот в цепях, казавшихся, однако, слишком тонкими и легкими для обычных железных кандалов. Болезненно любопытные перешептывания вызывало также странное обстоятельство: на голове злоумышленника красовался глухой, начищенный до зеркального блеска шлем-морион. Мгновенно разлетевшиеся сплетни утверждали, будто человек в шлеме — судя по фигуре и сложению, довольно молодой мужчина — и есть пресловутый колдун, погубивший треть немедийской армии.

— Ваше величество, по-моему, это излишне, — недовольно заметил пуантенский герцог, коего удерживали на месте лишь соображения этикета да слабая надежда, что у Конана имеется некий секретный план. С каждым уходящим мигом надежда таяла, сменяясь тягостными раздумьями о том, как объяснить союзникам Аквилонии поступки короля, напрочь лишенные смысла, и есть ли основания пребывать в Тарантии. Гайард ничем не хуже. Может, безумие правителей передается вместе с Троном Льва? — В конце кон-

цов, этот человек сейчас умрет. К чему проявлять такую неоправданную строгость? Позвольте ему хоть последний миг встретить, как подобает!

Тирада пуантенца вызвала быстрый обмен взглядами между Тараском Эльсдорфом и Менхотепом. Маг в алом отрицательно шевельнул вытянутым указательным пальцем, но вмешалась Долиана Эрде, негромко произнеся:

— Я хочу его видеть.

— Раз дама просит... — сдался Тараск, жестом подзывая одного из стоявших у входов в ложу телохранителей. Выслушав приказание, гвардеец молча отсалютовал, рысью сбежал вниз по ступенькам трибуны и деловито потрусил к эшафоту. Возникла короткая заминка с поиском добровольца, согласного подойти к колдуну и сдернуть шлем. Таковой смельчак нашелся. К изумлению зрителей и сослуживцев, его не испепелило молнией и не поразило ледяным шквалом.

Преступник с видимым облегчением замотал освободившейся головой. Взлетели и упали свалывшиеся в колтун длинные пряди черных волос, кто-то пронзительно завопил, разглядев обожженную физиономию колдуна. Из-за слепого правого глаза ему пришлось повернуться, дабы осмотреть бурлящую площадь, украшенную флагами и пестрыми ленточками трибуну, ряды королевских гвардейцев, серо-желтую стену дворца и собравших по несчастью.

«Довольна? — громыхнул в сознании Долианы Эрде голос ксальтотуна. — Знаешь, твой приятель на редкость упрям и несговорчив. Я про-

явил к нему наивозможнейшую снисходительность, пытался найти общий язык и договориться миром. Как видишь, он предпочел такой путь. Зря он возвратился. Хотел бы я знать, каким способом ему удалось выбраться из той пропасти Небытия, куда его зашвырнули... Можешь не волноваться: для таких, как он, смерть — просто досадная неприятность.»

«Ты не боишься? — угрюмо осведомилась девушка. — Конан непременно узнает, кто виновен в смерти его друзей и по чьей милости он стал пособником грязных делишек немедийцев. Тараск рано или поздно поймет, насколько ты опасен. О моем отношении к тебе ты прекрасно осведомлен...»

«Пригрози еще местью Ночного Всадника, — с глумливым смешком посоветовал Менхотеп. — Его могущество осталось в прошлом. Твой любимчик не может спасти жизнь собственному воплощению. Тараск обязан мне слишком многим. Вдобавок, он трусоват. Полагаю, Конан в ближайшие несколько лун будет чрезвычайно занят иными делами. Хотел бы я послушать, как он станет оправдываться перед своей ненаглядной Чабелой и прочими... Ты? Давай, попробуй убить меня. Что придает такую остроту и смысл жизни, как не хорошие враги?»

* * *

Одобрительный рев почтенных горожан приветствовал успех тройцы подручных Гарнада,

чрезвычайно гордых возложенных на них поручением. Они сбили колдуна с ног и ткнули головой на желтоватый срез колоды. В воздух взвился топор с полукруглым, синевато мерцающим лезвием — не для того, чтобы оборвать жизнь преступника, но разрубив толстое полено, обмотанное слоем мокрого войлока. Толпа восхищенно заулюлюкала.

Девушка в королевской ложе опустила веки и коснулась узкой ладонью матово сияющего алого рубина.

«Прости мою неудачливость. Если слышишь, знай — я следую за тобой...»

«Дана! — крик пробился через стену из алых прутьев. — Салле'онни, где ты?»

Гарнад не отличался большим умом, однако дело свое знал отлично, неукоснительно следуя правилу: жертва не должна мучиться более необходимого. Один удар — и земные счета закончены. Пусть Нергал разбирается, какую жизнь вел осужденный и чего заслужил в конце всех дорог.

Сегодня заплочных дел мастер намеревался щегольнуть своим искусством. Казнь злодеев короны выпадает не каждый день, значит, нынешняя плата от казны за каждую отсеченную голову составит не меньше полусотни золотых аурев!

Палача не слишком волновал слух, будто один из приговоренных считается колдуном, а другой — некогда всемогущий герцог Эрде. Хорошей стали без разницы, чьи кости хрустнут

под ней: благородные, плебейские или кого-нибудь из племени магиков. Этому черноволосому парню, которого приласкали языки пламени, теперь не поможет никакое волшебство.

Видно, колдун смирился со своей участью: стоял тихо, не брыкался, не орал. Гарнада раздражало, когда преступники начинали вести себя, как овцы на бойне, напрочь позабыв о пристойности и том, что на них смотрят тысячи глаз.

Под всеобщее «ах!» горожан секира взлетела, на долгий, мучительно застораживающий миг застыв в высшей точке описанного ею полукруга, и с неумолимостью падающего камня обрушилась вниз.

Однако топор не достиг цели, на полпути нелепо вильнув в сторону и со всего размаха врезавшись в доски помоста. Опешивший Гарнад не сразу сообразил, почему он никак не может оторвать руку от топорщища. Ему понадобилось около пяти ударов сердца, чтобы понять: запястье накрепко пригвождено к рукояти длинной боевой стрелой, и по гладкой деревянной поверхности разбегаются черные ручейки.

Выкрашенные синим перья на конце стрелы еще трепетали, когда две ее родственницы слетели с небес, зло клюнув палача в толстую, как у породистого быка, шею. Гарнад попятился, шатаясь и хрипя, сбил с ног одного из своих подручных, кинувшихся на выручку. Попытался сорвать с головы черный куколь маски, пропитавшийся кровью. Промажнулся им, теряя равнове-

сие, грузно завалился на доски, откатившись к самому краю помоста.

Цепь стражников слегка дрогнула, площадь колыхнулась вперед, не желая упустить ни единой подробности. Увлеченная общим порывом, Эрде-младшая тоже подалась вперед, чуть прижавшись и опираясь на широкие перила трибуны.

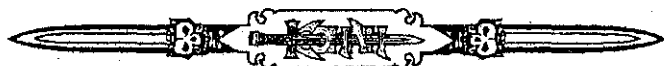
Холодные струйки пепельного, дымчато-прозрачного ветра скользнули в незримую клетку, закружились, перекликаясь знакомыми голосами и высмеивая Дану, безропотно позволившую засадить себя за решетку. Ведь никакой преграды на самом деле нет, это просто обман зрения, наваждение!

«Неправда, есть!» — возмутилась Дана. Она протянула руку, чтобы коснуться багрово-алых прутьев. Те вздрогнули и осыпались красной охряной пылью.

«Торопись, — ветер яростно задергал подол белого платья и волосы девушки. — Торопись и ничего не бойся».

«Я больше не боюсь, — Дана рывком отшвырнула от себя сплетенную из алых и черных полос ленту — оковы чужой души. — Я иду!»

Несколько мгновений всеобщей неразберихи оказались ей как нельзя на руку. Никто толком не понимал в чем дело, а любые вопросы и приказания надежно заглушались рыком короля Аквилонии, требовавшего, чтобы ему немедленно — немедленно!!! — объяснили, какого демона хвостатого он ловит в Бельверусе. Девушка увернулась от ксальтотуна, не слишком уверенно по-

пытавшегося схватить ее, и внезапно оказалась лицом к лицу с Конаном.

— Дана? Дана, сдохнуть мне прямо здесь, это Мораддин и Хасты торчат на эшафоте? — мимо варвара ей проскочить не удалось, и Долиане показалось, будто ее предплечье угодило в железные клещи. Она боялась посмотреть в глаза аквилонскому правителю, но чьей помощью она еще могла заручиться?

— Их убьют, если мы не помешаем, — быстро выговорила она. — Останови казнь. Это игра не по правилам, но мы больше не в плену. Отпусти меня. Я должна помочь Эллару.

Пальцы разжались: Конан отлично знал, когда вопросы могут обождать. Девушка устремилась к выходу из ложи, где топтались растерянные телохранители короля Немедии.

Восклицание Тараска «Остановите девчонку!» нагнало ее уже подле ведущей вниз лестницы. Кто-то из гвардейцев преградил ей дорогу, чтобы в следующий миг с воплем скатиться по ступенькам.

Дана не разглядела, кто из аквилонцев ей помог, она стремилась как можно быстрее достичь эшафота и потому отважилась на рискованный поступок.

Выхватив у зазевавшегося стражника кинжал, с яростью полоснула по атласной юбке, обрезав слишком длинный и мешавшийся под ногами подол, взобралась на широкие перила и, раскинув руки, чуть пританцовываящим шагом побежала вдоль второго яруса трибун, стараясь не

смотреть на мелькавшие локтях в шести внизу булыжники мостовой и копыа охраны.

Добравшись до конца перил, она разбежалась и прыгнула, ухватившись за болтающийся канат с флажками и надеясь, что веревка выдержит. Раскачивающийся канат пронес ее над оцеплением, Дана разжала руки и не слишком удачно приземлилась, кувырнувшись по песчаной насыпи. Тяжелый Камень болтался на цепочке, словно мельничный жернов, но для Долианы Эрде ничто больше не имело значения.

Она бежала туда, где в ней нуждались. Бежала, проклиная свое невежество, позволившее Менхотепу опять поймать ее в ловушку и воспользоваться могуществом Талисмана. Бежала, прихрамывая и надеясь успеть.

Друзья и враги

Отсюда, из распахнутого окна на третьем этаже недостроенного дома, Замковая площадь выглядела медленно колеблющимся озерцом из множества цветных пятен, над которым поднималась стена замка и два острова — трибуна для благородного сословия и площадка вокруг эшафота.

Сидевшая на широком подоконнике Дженна Сольскель, чуть прищурившись, переводила взор с пестро украшенной королевской ложи на помост, еле слышно насвистывая что-то сквозь зу-

бы. На коленях у нее лежал длинный, позванивающий натянутой тетивой лук, длиной почти в рост человека.

Лук вызывал у Джанны смешанные чувства, ибо его творили не людские руки. С полколокола назад он возник из лужицы солнечного света на пыльном полу. Ей оставалось взять оружие и прикинуться, будто ее не удивить никакими магическими штучками.

Райан Монброн оценил ее старания насмешливым фырканьем.

Впрочем, желание посмеиваться над Зенобией у танасульского мага очень скоро исчезло. Недавно он высунулся в окно, оценил ситуацию и поскуцел, заявив, что идея Джанны «навести переполох» заранее обречена на провал. Они не успеют сделать и шагу, как их немедля скрутят немедийские гвардейцы и отправят в подвалы Башни Висельников.

— Все равно надо попытаться! — отрезала девица из Пограничья и подняла лук, старательно выцеливая жалом стрелы тяжеловесно расхаживавшего по эшафоту палача. — Сам говорил: устроим суматоху и вытащим осужденных.

— Когда я мог сказать подобную глупость? — Райан возмущенно повернулся к напряженно следившей за движениями людей на верхнем ярусе трибун Меланталь. Девица-гуль что-то сердито буркнула, подтверждая правоту Джанны. — Похоже, с вами я окончательно выживу из ума. Как там Одноглазый? Надеюсь, он догадается не уподобляться столбу...

— Почему он не колдует, если вы твердите, будто он такой могущественный? — скептически осведомилась Джанна, созерцая возню на помосте. — Вызвал бы снежную бурю или устроил огненный дождь...

Ей ответила Меланталь:

— Дело в металле, из которого сработаны его оковы. Это лайворт, он обладает способностью гасить любое волшебство.

— Между прочим, с него шлем сняли, — доложила Зенобия, с усилием натягивая скрипнувшую тетиву. — Сейчас голову рубить будут. Ну, теперь или никогда!

Она выстрелила, краем уха услышав, как испуганно ойкнула рабирийка. Монброн-старший, неотрывно провожавший стрелу взглядом, вскинул руку в одобрительном жесте, выкрикнув: «Попала, попала». Джанна торопливо схватила вторую стрелу, отправив ее догонять приятельницу. Третья казалась уже лишней, но девица из Пограничья никогда ничего не делала наполовину.

Грузная фигура в съехавшей набекрень черной маске не устояла на ногах, и спустя миг перевалилась через край помоста, исчезнув из вида. Оцепление из гвардейцев качнулось, по площади пробежала шумливая волна недоуменных расспросов. Избежавший смерти маг из Рабиров поднял голову, коротко глянув в направлении королевской ложи. Почти сразу там вспыхнула сумятица и из дверей выскочила невысокая женщина в белом. Подобно уличной акробатке, она

лихо вспрыгнула на перила и стремительно побежала вдоль яруса. Райан наклонил голову, словно прислушивался к чьим-то тихим голосам, и кивнул Дженне:

— Неплохо. Так я и думал: Рабириец первым делом бросится спасать свою ненаглядную Дану. Магических уз больше нет — ни на Эрде-младшей, ни на варваре. Бегите, действуйте, пока ксальтотун не опомнился.

— А ты? — Зенобия торопливо соскользнула с подоконника. Волшебный лук, подобно льду на жаре, таял у нее в руках, вновь превращаясь в солнечные пятна на полу.

— Вы отлично справитесь без меня, — заверил Райан, однако с величайшей неохотой последовал за девицей из рода Сольскель. Они сбежали по засыпанной щебнем и штабелями досок лестнице, слыша, как за стенами нарастает многоголосый гул, проскочили в дверной проем, загороженный снятой с петель дверной створкой, и оказались в переулке, выходившем на Замковую площадь. Переулок обычно пустовал, но сегодня его занял конный отряд в полусотню человек — те из единомышленников и уцелевших участников Рокода, кого Ньоро Висмарт успел разыскать за минувшую ночь и убедить присоединиться к отчаянной попытке спасти последнего из Эльсдорфов.

— Поехали! Быстрее! — Дженна нетерпеливо замахала рукой, привлекая внимание раздававшего последние приказания Ньоро, и изумленно подняла бровь: — Эй, откуда он взялся?

— Прискакал, — коротко бросил немедиец, подразумевая державшегося в стороне высокого и злобного на вид жеребца пепельной масти, оседланного и взнузданного, однако без всадника. — Ты его знаешь?

— Это коняга Рабирийца, Эллара, — Зенобия, решив, что удивляться будет позже, свистнула жеребцу, с готовностью обратившему к ней длинную породистую голову. — Ты за хозяином явился?

Животное кивнуло — то ли по случайному совпадению, то ли вполне разумно. Обнюхало девушку, всхрапнуло и повернулось боком, чтобы ей было удобнее взобраться ему на спину.

«Непременно свалюсь!» — эту мысль Дженна додумывала уже в седле, подбирая жесткие, расшитые золотой нитью поводья, и поворачивая коня мордой к выходу из переулочка. Ей мнилось, будто они ужасно копаются, движутся, как мухи в паутине, хотя на самом деле миновало всего лишь двадцать или тридцать ударов сердца. Обстановка на площади почти не изменилась, если не считать, что девица в белом спрыгнула с трибуны и почти добежала до эшафота, а первые ряды зевак, нюхом почуяв грядущие неприятности, сделали попытку отодвинуться на пару шагов, из-за чего грозила вот-вот начаться толкучка и неразбериха. Дженна знала: где-то в этой толпе находятся Тотлант и Хальк Юсдаль, однако здравый смысл подсказывал — маг из Пограничья при всем желании вряд ли сумеет им помочь. Будем полагаться на себя и на удачу.

Возглавляемый Ньоро и Зенобией отряд рысью промчался вдоль неровного края заповоливших площадь горожан и врезался в не успевший ничего поделать строй гвардейцев, проделав в нем изрядную брешь. Дженна выдернула из ножен меч, но драться ей не пришлось — пепельно-серый жеребец с легкостью сбил оказавшегося у него на пути человека и вовремя отклонился в сторону, уберегая всадницу от близкого знакомства с наконечником выставленного в ее сторону копыя.

Девушка в косо обрезанном по подолу белом платье, задыхаясь, ухватила за шершавый срез помоста. Звякнула цепь, черноволосый человек с обожженным лицом дотянулся до ее плеча, беззвучно что-то прокричав, и замерший в растерянности мир встрепенулся, оживая.

* * *

Суматоха в королевской ложе целиком и полностью лежала на совести Его величества Конана Аквилонского. Он не стал тратить время на подробное выяснение, что да как — выручила многолетняя привычка почти мгновенно оценивать ситуацию и действовать сообразно. Для начала выкинуть за двери всех лишних, то есть телохранителей Тараска, затем...

Затем видно будет!

Кому-то придется поплатиться за нечестную игру, и Конан даже не сомневался, кому. Жаль только, до оружия не дотянуться: как предписы-

валось этикетом, ножны с мечами гостей спокойно лежали и висели на отодвинутой к дальней стене ложи высокой дубовой подставке. Она только что с грохотом опрокинулась, ибо в нее врезался потерявший сознание гвардеец в красно-зеленой форме, коему довелось свести близкое знакомство с тяжелым табуретом, внезапно обретшим способность летать.

Благородное общество на трибунах и горожане внизу наконец-то смекнули, что церемония безнадежно испорчена.

Раздался первый истошный женский визг, предвещавший наступление паники, хруст переворачиваемых скамей и топот бегущих по ступенькам ног, сопровождаемый неразборчивыми выкриками.

В нарастающем гоме киммериец внезапно расслышал собственное имя, а, бросив взгляд через плечо, увидел захлопывающуюся неприметную дверь и блеснувший между косяком и притвором кусок пурпурной ткани. Просперо, позволивительно отвлекшийся на то, чтобы выкинуть через перила особо рьяного блюстителя, с досадливым воплем кинулся вслед, но не успел. Створка плотно закрылась, став единым целым с обтянутой зеленоватой тканью стеной.

— Догони его! — прокричал Конан, подхватывая с пола первый попавшийся клинок, оброненный кем-то из телохранителей короля Немедии. Меч вопреки ожиданиям оказался вполне добротным, но легким. — Делай, что хочешь, только поймай эту гадину!

Леопард ограничился коротким кивком и, примерившись, махнул через перила, удачно приземлившись на опустевшем верхнем ярусе. Быстрый удаляющийся перестук каблуков свидетельствовал, что пуантенский герцог с наивозможной поспешностью мчится вниз, где возле трибун маются неизвестностью Черные Драконы.

Куда бы ни попытался спрятаться ксальтотун, его из-под земли вытащат и вытряхнут душу, но это — потом.

Сейчас важно положить конец всеобщей неразберихе, разомкнуть скованный из лжи и обмана круг.

Дело даже не в том, кому достанется корона Немедии, но в том, чтобы исполнить данное слово. Конан никогда всерьез не задумывался над подобными вопросами, просто вся его жизнь следовала этим законам. Так должно быть, потому что в противном случае много ли стоят твои обещания и чего заслуживаешь ты сам?

Киммериец еще успел бросить взгляд вниз. Площадь смахивала на разоренный муравейник, эшафот окружили неведомо откуда взявшиеся всадники, не подпуская к нему стражников, и не возникло сомнения, что вон та воинственная особа на сером коне — Дженна Сольскель. Получивший свободу Ольтен взобрался на свободную лошадь и немедленно ввязался в драку, Мораддин куда-то сгинул... Белое платье Даны мелькало на помосте, она присела рядом с Хастии, и Конан мысленно посочувствовал любому,

кто рискнет приблизиться с дурными намерениями к этой парочке.

— Добился своего? — Тараск, в отличие от предусмотрительно скрывшегося ксальтотуна, не выглядел ни испуганным, ни опешившим. Несколько мгновений затишья он использовал, чтобы торопливо обшарить упавшую оружейную стойку. Теперь у него в руках оказался массивный двуручник из вороненой стали с причудливой гардой, откованной в виде посеребренного лунного серпа. — Думаешь, твои дружки смогут мне помешать? Даже не надейся. Пусть себе надрываются, мы-то прекрасно знаем: власть достается тому, кто смог ее удержать.

— Ты бы поосторожнее размахивал этой штукой, — вполне серьезно посоветовал Конан, узнав клинок. — Хастии будет жутко недоволен, если ты случайно выцеришь его реликвию. Что до власти, тебя не раз предупреждали: отступись миром. Трон Дракона — не твой. Не твой по любым законам.

— И это говорит человек, преспокойно шагнувший через труп последнего из Эпимитреев? — с ехидством осведомился Тараск, одновременно совершая длинный пробный выпад клинком и примериваясь к незнакомому оружию. Меч тонко свистнул, срубив подвернувшуюся спинку кресла. Срез выглядел настолько ровно и гладко, будто кресло делали не из прочной сосны, а из тонкого пергамента. Тараск с легким удивлением глянул на меч, на противника, прикинул возможности и принял верное решение. Сделал

пару шагов назад, угрожая поднятым клинком, нащупал дверь и, толкнув створку, выбежал наружу.

«Хасты уверял, будто его ненаглядное стальное чудище способно одолеть любой металл и почти любой предмет...» — некстати вспомнил варвар.

Трибуна, отведенная для представителей благородного сословия Бельверуса, почти опустела. Ветер трепал разноцветные флажки и знамена, снизу долетало частое, режущее слух лязганье, сопровождающее любую схватку на мечах, и непонятный звук, вроде тонкого, еле слышного воя.

Должно быть, собравшиеся в столице Немедии волшебники решили не упускать возможности раз и навсегда выяснить отношения. Конан очень надеялся, что Менхотепу устроят развеселую жизнь, но взглянуть, как идут дела, не сумел, уклоняясь от черного вихря, раскалывающего в щепы скамейки, флашштоки и тонкие балюсины перил.

Попытка самому перейти в наступление закончилась блистательным провалом.

После второго соударения меч киммерийца виновато звякнул, разделяясь на рукоять и косо обрубленное лезвие, улетевшее под лестницу. Отшвырнув бесполезные обломки, Конан в сердцах помянул алмазное копьё Крома и спрыгнул на ярус, находившийся ниже, веря, что ему повезет не споткнуться о перевернутые вверх ножками скамьи для зрителей. Одну из таких ска-

мей немедля возвели в высокий ранг щита — за неимением лучшего.

— С тебя довольно или продолжим? — Тараск перегнулся через ограждение, вызывая ухмыляясь. — Самое подходящее оружие для варваров — большая и крепкая дубина! Кстати, Ваше величество, не угодно ли отозвать своих головорезов и предоставить решение немедийских дел самим немедийцам?

— Не угодно, — мрачно бросил Конан, краем глаза выискивая подходящий путь к отступлению и замечая, что в брошенной всеми ложе мелькает какая-то горбящаяся фигура. Должно быть, оглушенные стражники пришли в себя и пытаются встать на ноги.

— Как скажешь, — Эльсдорф не стал затруднять себя лазаньем через барьер, легко сбежав по лестнице. — Ты гость, а желание гостя, как известно, закон.

Кофиец приветственно взмахнул клинком, и последующие несколько мгновений запомнились правителю Аквилонии, как одни из худших в жизни. Вороненое лезвие без труда искромсало подставленную ему скамью, сокрушило еще один клинок, уроненный на ступеньки кем-то из убежавших зрителей, разрубило на несколько ровных частей толстое древко флага Немедии, использованное варваром вместо копья, и в довершение наградило Конана неглубокой, но занудливо нывшей раной, чиркнувшей вдоль предплечья. Края порванного рукава теперь болтались, отвлекая внимание.

— Мое предложение по-прежнему в силе, — Тараск заставлял противника отступать, не давая ему улучшить момент и схватить какую-нибудь вещь, могущую сойти за оружие. — Прекратим эти глупости. Сумей признать, что ты проиграл, забирай своих прихвостней и возвращайся домой. Никакая старая дружба не имеет значения перед благом государства. Не вынуждай меня входить в историю под именем «убийцы Аквилонского Льва». Просто уезжай, и все. Забудем. Что значат несколько жизней по сравнению с бойней под Демсвартом?

— Ты впрямь так полагаешь? — спросил Конан.

Он заметил, как из стоявших нараспашку дверей ложи украдкой выскользнула высокая темноволосая женщина, юркнувшая за украшенный коврами барьер.

Над площадью и замком пронесся холодный, стылый ветер, напоминающий осенний буран где-нибудь в предгорьях Граскаала. Ветер не утихал, наоборот, разрастался, обрывая флаги, подхватывая мусор и закручивая их в быстрый смерч.

— Что за ерунда? — раздраженно пробормотал Тараск. Он глянул вниз, на площадку вокруг эшафота, и вдруг опустил меч, ткнувшийся кончиком острия в струганные доски. Конан вполне сумел бы в один или два прыжка преодолеть разделявшие их шаги и попытаться выхватить у Эльсдорфа вороненый клинок, но какая-то неодолимая сила намертво сковала могу-

чее тело варвара, не давая шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Повсюду вокруг них, на площади, превратившейся в поле брани, люди вдруг роняли занесенное для удара оружие, застывали на бегу, словно мухи, попавшие в патоку. Солнечный свет сменился зловещим алым сиянием.

Пламя на ветру

Менхотеп всегда полагал себя человеком здравомыслящим и твердо знающим, когда можно рисковать, а когда лучше отступить и переждать. Сегодня выдался именно такой день. Некого винить — разве самого себя и неудовольствие богов. Тараск, в последнее время не дававший себе труда скрывать подозрительного отношения к бывшему сотоварищу и единомышленнику, предлагал ограничиться только казнью Ольтена Эльсдорфа. Знания герцога Эрде, мол, пригодятся в будущем, а живой колдун из Рабиров куда полезнее, нежели мертвый. Если его убить, чем тогда припугнуть Эрде-младшую? Стигиенц догадывался, что в скором времени ему предстоит выбирать: избавляться от слишком многого себе возомнившего Тараска или искать надежное средство подчинить себе немедийского правителя?

Чудеса порой случаются. Замысел, на успех которого ксальтотун особенно не рассчитывал,

сработал безукоризненно, доставив ему Алый Камень и Дану Эрде. Менхотеп признавал, что страдает излишним тщеславием, и тщеславие подвигло его на ошибочный шаг.

Он предусмотрел все. Не учел только упрямства Даны и самоуверенности Тараска.

Нельзя было снимать шлем с Одноглазого! В глубине души Менхотеп хотел взглянуть в лицо поверженного противника. Вот и взглянул. Рабирийцу хватило мгновения, чтобы разрушить тщательно сплетенную сеть заклятий вокруг Даны и отпустить на свободу свою бешеную подружку вкупе с варваром из Аквилонии. Менхотеп не стал даже пытаться снова накидывать на Эрде-младшую порвавшуюся сеть. Демон с ней, пусть бегаёт. Он отодвинулся в тень и незаметно исчез, выйдя через потайную дверь.

Недостаточно незаметно, как выяснилось.

Внизу, под трибунами, его поджидали: десяток аквилонских гвардейцев, разъяренный Пуантенец, как нельзя лучше оправдывавший свое заглазное прозвище — Леопард, и человек, которого Менхотеп хотел видеть меньше всего, то есть Тотлант, его собственный отпрыск.

Гвардию и ее предводителя ксальтотун расценил как досадную помеху, единственным движением кисти одарив их Заклятием Живого Камня. Особого вреда оно не причинит, но ближайшие полколокола вояки не смогут залоумно носиться туда-сюда, причиняя неудобства окружающим и самим себе. Тотлант, коего заклятие обошло стороной, не двинулся с места, упрямо наклонив

голову и исподлобья глядя на отца. Позади него в ужасе таращились на окаменевших стражей двое — молодой человек, вроде бы летописец из свиты аквилонского короля, и прижавшаяся к нему рыжая девица.

— Значит, в миг опасности ты всегда бросаешь своих покровителей? — негромко проговорил Тотлант. Он откровенно напрашивался на поединок, но Менхотеп не собирался враждовать с собственным сыном. Ксальтотун хотел добраться до дворцовых ворот, передохнуть, оглядеться — и начать действовать. Главное, чтобы его не заметили Долиана и Одноглазый. Сейчас эта парочка (влюбленная и потому изрядно поглупевшая) убеждает друг друга, что они живы и почти не пострадали. Потом им предстоит возиться с цепями Рабирийца и новое нападение застанет их врасплох. Может, не все потеряно?

— Дай мне пройти, — как можно спокойнее и мягче попросил ксальтотун. — Не нарушай собственного обещания не вмешиваться в сражение за Камень.

— Я не давал такого обещания, — оборвал Тотлант.

— Да? Выходит, я неправильно тебя понял. В Демсварте ты без колебаний выступил на моей стороне. Неужели забыл? Я-то полагал, ты решил постоять в стороне и дожидаться, когда Талисман после моей кончины мирно перейдет в твои руки.

— Думаю, в моем хозяйстве эта вещь не пригодится, — твердо произнес маг из Пограни-

чья.— Она — собственность Даны Эрде, нравится тебе это или нет. И еще полагаю, что твоему беспечальному житию в этой стране пришел конец.

Менхотеп еле заметно скривился. Драгоценный отпрыск (должно быть, по молодости лет) имел склонность к высокопарности и переоценивал свои возможности. Изгнать его, ксальтотуна, из Немедии? Как бы не так! Мальчишка нуждается в хорошем уроке и пусть скажет спасибо, коли останется цел! В своем варварском захолустье он окончательно позабыл об уважении к старшим!

Возможно, урок был бы преподан и неизвестно, чем бы он закончился для Тотланта, но помешало стороннее лицо. Вернее, не лицо — курносая собачья морда с отвислыми губами. Темно-рыжая здоровенная псина кофийской породы выскочила из-под перевернутой скамьи и без колебаний всадила клыки в ногу волшебника в алых одеждах. Менхотеп взвыл, девица завизжала, Тотлант замер в растерянности, а парень с аквилонским гербом на плаще обрадованно крикнул:

— Чин, так его!

— Мерзавка! — прошипел ксальтотун, выдирая из собачьей пасти кусок своего балахона и примериваясь, как бы обратить злобную рычащую тварь в что-нибудь тихое и смиренное.

Собака внезапно прекратила рвать багровую ткань, отскочила и пронзительно завывала, задрав голову к голубому небу в белых клочьях обла-

ков. Менхотеп оглянулся, мгновенно забыв о нахальной твари, непочтительном сыне и необходимости поскорее исчезнуть.

Струи обжигающе-ледяного ветра теребили мага за края одежды, и с высоты эшафота на него смотрела молоденькая девушка в оборванном белом платье. Девушка с Алым Камнем на золотой цепочке, у ног которой сидел темноволосый человек, так и не освободившийся от своих цепей. В прозрачных глубинах Талисмана переливался и мерцал живой огонь, постепенно проникавший наружу и окутывавший тонкую фигурку развевающимся покрывалом меняющихся багряных и малиновых оттенков.

Склонный к метафорам и словесной игре месьор Юсдаль сравнивал потом Долиану Эрде с трепещущими на ветру языками огромного костра. Сейчас же он огляделся в поисках укрытия, ибо Дана недвусмысленно вызывала своего противника на бой, а Хальк твердо усвоил: при поединках волшебников обычным смертным надо держаться в стороне.

* * *

Сила Каримэнона, превратившаяся в тугую жгут пылающих багровым до черноты нитей, пронеслась над площадью. Долиане никогда раньше не удавалось создать ничего подобного: получившийся у нее огненный бич стал видимым даже тем, кто не обладал колдовским зрением. Он выплавил в булыжниках Замковой площади глу-

бокую борозду, мгновенно спалил деревянные рогатки ограждений и настиг Менхотепа, заключившись вокруг него бездымным косматым вихрем оранжево-золотого цвета. Дана чувствовала себя так, словно находилась на перекинутом через стремительный водопад раскачивающемся мосту. Каждая капля в потоке бегущей под ней воды становилась новой нитью, вплетенной в хлещущую багровую плоть.

Такое количество огня могло до основания испепелить небольшой городок, но Дана не могла остановиться, вымещая скопившуюся злость. Это новое, сладостное чувство невероятной, неуправляемой мощи настолько захватило ее, что поначалу она даже не заметила, как истончаются алые нити и иссякает огненная река. Камень безжалостно вернул ее к действительности, больно уколол ладонь. На опустевшей площади там и сям виднелись странно застывшие, точно замороженные на бегу, человеческие фигуры.

«Непонятно,— подумала Дана,— но удобно. Никто не станет досадной помехой или случайной жертвой».

Наискось через серые булыжники мостовой вился уродливый черный шрам, след магического пламени, и на дальнем его конце Эрде-младшая увидела своего противника.

Ксальтотун стоял посреди медленно остывающего лавового озера локтей шести в поперечнике. От страшного жара воздух вокруг мага колыбался дымным маревом, но сам стигиец совершенно не пострадал, только снисходительная

улыбка на загорелом лице превратилась в жутковатый оскал. Поймав ненавидящий взгляд Долианы, он осклабился еще шире и воздел руки, творя заклятие. Пространство вокруг его головы наполнилось отвратительными на вид хлопьями черной паутины.

— Эллар, помогай! — тоскливо взмолилась Дана. Рабириец рванулся, отчаянно натягивая лайвортовые оковы на запястьях.

— Не могу...— простонал он.— Ты сама...

— Берегись! — рявкнул чей-то голос позади девушки. От неожиданности Дана присела, и это спасло ей жизнь. Нечто угольно-черное, похожее на летучую мышь с размахом крыльев в пару локтей, пронеслось над самой ее головой, обдав жаром кузнечного горна. Сотворенная стигийцем тварь, вереща, кувырнулась, чтобы повторить нападение, и вдруг рассыпалась, взорвавшись тучей пыли и багровых огоньков.

— Не отвлекайся! — каркнул Райан Монброн, невесть откуда появившийся на эшафоте. Заклятие, уничтожившее тварь, принадлежало ему, но маг дышал с трудом и лоб его покрыла крупная испарина.— Смотри, он атакует!

«Дана...»

Монброн опустился на колени и, срывая ногти и ругаясь шепотом, принялся сбивать браслеты с правой руки Рабирияца.

«Эллар? Что мне делать?»

«Помни, Каримэнон — часть тебя. Не думай, просто.... Просто желай достигнуть чего-либо, ясно? Я подскажу...»

Она обернулась как раз вовремя. Ксальтотун резким жестом выбросил перед собой руки с растопыренными пальцами. Вспышка, грохот, сноп раскаленного металла, брызнувший в Дану, горячие осколки, рвущие плоть. Девушка, отшатнувшись, представила толстую крепостную стену, и заклятие стигийца срикошетило от незримого магического щита.

«Правильно, молодец! Против огня — вода, против земли — воздух... Осторожно!»

Чудовищная тяжесть обрушилась на всех троих. Девушку согнуло пополам, Рабириец охнул, Монброн, не удержавшись на ногах, повалился на помост. Дана с лихорадочной поспешностью принялась вспоминать летучие предметы — кружащийся лист, пушинка в потоке теплого воздуха, птичий клин... Помогло. Свинцовые гири исчезли с рук и шеи, а, глянув вниз, она с равнодушным удивлением обнаружила, что ее подошвы не касаются досок. Каримэнон обжигал кожу на груди, источая волны невероятно чистого алого света, ослепляющего и ничего не освещающего.

«Только не увлекайся, сэлл'онни. У тебя получится. Против земли — огонь!»

Нечто стремительно ринулось к помосту, незримая, огромная сила, заметная лишь по быстро бегущей полосе взлетающего щебня и булыжников, словно под мостовой прокладывал ход огромный крот.

Не раздумывая, Дана запустила в приближающуюся магическую дорожку зарядом огня,

от которого вскипел и растекся камень. Повинуясь ее ярости, Талисман, не удовлетворенный достигнутым успехом, плюнул в стигийца сгустком жидкого пламени.

Ксальтотун зарычал и отмахнул рукой. Шар огня косо ушел к трибунам и врезался в полотняный навес, немедленно загоревшийся.

— Почти готово! — крикнул Монброн, поспешно откручивая болты на правом браслете. И тут Рабириец тревожно воскликнул:

— Дана, эта тварь опасна, очень опасна! Убей ее!

Клекочущий крик и шелест взмахивающих крыльев — Менхотеп выпустил в мир стремительное, золотисто-бирюзовое чешуйчатое существо, гибко кружившееся в потоках морозного ветра, сопровождающего появление почти всякой магии.

На миг девушка залюбовалась быстрыми движениями странной твари и, зазевавшись, пропустила атаку.

Крылатая ящерица упала вниз, когти с визгом проскрежетали по прикрывшему Дану туманному щиту, оставив на нем горящие зеленоватыми искрами глубокие царапины.

— Убей ее!

— Как? — выкрикнула Дана. Ответа она не расслышала, потому что мимо опять просвистела синяя с золотом молния. На этот раз творению ксальтотуна удалось разорвать щит, и оно едва не дотянулось до Долианы.

* * *

Обычный смертный почти не имеет возможности наблюдать за магическим поединком, ибо тот происходит в иной сфере бытия, где сталкиваются призванные враждующими волшебниками духи, сплетаются в схватке заклятия, принимающие облик диких существ, или происходит состязание Сил.

Прятавшаяся за барьером Дженна Сольсель в который раз поблагодарила судьбу за то, что ей не довелось стать магичкой. Она не представляла, каким образом совсем юная Долиана Эрде умудряется справляться с мечущимися вокруг призрачными чудовищами. Дженна боялась и не стыдилась признаться в этом. Ее пугали звуки шипящего и ревущего колдовского огня, невозможность шевельнуть рукой или ногой, вид гибнущих и появляющихся вновь жутких созданий, и сознание беспомощности. Она желала Данае и ее приятелям удачи, но ей чрезвычайно хотелось уцелеть самой.

Ниже Зенобии застыли две живые статуи: полуобернувшийся к помосту под замковой стеной Конан и удивленно склонивший голову к плечу Тараск. Дженна видела отблески пламени на вороненом лезвии меча в руках Эльсдорфа и с какой легкостью клинок разрубал дерево и железо, вновь и вновь оставляя короля Аквилонии безоружным.

Рядом с девушкой из Пограничья на полу лежал вытащенный из ножен тяжелый полутор-

ный меч с россыпью синих аметистов на яблоке рукояти. Оружие гномской работы принадлежало Конану, и Дженна уповала, что уж оно-то не сломается, встретившись с клинком Рабирийца, трофеем, случайно доставшимся Тараску Эльсдорфу.

Только сперва ей нужно обрести возможность двигаться и незаметно подобраться к сражающимся. Что случится потом, Зенобия старалась не задумываться. Если она угодит под удар Тараска, ей конец.

На помосте Дана Эрде схлестнулась с удивительно красивым существом, вроде крылатой ящерицы цвета расплавленного золота и летней небесной синевы. Дженна удивленно заморгала, когда ей показалось, будто ноги Долианы не касаются досок эшафота. Точно, не померещилось!

Эрде-младшая, окруженная алым мерцанием, пританцовывала в локте от земли, быстрыми движениями швыряя в морду нападающей твари сверкающие ледяные брызги, заставлявшие ту взвизгивать и отступать.

Дженна сжала ладони в кулаки, не замечая, что ногти больно врезаются в кожу. Ящерица взмыла вверх, кружа над встрепанной головой Долианы Эрде и кромсая передними лапами с длинными когтями возникший перед ней густое переплетение зеленых и багряных нитей. Одноглазый маг, вскинув освобожденную от оков правую руку, быстро вычерчивал какой-то слабо светящийся знак. Зенобия сочла, что ксальтотуну и его зверюге сейчас изрядно не поздоровит-

ся, и, преодолевая сопротивление ставшего густым воздуха, потянулась к рукояти аметистового меча. Как только она сможет шевелиться, она схватит клинок и перебросит Конану.

Не поймает — сам виноват!

Сине-золотое существо внезапно преобразилось, став похожим на распластанное дымчатое облачко с огнистой каймой по краям. Изгибающаяся тень рванулась вниз, мгновенно окутав Дану с головы до ног и жестом играющего с добычей хищника подбросив вверх. Белое платье исчезло в клубящемся сумраке, и внезапно Дженна поняла — ее больше ничто не держит.

— Эй! — отчаянно завопила она, прыжком вскидываясь на угрожающе качнувшиеся под ней перила. — Лови!

В отличие от кинжалов мечи не приспособлены для метания, и Дженна бросила его на манер боевого топора — снизу вверх. Клинок зацепился наверху и упал.

Двое бросились к нему, но Конан успел первым. Схватил, резким поворотом ушел от сокрушительного удара, отбил выпад — гномский меч протестующе взвизгнул, рассыпав сноп радужных искр — атаковал, заставив Тараска поспешно взбежать на следующую площадку лестницы, и попытался войти в рискованный ближний бой, когда раздался короткий, жалобный хруст.

— Ой, нет... — Дженна судорожно схватилась за рукоять собственного клинка, леденев при мысли о возможной схватке с Тараском Эльсдорфом. Аметистовый меч не выдержал, косо пере-

ломившись в верхней трети лезвия. Мгновение киммериец с безнадежной оторопелостью смотрел на оставшуюся у него в ладони рукоять с огрызком бывшего великолепного оружия.

В глазах Тараска вспыхнуло торжество. Черный клинок взлетел, описывая смертоносную дугу. Дженна невольно зажмурилась. Она не увидела, как варвар удивительно быстрым и гибким движением, весь извернувшись, за миг до неминуемой гибели выскользнул из-под удара и внезапно оказался прямо рядом с противником. Тараск даже не успел понять, что произошло: обрубок гномского меча (теперь похожий скорее на тесак, но по-прежнему острый, как бритва) обрушился на его правую руку чуть ниже локтя.

Дженна услышала удар, а затем тошнотворный скрип; с каким сталь входит в кость. Глухой лязгающий звон означал, что один из противников выронил оружие, только кто? Она ожидала пронзительного вопля, но услышала глуховатый, недоумевающий вой, сразу оборвавшийся и сменившийся тяжелым ударом падающего тела.

— Йен! — резкий окрик заставил девушку мгновенно придти в себя. Голос принадлежал Конану. Дженна бездумно шагнула ему навстречу, споткнувшись о что-то длинное, коротко звякнувшее. Опустив глаза, увидела вороненый меч с гардой в виде лунного серпа, к рукояти которого прицелился странный, темно-красный предмет с торчащей изнутри желтоватой палкой. Запоздалая догадка заставила Дженну с отвращением попятиться: это обрубок человече-

ской руки! Пальцы по-прежнему сжимали обтянутую шершавой коричневой кожей рукоять, а былой владелец, потеряв сознание, привалился к ограждению лестницы, залив ступеньки своей кровью.— Дженна, спускайся! Все кончено!

Девушка замаялась, прежде чем перешагнуть клинок с его жутковатым украшением, и в это мгновение мир качнулся, до краев наполнившись прозрачно-алым сиянием. Ослепительный, невероятно чистый свет резанул Дженну по глазам, она закричала, вскидывая руки, и оступилась, полетев вниз. Конан поймал ее, но не удержался сам, они упали на хрупкие перила, сломав их. Зенобия врезалась локтем в угол скамьи, да так, что слезы брызнули из глаз.

Она еще успела разглядеть косо тянувшийся к небу алый луч и обрамленную зубцами вершину дворцовой башни, с торжественной медлительностью съезжающую вправо. Дженна не знала, послышался ей или нет чей-то безумный, истощенный вопль. Так должно быть, кричит человеческая душа, расставаясь с телом или теряя нечто драгоценное.

Слово летописца

В висящей над Замковой площадью тишине раздается мерное, неотвратимое цоканье подков по булыжнику — так ходит Кладбищенская Лошадь, призрак заброшенных могильников...

Пепельно-серый жеребец приближается к бывшему эшафоту, опаленному с одной стороны и словно надкушенному гигантскими зубами с другого. Я вижу рабирийского мага, на руках у него безжизненно висит грязно-белый сверток. Эллар спускается по ступенькам вниз, осторожно, не выпуская своей ноши, забирается в седло, небрежно протягивает руку, вынимая из всколыхнувшегося воздуха свой двуручник с серебряным полумесяцем вместо гарды, и трогает коня с места.

Он медленно пересекает площадь, минует приходящих в себя людей, приближаясь к нам. Звякают трензеля, фыркает лошадь, щелкают копыта. Мне холодно и жутковато, но все-таки я решаюсь поднять голову и взглянуть.

Рабириец увозит Дану Эрде. На миг возникает ее осунувшееся, очень спокойное и бледное лицо с закрытыми глазами, золотая цепочка, Алый Камень, потускневший и словно бы выцветший. Эллар придерживает коня, смотрит на нас...

В моей голове все плывет, я никак не могу взять в толк, что случилось с его обожженной физиономией и почему он носит корону — тонкий стальной венец с тремя зубцами.

Скулит жмущаяся у моей ноги Чинкуэда. Наваждение пропало, и всадник на сером коне тоже исчез. Стража на воротах столицы потом клялась, что мимо них такой человек не проезжал — ни в первый день лета, ни в последующие.

— Не надо идти за ними,— мягко прозвучавший голос Тотланта обращался не ко мне, но с потрясающим успехом вернул нас с Цинтией на землю.— Мы им ничем не поможем.

— Он забрал мою дочь,— монотонно повторял кто-то.— Зачем он ее унес?

Стигиец вежливо, но непреклонно удерживал на месте Мораддина Эрде, упрямо порывающегося догнать уехавшего Эллара.

Внутренний голос подсказывал мне, что Тотлант прав — Рабириец и Дана отныне не принадлежат никому из нас, и бесполезно их преследовать. Я присоединился к Тотланту, заплетаясь языком пытаюсь втолковать эту печальную мысль герцогу Эрде. Думаю, он нас не понял, но смирился. Мы отвели его к покрывившемуся помосту эшафота, оставив на попечение Райана Монброна, выглядевшего каким-то потерянным и постаревшим. Туда, к помосту, постепенно стягивались выжившие, не разбираясь, кто из них сторонник Тараска, а кто поддерживал Ольтена Эльсдорфа. Мне показалось, что я вижу светловолосую голову принца, но тут меня потянули за рукав.

— Мне нужно осмотреть упавшую башню,— извиняющимся тоном произнес Тотлант.— Не хочу идти туда в одиночку.

Цинтия с нами не пошла, сказав, что подождет нашего возвращения. Объявился сильно потрепанный и недоумевающий Просперо, немедленно заинтересовавшийся, не видел ли кто Конана. Сообразили, что также пропали Дженна

Сольскель и Тараск Эльсдорф, но я уже не видел, как собирали отряд на их поиски.

Мы с Тотлантом заковыляли к стене дворца, теперь напоминавшей размытый волнами песчаный замок на морском берегу. Не доходя шагов пятидесяти, стигиец остановился, пристально глядя куда-то вверх. Я тоже посмотрел, увидев расплывшееся на желтоватых камнях бесформенное красно-черное пятно.

— Что это? — глуповато спросил я. Тотлант не ответил. Поскольку мое чувство такта временно приказало долго жить, я продолжал спрашивать: — Так что же стряслось? Куда Одноглазый потащил Дану? По-моему, ее здорово покалечило... Он ее вылечит? Талисман ей останется? Слушай, куда мог подеваться Ксальтотун? Я даже не заметил, когда он исчез... Сбежал под шумок, что ли?

— Дана умерла,— от этих простых слов я сразу замолчал, по неосторожности прикусив кончик языка.— Ксальтотун убил ее. Талисман, лишенный владелицы, отомстил. Алый свет, который мы видели — Сила, вырвавшаяся в поисках убийцы. Нам здорово повезло, что поблизости оказался Эллар, сумевший подчинить эту Силу и не позволивший ей снова нарушить целостность мира. Иначе вместо Бельверуса получился бы второй Демсварт. Рубин достанется Эллару — по праву законного владения. Скорее всего, он вернется в Рабиры и там похоронит Дану. Менхотеп... — Тотлант пожал узкими плечами.— Менхотеп тоже мертв. Его останки висят над на-

шими головами. Каримэнон поглотил его душу и сжег тело. Не знаю, заслужил ли он такую кончину...

— Хальк! — зычный вопль заставил нас обоих растерянно оглянуться. — Хальк! Тотлант! Да не туда смотрите!

По частично лишившейся ступенек лестнице с трибуны спускались Конан и Дженна Сольскель — вполне живые, хотя не меньше других пораженные случившимся. Я заметил, что король Аквилонии бережно поддерживает девицу из Пограничья — кажется, у Дженны что-то случилось с глазами, она постоянно жмурилась и растерянно трясла головой.

— Где бы срочно отыскать лекаря? — спросил Конан, когда мы сошлись у подножия трибун. — Там наверху валяется Тараск с отрубленной рукой. Мы его перевязали, как смогли, но лучше бы им занялся кто-нибудь поопытнее. А Дженна едва не ослепла от своего любопытства.

— Когда еще увидишь магический поединок? — невозмутимо пояснила Зенобия. — Кто победил? Дана?

— Никто, — резко бросил Тотлант, повернулся и ушел, оставив меня отдаваться и отвечать на тысячу вопросов.

Завершение

Из дневника Халька Юсдаля — IV
«Летнее солнцестояние»

Лес Руазель, Аквилония.
22 день Второй летней луны 1294 года.

ак и полагается, бракосочетание короля Аквилонии Конана I из Канаров и девицы Зенобии Сольскель, уроженки королевства Пограничного, отныне являющейся также законной королевой Аквилонии, праздновали согласно всем традициям и с надлежащим размахом.

Торжества растянулись на две с лишним седмицы, в Тарантию съехалась половина страны, вино лилось не рекой, но водопадом, трезвый человек вызывал на улицах подозрение — не кофийский ли шпион? Казну опустошили почти наполовину, гостей с Восхода и Заката пригласили столько, что замок напоминал переполнен-

ную бочку, крылья мельниц тщеславия и громких имен вертелись, не переставая, а уж сколько громких од с восхвалительным прологом и прославительным эпилогом было прочитано...

Неудивительно, что под конец новобрачные не выдержали и сбежали.

Сбежали не в одиночку — запасливо прихватив с собой кучу друзей. Кавалькада направилась в отстоящий в дне езды от Тарантии Руазель, старинное охотничье владение аквилонских королей, небольшой чистенький лесок. По моему твердому убеждению, траву на тамошних полянках каждое утро подстригают и красят зеленой краской, а олени и кабаны при встрече говорят друг другу: «Добрый день, почтеннейший!»

Самое подходящее место, чтобы устроить небольшую пирушку на лоне природы.

Говорят, что не делается в мире — все к лучшему. Может, пословица и справедлива. Как выскажутся через сотню лет о наших поступках летописцы и историки? Перечислят кучу совершенных ошибок и сквозь зубы признают, что мы по совершенной случайности добились кой-каких успехов? Например, король Аквилонии, достигнув возраста почти в сорок пять лет, остепенился. Правда, и здесь сделал все по-своему, приведя в Тарантийский дворец не наследницу знатного рода и не заграничную принцессу, а купеческую дочурку из Пограничья.

Думаю, варварское здравомыслие Конана в очередной раз одержало верх над соображения-

ми этикета: из Дженны Сольскель получится не только замечательная жена, но и хорошая королева.

Поживем — увидим...

Тараск Эльсдорф выкарабкался и нынче ходит своими ногами, правда, теперь ему придется учиться справляться с оружием, ложкой и пером одной конечностью. Догадываюсь, кто озабочился распутить слушок, утверждающий, будто с Тараском поступили согласно заморийским законам — уличенному в краже вору отрубили правую руку.

В Немедии неразбериха царила почти до конца Первой летней луны. Ольтен — нынче ставший Нимедом Вторым — карал, миловал, вознаграждал, восстанавливал поправленную справедливость и внушал подданным уважение к Закону. Среди прочих его указов мелькнул один, показавшийся мне весьма символичным: Ольтен решил сохранить знамя Рокода Полуночи, сделав его новым штандартом вице-короля.

Конан с приближенными побывал на коронации Эльсдорфа-младшего и потом долго ворчал, что пережитые испытания «этого сорвиголову» ничему не научили. Надо же, взять и широким жестом даровать почти приговоренному к смертной казни Тараску свободу, отпустив его на восемь сторон света! Просперо и я убедительно доказали королю, что такой поступок Ольтена гораздо разумнее, чем банальное повешение. Теперь никто не решится принять Тараска Эльсдорфа при своем дворе, в Кофе ему наверняка

вежливо укажут на дверь, и кому он нужен — не сумевший удержать свою удачу?

Насколько мне известно, сейчас Тараск пребывает в Хорайе на должности командира захудалого гарнизона, мертвецки пьет и проклинает коварство судьбы.

Начинающийся мятеж Восходных провинций подавлять не пришлось: он прекратился сам собой, когда пришло известие о смене власти. Аластор Кайлиени вновь объявлен протектором, причем не только Заморы, но и Коринфии, о чем он не замедлил сообщить лично. Я не сомневался, что Кайлиени непременно объявится в Тарантии — не упускать же такой великолепный случай поесть, выпить и повеселиться за счет друзей?

Герцог Мораддин Эрде, кому торжественно возвратили отнятые титулы и должности, получил регалии канцлера Немедии и ничуть тому не рад. Подозреваю, в мире ничто больше не способно его обрадовать. Его дети мертвы — друзья семьи Эрде приезжали в загородное поместье Энден, отдать последнюю дань двум надгробиям в семейной усыпальнице, могиле Вестри и кенотафу Даны. Настоящее последнее прибежище юной герцогини, должно быть, расположено где-нибудь на берегу Хорота, под соснами Рабирийских холмов.

Непосвященному человеку Мораддин наверняка покажется прежним, если не считать обильной седины и какого-то погасшего, скучливого взгляда. Его разум остер и гибок, подобно лучу

шему зингарскому клинку, он останется вернейшей опорой немедийского Трона Дракона, но служба не приносит ему былого удовольствия. Он выполняет ее из чувства долга и обязательств перед молодым королем, по-моему, втайне ожидая подходящего момента, чтобы вернуться в Кезанкию — навсегда.

На свадьбу старинного друга Мораддин, однако, явился. Вместе с немедийским посольством, дарами, уверениями в вечной дружбе и приязни. Отсидел на торжествах приличествующие пять дней и удалился, сославшись на неотложные дела. За время пребывания в Тарантии он произнес не более двух десятков слов, избегал любых бесед, в том числе и с Конаном, производя тягостное впечатление человека, слишком подавленного собственной недавней бедой, чтобы разделить чужое счастье.

Ринга Эрде к супругу пока не вернулась, и, судя по редко приходящим из Рабиров посланиям, в состоянии рассудка герцогини перемен к лучшему не произошло. Ее брат, Рейенир Морадо да Кадена, уже луну обретается в Зингаре на должности посланника Рабиров. Чем он там занят в действительности — долго гадать не надо.

Конан, когда до него дошли слухи, только скривился, ехидно посочувствовав Чабеле и ее придворным дамам. Поговаривают, Рейе также сумел неплохо проявить себя на должности неофициального советника королевы Чабелы по политическим делам, и меня это ничуть не удивляет. Родич госпожи Ринги, как мы убеди-

лись, способен не только волочиться за прекрасными женщинами. Хотя это занятие получается у него лучше всего.

* * *

Затея отметить Летнее Равноденствие принадлежала, разумеется, оборотням: Эртель и Веллан ужасно разозлились из-за того, что их лишили возможности принять участие в Бельверусской заварушке. Они, как верные подданные, отбыли в Пограничье вместе с Эрхардом, раненым при Демсварте Альбиориксом и уцелевшими бритунийцами, а подлый стигийский колдунишка (подразумевался Тотлант) улизнул и отправился в одиночку совершать подвиги! У него что, приключилась внезапная немота? Почему он никому ничего не сказал?!

Тотлант, после Бельверуса ставший на редкость неразговорчивым, объясняться не пожелал. На него тоже накатила блажь и тяга к перемене мест: он и в любимое Пограничье не спешил, и в Немедии оставаться не хотел, и нас, аквилонцев, уверил, что после праздников уедет, только куда?

Однако сегодня по молчаливому соглашению прошлое предали забвению и разошлись вовсю. Праздновать Солнцеворот, так праздновать! В истинно варварском духе: с прыжками через костры, игрищами, песнями и плясками, шуточными поединками, непрерывными заигрываниями, купаниями при луне и гаданием на венках.

Кто-то отправился поискать цветы папоротника, хотя всякому образованному человеку известно, что папоротник по природе своей цвести не способен.

Уговорить приехавшую с немедийскими посланниками Цинтию Целлиг пойти купаться мне не удалось, но венками мы обменялись и потом бросили их в речку. Сегодня там плавало много таких венков, уносимых неторопливым течением куда-то к Закату. До темноты мы сидели на берегу, слушая разносящиеся по лесу голоса и смех, болтая, целуясь, и хоть убей, не помню, кто первым сказал: «Давай поженимся»...

Цинтия, по вечной привычке женщин присваивать себе чужие заслуги, клянется, что она. Я не спорю.

— Похоже, дурной пример заразителен, — с понимающей усмешкой приветствовала нас Джена, когда в сумерках мы выбрались к костру подле королевского шатра. Над огнем булькал огромный котел, в котором готовили вино со специями, куда постепенно собирался круг наших друзей, и я в который раз поразился прихотливости нитей судьбы, связавшей столь разных и непохожих людей. — Вас поздравлять?

— Всенепременно и обязательно! — жизнерадостно прокричал из темноты кто-то из оборотней. — Коли нас не пригласят на свадьбу — мы обидимся!

— Точно, это поветрие, — согласился Конан, пребывавший в столь благодушном настроении, что, явись сюда кто-нибудь из его давних недру-

гов, вроде Тот-Амона или покойного Страбонуса, их непременно усадили, поднесли чарку и расспросили, каково нынче злодействуется на белом свете.— Хальк, даже не надейся удрать в свое гандерландское захоlustье. Ты ведь не бросишь ненаглядную библиотеку на произвол судьбы?

— Мне нужно разрешение Вашего величества на временную отлучку,— твердо заявил я.— До начала осени. Или даже до конца. Я домой не показывался уже лет пять! Матушка забыла, что у нее есть младший сынок!

Конан посмотрел на меня, на украдкой хихикавшую Цинтию, на собственную жену, в темных волосах которой запуталась бледно-золотая кувшинка, вздохнул и сказал:

— Желаю счастья. Не вернетесь к Первой зимней луне — казнь. Лично приеду в Юсдаль и повешу обоих на одной веревке... Госпожа Цинтия, ну растолкуй, зачем тебе сдался этот книжный червь?

— Нравится,— убежденно ответила моя рыжая непредсказуемая дама.

Кипящее вино в котле воспользовалось моментом и выплеснулось через край, весело зашипев на углях.

* * *

Луна достигла вершины небосвода и начала клониться к горизонту. Шумный лагерь на лесной поляне постепенно затихал, хотя самые рья-

ные любители гулянок намеревались сидеть до рассвета. Пуантенский Леопард подбил благородное собрание учинить песенное состязание, в ходе которого появились невинные жертвы — Веллан, перестаравшись, оборвал струны.

Нетвердо держащееся на ногах общество отправилось искать замену доблестно павшему инструменту, вернувшись с добычей: виолой, принадлежавшей Меланталь, и еще одной, выпрошенной под честное слово у немедийцев. Этой немедленно завладел явившийся из леса Аластор, со скорбным видом поведавший, что цветов папоротника ему отыскать не удалось и пришлось сорвать парочку соцветий иного рода...

— Ой, парочку ли? — невиннейшим тоном осведомился Эртель, за что был пнут и обозван блохастым кобелем.

Начинающуюся перепалку оборвала рабирийка, резко ударив по струнам виолы и заявив, что хвастовство свойственно только мальчишкам, зато некоторые болтуны не в силах даже взять правильного аккорда. Кайлиени возмутился, и нам оставалось только слушать, как эта парочка старается перещеголять друг друга, вспоминая старинные мелодии и на лету сочиняя новые.

Наверное, я задремал, убаюканный теплом костра, вполуха внимая струнным переборам и голоску подпевавшей Цинтии. Разбудил меня собачий лай — кофийская псина Райана Монброна, прежде спокойно лежавшая подле хозяина, вскочила, наострив уши и рыча в темноту за пределами света костра.

— Чего это она? — спросила Дженна. — Зверя почуяла? Или кто-то шатается по лесу?

— Там человек, — без колебаний ответил Монброн. — Причем знакомый. Чин, приведи!

Но прежде чем Чинкуэда успела выполнить команду владельца, на границе света и тьмы возник высокий черный силуэт, вроде бы человека, одетого в тяжелый дорожный плащ с капюшоном. Что удивительно, появился пришелец с той стороны, откуда придти никак не мог. Во всяком случае столь беззвучно и незаметно. Поляну там окружали старые кусты шиповника — я уже весьма близко познакомился с ними и готов был побиться об заклад касательно их полнейшей непроходимости.

В молчании гостя и его загадочном появлении чудилась некая угроза, которую, однако, никто не собирался принимать всерьез. Что может случиться в крохотном лесу, больше смахивающем на ухоженную рощу, где сегодня расположились король Аквилонии и его приближенные? Сам Конан не шевельнулся, вглядываясь в незнакомца поверх чаши с дымящимся вином, а внезапно оживившийся Тотлант поднялся на ноги, улыбнувшись и подняв руку:

— Элар? Если ты хотел нас удивить, то своего добился. Присаживайся к костру!

Тот, кого я сначала принял за заблудившегося в лесной темноте гостя из соседнего лагеря, немедийского или зингарского, и впрямь оказался существом знакомым — жутковатым одноглазым магом из Рабирийских гор. Признаться, я не

рассчитывал, что мы когда-нибудь увидим его снова, и ничуть не сожалел. Вечно с ним связаны непонятные странности, древние тайны, неразгаданные секреты и... И гибель Даны Эрде.

Посыпались вежливо-обрадованные возгласы, кто-то рассмеялся, кто-то встал, искать новую чашу для гостя. Зенобия с нарочито сожалеющим видом бросила в ножны кинжал, с удивительным проворством впрыгнувший ей в руку.

— Удачной дороги и благополучного возвращения, — сдержанно и, как мне показалось, с оттенком сожаления приветствовал ночного визитера Аластор. Моя подруга улыбнулась и поклонилась магу, но, как только он отвернулся, прижалась крепче ко мне — Цинтия всегда побаивалась мрачного Рабирийца, утверждая, будто от него не стоит ждать хорошего.

— Халлэ, Астэллар, — произнесла Меланталь Фриерра, почтительно склонив голову.

На обращенные к нему приятные слова маг ответил разом, произнеся своим низким, с резким акцентом жителей Полуденного Побережья голосом:

— Рад видеть всех в добром здравии, — и, неуловимым движением сбросив плащ, присел напротив киммерийца на покрытое ковром бревно. Меча с лунной гардой при нем сегодня не было. По-моему, он вообще приехал без оружия.

— Здравствуй, Хасты, — проговорил варвар негромко и со странной интонацией. — Я ждал, что ты придешь. Сегодня или завтра, но обязательно придешь.

— Уж извини, что не явился на торжественную церемонию,— пожал плечами Рабириец. В отблесках пламени лицо мага казалось усталым, отрешенным и снова постаревшим на десять-двадцать лет.— Как представил, на что это будет похоже: свадьба Конана Первого, короля Аквилонии... Ой-ей...

— Да уж, весьма... утомительно,— подтвердил Конан. Дженна откровенно фыркнула.

Маг улыбнулся — одними губами — и пригубил предусмотрительно наполненный Велланом вместительный кубок.

— Поздравляю,— искренне сказал он.— Знаешь, я какое-то время смотрел на вас — пока меня не учуяла собака. Конан, ты наделен редким даром...

— Да-да, везде, где появляется Его величество король Аквилонии, немедля возникает либо пьянка, либо драка, либо переворот,— буркнул Эртель под всеобщие смешки.

— Ты собираешь вокруг себя исключительно хороших людей,— продолжил Эллар.— Я хочу пожелать тебе и твоей жене — а пожелания таких, как я, частенько имеют свойство исполняться — чтобы те, кого ты любишь на этом свете, всегда оставались с тобой.

На последних словах лицо на миг Рабрийца исказила мучительная гримаса — хотя какие чувства можно прочесть по лицу, от которого осталась лишь половина? Порывисто поднявшись, маг воскликнул:

— За здоровье короля и королевы Аквилонии!

* * *

Когда над лесом затихли последние отголоски дружеских здравий, Эллар дождался, пока кубки наполнят заново, и в тишине, нарушаемой треском огня, зазвучал его ровный голос.

— Я хочу рассказать кое-что вам всем. В первую очередь тебе, Конан. Ты поймешь, почему.

— Это касается Даны Эрде,— наклонил голову варвар.— Нужно ли?..

— Нужно,— твердо перебил Рабириец.— Знаю, что начало прозвучит, как навязывая в зубах присказка или титульный лист старинной хроники, но с этим ничего не поделаешь. Очень давно, во времена, которые в ваших легендах именуются Темной или Предначальной эпохой, во времена, когда мир был юн, а люди делали свои первые шаги по земле, были созданы Семь и Три, Великая Радуга и Венец. Если вы спросите, кого считать их творцами, мне будет трудно ответить. К ним приложили руку почти все жившие в те поры народы, и каждый привнес лучшее из того, чем обладал. Камни Великой Радуги, одним из которых был Талисман, останавливали старение мира. В те дни возникло Изначальное Противоречие, которое грозило вылиться в страшную битву. Цепь Равновесия или Великая Радуга, поглощала силу разрушения, устранив Противоречие. Три светлых алмаза, звавшиеся Венцом, замыкали Цепь. Когда они явились в мир, те, что владели частью, возжелали Целого. Я не берусь их судить, искать правых и

виноватых, и выискивать их ошибки. Война за Камни все-таки случилась. Венец надежно сокрыли. Шесть Радужных камней стинули навеки. Предполагалось, что погиб и Рубин, Каримэнон, Сердце Огня — тот, что открывал Цепь.

Эллар на мгновение прикрыл ладонью лицо и судорожно вздохнул. Я подумал, что мы никогда не узнаем, какими путями он стал обладателем подобных знаний. В Тарантийской библиотеке нет ни одной летописи с хоть мало-мальски разумным пересказом легенд Изначалья. У Тотланта есть «Кэннэн Гэллэр», не то альбийская хроника, не то философический трактат, но я не владею языком, на котором она написана и вдобавок фолиант Тотланта сильно искажен переводом.

Может, есть такие вопросы, которые лучше не задавать, чтобы не оказаться раздавленным неподъемной тяжестью ответа?

— За тысячелетия Потерянный Талисман стал иным. Его мощь, безличная, как течение реки или величие стихии, обратилась на разрушение. Отыщись кто-нибудь, способный подчинить Камень — и во всех землях Восхода и Заката не нашлось бы человека могущественней. Смерть Даны, пусть это выглядит диким и нелепым, послужила во благо, изменив судьбу Камня. Цена крови связала их... как бы сказать... в единое целое, крепче чем мать и ребенка, влюбленных или учителя с учеником. Когда умерла Дана, умер и Талисман. Он более не опасен. Совсем. Возьми его, Конан. Это мой свадебный подарок.

Словно порыв ветра прошелестел над окружающими поляну буками, когда Эллар запустил пальцы за воротник куртки и вытянул за цепочку огромный, сверкающий всеми оттенками багряного и пурпурного, рубин.

— Хасты, нет,— решительно покачал головой Конан.— Это принадлежало Данае, теперь он перешел к тебе. У меня нет никаких прав на эту вещь!

— А я не могу на нее смотреть,— отрезал Рабириец.— Бери, говорю! Иначе я выброшу его в Океан. Надеюсь, хоть там его никто не найдет... Он сохранил кое-какие свойства. Носи его на шее — и проживешь лет двести. Положи его в сокровищницу, и страна, которой тебе выпало править, будет процветать, а сердца твоих подданных отвратятся от зла. Каримэнон — более не игрушка враждующих колдунов. Не Камень Крови, но Камень Королей. Возьми и используй на благо государства.

— Теплый,— заметил киммериец, бережно принимая Рубин в сложенные лодочкой ладони. Дженна боязливо коснулась Кристалла указательным пальцем и отдернула руку, словно обожглась.

— В нем нет зла,— подтвердил Эллар.— Кому владеть им, как не тебе?

Он легко наклонился и поднял с земли брошенный плащ.

— Это все, зачем я приезжал в Аквилонию,— произнес маг тоном человека, наконец-то успешно завершившего долгое и трудное дело.— Вряд

— ли мы еще встретимся, но... Пусть лучше будет «до свидания», чем «прощайте».

Он нарочно говорил резко, отбивая у нас желание убеждать его посидеть до утра, и потому церемония прощания вышла краткой. Человек спешит, что тут поделать. У него — свои дела и заботы, у нас — свои...

Тотлант, выглядевший каким-то напряженным и внутренне подобранным, подошел попрощаться одним из последних. Стигиец медлил, путаясь в простейших словах, и, наконец, решился высказать то беспокойство, которое, как заметили мы все, терзало его целую луну, с времен возвращения из Бельверуса.

— Эллар, я... у меня... — запинаясь, начал он. — Могу ли я осмелиться попросить?.. Сет Змееликий, да что я такое несу!.. Я хочу учиться у тебя. Ну, пожалуйста! — одним духом выпалил он.

Серый зрачок Эллара уперся в молодого волшебника долгим взглядом, под которым стигиец совсем сник и хотел отступить в тень.

Тягостное молчание нарушил короткий, звенящий смешок.

— От капризов судьбы не избавлен никто — ни смертные, ни боги, — лукавая усмешка Аллатора возникла и таяла, чтобы спустя миг снова вернуться. — Соглашайся, друг мой Хаста, не то сей многообещающий молодой человек поидет и удавится на ближайшем суку.

— Я должен подумать, — Рабириец чуть скривился. — Но, если ты всерьез полагаешь... А, что

говорить впустую! Возле устья Алиманы, там, где она сливается с Хоротом, стоит аргосская крепость Лерато. В день наступления Первой осенней луны будь там, в таверне «Речной берег». Тебя встретят и проводят через холмы. Контан, сделай одолжение, растолкуй своему впечатлительному приятелю, чем он рискует! У моих учеников никогда не бывает спокойной жизни и ровной дороги!

— Такого не суждено никому из нас, — странно притихшая рабирейка Меланталь быстрыми, нервными движениями перебирала отзывавшиеся серебристым перезвоном струны своей виолы. — Прежде чем уйти, выслушай меня. Не спрашивай, не жди ясных ответов — просто выслушай.

Маг озадаченно кивнул, остановился, привалившись к стволу древнего бука и глядя на девицу-гуля из-под черных прядей.

Предсказательница запела — негромко, слегка пришептывая, но так, что наверняка даже у напрочь лишенного сентиментальности варвара мороз пошел по коже.

А когда я стану пищей для ночных мотыльков,
В волосах моих попрячутся цветные огни,
Я оставляю свою плоть на перекрестке веков
И свободною душой пошляюсь вдоволь по ним.

На холмах зеленый вереск не укроет меня,
В синий омут головой я и сама не уйду,
Не возьмет меня земля, не удостоюсь огня.
Впрочем, это безразлично — как я не пропаду.

И не свита та петля, чтобы меня удержать,
И серебряная чаша ядом не налита,
От крови моей ржавеет сталь любого ножа,
Ни одна меня во гробе не удержит плита.

Она умолкла, дабы перевести дух и исполнить надлежащий проигрыш стремительной, равно звучащей мелодии.

Может, нам это померещилось — от вина, разговоров, царившей вокруг настороженной лесной тишины. Только я не верю, чтобы десятку людей, отличающихся друг от друга характерами, темпераментами и взглядами на жизнь, могло померещиться одно и то же.

Однако я невольно вскочил на ноги, Цинтия и Дженна почти одновременно вскрикнули от изумления, Веллан поперхнулся аргосским, а Конан подозрительно заозирался.

Меланталь не произносила ни звука, мы все это видели, но песня продолжала звучать, переключаясь со звоном серебряных струн, приходя со стороны непроглядной чащобы, падая с ночного неба, заставляя чутко отзываться темное зеркало реки:

И когда истает плоть моя теплом на заре —
В чье спеленутое тело дух мой вскоре войдет?
Ты по смеху отыщи меня в соседней стране,
И к тебе с моей усмешкой кто-нибудь подойдет.

И не бойся, и не плачь, я ненадолго умру,
Ибо дух мой много старше, чем сознание и плоть.
Я — сиреневое пламя, я — струна на ветру.
Я — сияние звезды, и меня примет ночь.

И когда я стану пищей для ночных мотыльков,
И когда я стану пристанью болотных огней,
Позови меня, приду на твой немолкнущий зов,
Не отринь меня, поелику ты тех же кровей!

**Конец истории
о великой немедийской войне,
Камне Равновесия Каримэнон,
Великом совете королей
и преданиях древности,
возродившихся в наши дни.**

*Окленд, Новая Зеландия,
декабрь 2000 — июнь 2001 года.*

СОДЕРЖАНИЕ

Сопроводительное слово к рукописям.....	5
Апокриф.....	8
Глава первая.....	52
Глава вторая.....	92
Глава третья.....	124
Глава четвертая.....	160
Глава пятая.....	198
Глава шестая.....	221
Глава седьмая.....	256
Глава восьмая.....	302
Глава девятая.....	338
Завершение.....	393

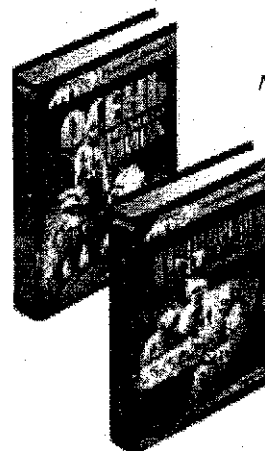

ПЕРЕКРЕСТОК
МИРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ДЮНА

**В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюны»**

**«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитан Дюны»**

**Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын
Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом
Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне».
Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!**

**Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!**

**По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»**

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

**Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и
получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Локнит Олаф Бьорн

Конан и голос крови

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU.

E-mail: astpub@aha.ru.

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 418.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат им. Я. Коласа».
220600, г. Минск, ул. Красная, 23.

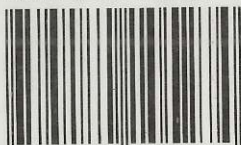
САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИВАРА 56
КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСТОЛИНА 63
КОНАН И СЛУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68		
КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72			

ISBN 5-17-010527-4

9 785170 105274